

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

СКАНДИНАВСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Том 21
Выпуск 2

Издается с 1961 года

ISSN 0202–2397

Том 21

Выпуск 2

Главный редактор: канд. филол. наук, доц. О. С. Ермакова (СПбГУ, Россия)
Редакционная коллегия: д-р филол. наук, проф. А. М. Вунен (Университетский колледж Осло и Акерсхуса, Норвегия); д-р филол. наук, проф. Н. Ю. Гвоздецкая (РГУ, Россия); ст. науч. сотр., д-р физ. наук Т. де Грааф (Фризская академия, Нидерланды); ст. преп. Ю. М. Григорьева (СПбГУ, Россия); д-р филол. наук, проф. А. Ю. Дароци (Реформатский университет им. Кароли Гаспара, Венгрия); д-р филол. наук Э. С. Йенсен (Комитет по датскому языку, Дания); канд. филол. наук, доц. Е. В. Краснова (СПбГУ, Россия); д-р филол. наук, проф. Ю. К. Кузьменко (Институт лингвистических исследований РАН, Россия); канд. филол. наук, доц. А. Н. Ливанова (СПбГУ, Россия); канд. филол. наук, доц. П. А. Лисовская (СПбГУ, Россия); д-р филол. наук, проф. И. М. Михайлова (СПбГУ, Россия); д-р филол. наук, проф. Е. Р. Сквайрс (МГУ, Россия); д-р филол. наук, проф. Е. М. Чекалина (МГУ, Россия)

Vol. 21

Issue 2

Editor-in-chief

Assoc. Prof. O. S. Ermakova (St. Petersburg State University)

Editorial Board

Prof. A. M. Vonen, Doctor of Science (Philology) (Oslo and Akershus University College of Applied Sciences, Norway); Prof. N. Y. Gvosdeckaya, Doctor of Science (Philology) (Russian State University for the Humanities); Senior Research Associate T. de Graaf, PhD in Physics (Frisian Academy, Netherlands); Sen. Lecturer J. Grigoryeva (St. Petersburg State University); Prof. A. J. Daróczy, Doctor of Science (Philology) (Károli Gáspár University of the Reformed Church, Hungary); E. S. Jensen, Doctor of Science (Philology) (Danish language committee, Denmark); Assoc. Prof. E. V. Krasnova, Candidate of Science (Philology) (St. Petersburg State University); Prof. Y. K. Kuzmenko, Doctor of Science (Philology) (Institute of Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Assoc. Prof. A. N. Livanova, Candidate of Science (Philology) (St. Petersburg State University); Assoc. Prof. P. A. Lisovskaya, Candidate of Science (Philology) (St. Petersburg State University); Prof. I. M. Michajlova, Doctor of Science (Philology) (St. Petersburg State University); Prof. C. Squires (Ekaterina Skuayrs), Doctor of Science (Philology) (Lomonosov Moscow State University); Prof. E. M. Chekalina, Doctor of Science (Philology) (Lomonosov Moscow State University)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Herda D.* From nominal quantifiers to adverbial modifiers: A corpus investigation with reference to Swedish 199
- Livanova A., Lavrinaitis E., Tsikoreva P.* Verbs of oscillatory motion *per se* in the Norwegian language: An attempt at classification..... 218
- Osipenkova M.* Death on a yellow horse: Rendering of the color term in Revelation 6:8 in Danish Bible translations 237

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

- Grave J.* Censuur en de Nederlandstalige literatuur in de DDR..... 253
- Векишина Е. Д.* Опосредованный перевод в нидерландско-русском культурном трансфере 266
- Krasnova E.* The importance of translating Karen Blixen's novel *The African Farm* from Danish..... 282
- Темников Н. А., Яковлева А. А.* Переводческие стратегии при передаче нидерландских междометий средствами русского языка на примере перевода комиксов 297

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Ekrogulskaya A.* Søren Kierkegaard's language: Semantic fields of metaphors and similes in *The Sickness unto Death*..... 318
- Peshkova V.* At the origins of the Norwegian detective: Murder in Maurits Christopher Hansen's prose 336
- Сазонова Л. Ю.* Эдит Сёдергран в Санкт-Петербурге. Из записной книжки в черной коленкоровой обложке — семь стихотворений гимназистки. In *memoriam* Эдит Сёдергран (1892–1923) 350
- Сойни Е. Г.* Мотив пути в творчестве поэтов Финляндии XX века..... 374

КУЛЬТУРА И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

- Жаров Б. С.* Скандинавская и нидерландская филология в Санкт-Петербургском/Ленинградском университете..... 395

CONTENTS

LINGUISTICS

- Herda D.* From nominal quantifiers to adverbial modifiers: A corpus investigation with reference to Swedish 199
- Livanova A., Lavrinitis E., Tsikoreva P.* Verbs of oscillatory motion *per se* in the Norwegian language: An attempt at classification 218
- Osipenkova M.* Death on a yellow horse: Rendering of the color term in Revelation 6:8 in Danish Bible translations 237

TRANSLATION STUDY

- Grave J.* Censorship in the Dutch-language literature the GDR 253
- Vekshina E. D.* Indirect translation in Dutch-Russian cultural transfer 266
- Krasnova E.* The importance of translating Karen Blixen's novel *The African Farm* from Danish 282
- Temnikov N. A., Yakovleva A. A.* Translation strategies for rendering interjections from Dutch into Russian in translation of comics 297

LITERATURE STUDY

- Ekgrogluskaya A.* Søren Kierkegaard's language: Semantic fields of metaphors and similes in *The Sickness unto Death* 318
- Peshkova V.* At the origins of the Norwegian detective: Murder in Maurits Christopher Hansen's prose 336
- Sazonova L. Yu.* Edith Södergran in St. Petersburg. Seven poems from *Waxcloth Notebook*. In memoriam of Edith Södergran (1892–1923) 350
- Soini H. G.* The motif of the way in the work of the poets of Finland in the 20th century 374

CULTURE AND CULTURAL RELATIONS

- Zharov B. S.* Scandinavian and Dutch philology at St. Petersburg/Leningrad University 395

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

UDC 811.113.6

Damian Herda

Jagiellonian University in Kraków, Poland

FROM NOMINAL QUANTIFIERS TO ADVERBIAL MODIFIERS: A CORPUS INVESTIGATION WITH REFERENCE TO SWEDISH*

For citation: Herda D. From nominal quantifiers to adverbial modifiers: A corpus investigation with reference to Swedish. *Scandinavian Philology*, 2023, vol. 21, issue 2, pp. 199–217. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.201>

As has been noted in grammaticalization literature, partitives, i. e. nominals encoding parts, portions, and sets, tend to evolve into vague quantifiers, and then into degree adverbs. However, while this grammaticalization path has already received a fair amount of scholarly attention in English, the extension of such items beyond the nominal domain in Swedish remains an empirically unexplored territory. Thus, based on random samples of attestations extracted from selected Språkbanken corpora, this paper offers a synchronic glimpse into the syntactic expansion of nine Swedish nominal quantifiers, namely *droppe* ‘drop’, *nypa* ‘pinch’, *smula* ‘crumb’, *hop* ‘heap’, *hopar* ‘heaps’, *hög* ‘pile’, *högar* ‘piles’, *massa* ‘mass’, and *massor* ‘masses’. The Swedish results largely coincide with those obtained for English, and demonstrate that in the verbal domain, most of the scrutinized elements reveal a preference for pronominal uses, in which they function as an argument of the verb rather than a genuine degree adverb, but which nonetheless give rise to secondary scalar inferences, whereas in the adjectival domain, a majority of the items exhibit a propensity to combine with the comparative forms of adjectives/adverbs. Both of these environments may therefore be assumed to constitute bridging contexts in the emergence of full-blown degree modifier uses of grammaticalized partitives. It is further shown that there exists a strong positive correlation between the items’ respective degrees of grammaticalization in the quantifier function and their

---

* This research was funded by the National Science Center of Poland (Grant no. 2019/33/N/HS2/01695).

extents of adverbialization, which testifies to the importance of frequency of use in the scrutinized instance of grammaticalization.

Keywords: grammaticalization, adverbialization, nominal quantifiers, degree adverbs, Swedish.

1. INTRODUCTION

In grammaticalization theory, it is posited that partitive nouns, i. e. elements designating parts, portions, or sets of what their nominal collocates refer to, tend to develop into vague quantifiers, and then also into degree adverbs (cf. [Traugott, 2008]). Although this phenomenon, and especially the former phase thereof, has already been investigated quite extensively with reference to English (cf. [Herda, 2022a, b; Brems, 2003; 2007; 2011; 2015; De Clerck, Brems, 2016]), the expansion of such items beyond the nominal domain in Swedish remains an empirically unexplored territory (see [Herda, 2018]).

In view of the above, drawing on data derived from selected Språkbanken corpora, this paper seeks to offer a synchronic glimpse into the syntactic extension of nine Swedish nominal quantifiers, namely *droppe* ‘drop’, *nypa* ‘pinch’, *smula* ‘crumb’, *hop* ‘heap’, *hopar* ‘heaps’, *hög* ‘pile’, *högar* ‘piles’, *massa* ‘mass’, and *massor* ‘masses’¹, in an attempt to identify possible bridging contexts in the emergence of their adverbial uses in both the verbal and the adjectival domains. To this end, the obtained tokens for each item have been classified into six categories: (i) verbal inherent modification (e. g. *älska massor* ‘love a lot’), (ii) verbal extent modification (e. g. *vänta en smula* ‘wait a bit’), (iii) adverbial ambiguous (e. g. *le ensmula* ‘smile a bit’), (iv) object-pronominal (e. g. *kosta en massa* ‘cost a lot’), (v) adjectival modification of positives (e. g. *en nypa trött* ‘a bit tired’), and (vi) adjectival modification of comparatives (e. g. *en nypa lättare* ‘a bit easier’). Moreover, the degrees of adverbialization of the analyzed items, construed as proportionate frequencies of their adverbial uses, have been compared with their respective percentages of quantifier attestations, as determined by Herda [forthcoming], in order to establish whether these two grammaticalization parameters are positively correlated.

---

¹ As can be seen, the plural variants of items invoking large quantities are analyzed separately from the singular forms, which is in keeping with the observation that the two may display distinct degrees of grammaticalization (cf. [Brems, 2003]).

The remainder of the paper is structured as follows. Section 2 outlines general facts related to the grammaticalization of partitive nouns into quantifiers and adverbs. Section 3 provides an account of the method used in the empirical investigation, while Section 4 presents the obtained results. Finally, Section 5 summarizes the main conclusions reached in the study and suggests prospects for future research on the topic.

2. PREVIOUS RESEARCH

As stated above, partitives nouns, whose primary function consists in “bounding or unitizing the entities expressed by the second constituent” [Verveckken, 2015, p. 48], and which incorporate “conception of [their] typical size” [Langacker, 1991, p. 88], display a tendency to grammaticalize into vague quantifiers [Brems, 2003; 2007; 2011; De Clerck, Brems, 2016; Traugott, 2008], a development enabled by “the semantization of quantifier meaning through repeated pragmatic inferencing of size or scalar implications” [Brems, 2011, p. 108]. It is further possible to distinguish between multal and paucal vague quantifiers, of which the former indicate a non-specific high quantity, and the latter point to a non-specific low quantity of what the concomitant nominal stands for [Huddleston, Pullum, 2002, p. 365, 366].

The aforementioned semantic generalization of partitives entails a number of distributional changes, among which are (i) collocational broadening (cf. [Brems, 2011, p. 103, 104, 105]), i. e. extension to, e. g., abstract nouns, (ii) loss of compatibility with other quantifiers (cf. [Keizer, 2007, p. 136]), (iii) restrictions in modification patterns, i. e. the possibility for such items to be pre-modified only by quantification-reinforcing adjectives [Brems, 2011, p. 201], e. g. *hel* ‘whole’ in *en hel massa tid* ‘a whole lot (lit. ‘mass’) of time’, and (iv) occasional omission of the indefinite article [Kinn, 2017], as in (1).

- (1) Att ligga på kökssoffan hos mormor väcker **massa gamla minnen!**
[Språkbanken: Twitter, 2015]
‘Lying on the kitchen sofa at grandma’s house evokes a lot (lit. ‘mass’) of old memories!’

Additionally, paucal nominal quantifiers are no longer susceptible to pluralization, whereas multal ones can in fact be pluralized, yet plural morphology serves an intensifying rather than unitizing function here,

i. e. it further strengthens the intrinsic scalar implications of a particular item of this kind (cf. [Brems, 2011, p. 203; Herda, 2019b]).

Crucially, the subsequent phase in the functional evolution of partitives nouns manifests itself in their syntactic expansion beyond the nominal domain (cf. [Doetjes, 1997; Traugott, 2008; Brems, 2011; De Clerck, Brems, 2016]). As De Clerck and Brems [De Clerck, Brems, 2016, p. 168] underline, the reason why the adverbialization of nominal quantifiers deserves special attention resides in the fact that “extension to increasingly more syntactic contexts is considered to be a symptom of further grammaticalization since it presupposes that reanalysis of the expression concerned has taken place.” More specifically, adverbialized quantifiers may function as either inherent degree modifiers, combining with gradable adjectives/adverbs as well as verbal predicates encoding degree scales, e. g. psychological verbs, or extent modifiers, in which case they point to the temporal extension of the situations denoted by the accompanying eventive verbs (cf. [Bolinger, 1972]). However, the existence of verbs permitting both the degree and the extent interpretation, such as *le* ‘to smile’ or *regna* ‘to rain’, occasionally leads to ambiguities [Quirk et al., 1985, p. 603]. Even so, it is possible for both degree and extent modifiers to be subdivided in accordance with the type of quantifier they derive from. Thus, adverbs deriving from multal quantifiers are typically referred to as boosters, while those related to paucal quantifiers are traditionally labelled as diminishers or minimizers, the latter name being peculiar to adverbs used in non-assertive contexts (cf. [Quirk et al., 1985, p. 589; Claridge, Kytö, 2014, p. 29, 30]).

However, adverbial uses of nominal quantifiers ought to be distinguished from pronominal attestations, i. e. those in which the quantifier syntactically functions as the direct object in a sentence rather than a genuine degree modifier, as in (2)–(3). In such cases, the semantics of the verb implies a specific complement (cf. (2)), or it is possible to assume a highly general complement like *saker* ‘things’ (cf. (3))².

- (2) Kände mig bakis, även om jag inte **druckit en droppe** [Språkbanken: Bloggmix, 2011].
‘I felt hungover, even though I hadn’t drunk a drop.’

---

² Pronominal occurrences, in turn, should be differentiated from clearly elliptical quantifier attestations, where the omitted quantified nominal can be easily retrieved from the immediate context of the utterance.

- (3) Jag **lärde mig massor** [Språkbanken: Twitter, 2016].
'I learnt lots (lit. 'masses').'

As for the mechanisms underlying the expansion of grammaticalized partitives beyond the nominal domain, three scenarios have been suggested in the existing literature. According to one of them, the initial stage of the adverbialization of nominal quantifiers involves extent rather than inherent degree modification, as the former phenomenon is conceptually closer to vague quantification by dint of indicating numbers, i. e. frequencies, or amounts, i. e. durations (cf. [Claridge, Kytö, 2014; Herda, 2019a]). Following De Clerck and Brems [De Clerck, Brems, 2016], it is also pronominal occurrences that may facilitate the transition of vague quantifiers to adverbial settings by virtue of generating secondary degree/extent inferences, and thus attestations of this kind will likewise be taken into account in the present study. As for the adjectival domain, it has been proposed that the early adverbial uses of nominal quantifiers tend to involve comparatives rather than positives, especially forms analogous to Swedish *mer* 'more' and *fler* 'more (only for countable nouns)' (cf. [Norde, De Clerck, Coleman, 2014]), as in *en massa mer/fler* 'a lot (lit. 'mass') more', yet the possibility of a grammaticalized partitive functioning as a degree modifier still "calls for empirical investigations across larger data sets" [Norde, De Clerck, Coleman, 2014, p. 246].

In what follows, the above-discussed hypotheses are confronted with empirical Swedish data. Section 4 describes the method employed in the inquiry, whereas Section 5 reveals the obtained results, which are then summarized in Section 5.

3. METHOD

As already stated in the Introduction, the current investigation includes nine Swedish items, namely *droppe* 'drop', *nypa* 'pinch', *smula* 'crumb', *hop* 'heap', *hopar* 'heaps', *hög* 'pile', *högar* 'piles', *massa* 'mass', and *massor* 'masses'. Since the extended uses of nominal quantifiers have been observed to occur predominantly in informal, web-based data (cf. [Norde, De Clerck, Coleman, 2014; De Clerck, Brems 2016]), the empirical material for this study was collected from the following Språkbanken corpora: (i) Bloggmix 2011, (ii) Bloggmix 2012, (iii) Bloggmix 2013, (iv) Bloggmix 2014, (v) Bloggmix 2015, (vi) Bloggmix 2016, (vii) Blogg-

mix 2017, (viii) Familjeliv: Fritid och Hobby, (ix) Flashback: Livsstil, (x) Twitter 2015, (xi) Twitter 2016, and (xii) Twitter 2017. The entire dataset further encompasses slightly more than 2 billion tokens, which makes it both qualitatively and quantitatively close to that used in an analogous investigation conducted on English data (cf. [Herda, 2022b]).

The specific aim of the searches has been to obtain a random sample consisting of up to 250 relevant attestations per item (excluding occasional doublets), of which a maximum of 125 include instances representative of the verbal domain, and a maximum of 125 involve instances representative of the adjectival domain, so as to preclude the possibility of claiming a particular element to have undergone a substantial level of adverbialization if it predominantly occurs in one domain only. As mentioned before, attestations belonging to the verbal domain have been grouped into (i) adverbial degree modifier (DM), (ii) adverbial extent modifier (EM), (iii) adverbial ambiguous, i. e. allowing both the degree and extent modifier reading (AMB), and (iv) pronominal (PRON). Occurrences representative of the adjectival domain, in turn, have been categorized into those involving (i) positive (POS) and (ii) comparative (COM) forms of adjectives/adverbs, the latter also including uses with the inherently comparative adverb *till* 'more; additionally' (e. g. *en massa till* 'much (lit. 'mass') more') as well as the excess operator *för* 'too'.

Importantly, the current degree of each item's adverbialization is taken to be reflected in the number of all of its adverbial attestations in the sample divided by 250 (i. e. the highest possible number of tokens per item). Moreover, the adverbialization values (ADV) were juxtaposed with those related to the items' respective degrees of grammaticalization in the quantifier function (QUANT), operationalized as the proportionate frequency of an item's quantifier occurrences in a random sample, as reported on in Herda [forthcoming], in order to ascertain whether there exists a positive correlation between these two grammaticalization parameters³.

4. RESULTS

Table 1 shows the distribution of the scrutinized Swedish items in the verbal and the adjectival domains.

---

³ Notably, all of the obtained values have been rounded up to two decimal places.

Table 1. Adverbialization patterns of the analyzed Swedish items

Item	Uses						Total
	Verbal domain				Adjectival domain		
	DM No. (%)	EM No. (%)	AMB No. (%)	PRON No. (%)	POS No. (%)	COM No. (%)	
<i>droppe</i>	0 (0)	0 (0)	23 (14.02)	102 (62.20)	3 (1.83)	36 (21.95)	164 (100)
<i>nypa</i>	2 (12.50)	0 (0)	0 (0)	0 (0)	8 (50)	6 (37.50)	16 (100)
<i>smula</i>	107 (42.80)	6 (2.40)	7 (2.80)	5 (2)	98 (39.20)	27 (10.80)	250 (100)
<i>hop</i>	0 (0)	0 (0)	0 (0)	0 (0)	0 (0)	0 (0)	0 (0)
<i>hopar</i>	0 (0)	0 (0)	0 (0)	0 (0)	0 (0)	0 (0)	0 (0)
<i>hög</i>	0 (0)	0 (0)	0 (0)	0 (0)	0 (0)	0 (0)	0 (0)
<i>högar</i>	0 (0)	0 (0)	0 (0)	0 (0)	0 (0)	0 (0)	0 (0)
<i>massa</i>	16 (6.40)	17 (6.80)	10 (4)	82 (32.80)	3 (1.20)	122 (48.80)	250 (100)
<i>massor</i>	31 (12.40)	18 (7.20)	8 (3.20)	68 (27.20)	0 (0)	125 (50)	250 (100)
Total	156 (16.77)	41 (4.41)	48 (5.16)	259 (27.85)	112 (12.04)	316 (33.98)	930 (100)

As can be noted, *smula* ‘crumb’ exhibits the highest degree of adverbialization among the analyzed Swedish elements (245/250, i. e. 98%), followed by *massor* ‘masses’ (182/250, i. e. 72.80 %) and *massa* ‘mass’ (168/250, i. e. 67.20 %), except that the difference between the latter two items in the proportion of their adverbial uses is not statistically signifi-

cant ($p > .05$). The items *droppe* ‘drop’ and *nypa* ‘pinch’, in turn, have undergone a limited level of adverbialization, the relevant values standing at 24.80 % (62/250) and 6.40 % (16/250), respectively. However, neither *hop* ‘heap’, *hopar* ‘heaps’ nor *hög* ‘pile’, *högar* ‘piles’ have been found to have developed any adverbial uses.

In the verbal domain, there is a predominance of pronominal uses, which suggests that pronominalization can indeed be seen as an intermediate phase between vague quantification in the nominal domain and adverbial degree modification. Nevertheless, the data do not provide any strong support for the importance of attestations involving eventive predicates in the expansion of vague quantifiers beyond the nominal domain. Even so, in the adjectival domain, uses involving comparative variants of adjectives/adverbs substantially outnumber those with positive forms, which, in turn, accords with the hypothesis assuming a facilitating role of such attestations in the change under scrutiny.

Importantly, the validity of the above findings is further strengthened by the fact that a methodologically analogous study concerned with the adverbialization of English nominal quantifiers likewise testifies to the significance of pronominal occurrences and those involving comparatives (cf. [Herda, 2022b]). Another noteworthy commonality between English and Swedish is that in both languages, the adverbialization frequency values of particular items are positively correlated with those pertaining to their respective degrees of grammaticalization in the quantifier function.

Table 2. The analyzed Swedish items as adverbs and quantifiers

NQ	<i>droppe</i>	<i>nypa</i>	<i>smula</i>	<i>hop</i>	<i>hopar</i>	<i>hög</i>	<i>högar</i>	<i>massa</i>	<i>massor</i>
ADV	0.25	0.06	0.98	0	0	0	0	0.67	0.73
QUANT	0.32	0.37	0.89	0.54	0.01	0.25	0.19	0.99	1

Indeed, the values presented in Table 2 reveal a strong positive correlation between the Swedish items’ levels of grammaticalization as adverbs and quantifiers ($R = .88$, $p < .05$). Compounded by the diachronic facts described in Traugott (2008) and Herda (2018), this observation points to a tendency for a high percentage of an item’s quantifier uses to facilitate the emergence of additional adverbial occurrences.

In the subsequent parts of the paper, the items *droppe* ‘drop’, *nypa* ‘pinch’, *smula* ‘crumb’, *massa* ‘mass’, and *massor* ‘masses’ are dealt with separately through the prism of their adverbial attestations. In each case, a number of representative corpus examples are provided.

4.1. *Droppe*

Out of the 16,189 occurrences of the item *droppe* ‘drop’ in the analyzed material, only 164 instances have been recognized as relevant to the present study. Most of them, however, are pronominal attestations, in which *droppe* ‘drop’ combines with the verb *dricka* ‘to drink’, as already illustrated with (2).

Interestingly, even in its adverbial uses in the verbal domain, the element under discussion exhibits collocational constraints, in that it only modifies liquid-related verbs, such as *regna* ‘to rain’ (cf. (4)), *svettas* ‘to sweat’ (cf. (5)), and *gråta* ‘to cry’ (cf. (6)). Since such verbs allow both a degree and an extent reading, uses of this kind have been classified as adverbial ambiguous⁴. Another noteworthy fact is that similarly to its pronominal uses, *droppe* ‘drop’ modifying verbs functions as a negative polarity item, i. e. a minimizer, appearing predominantly in the context of negation, which can be explained with reference to a literal drop being commonly perceived as a minimal portion of a liquid substance.

- (4) Är så himla nöjd över att det inte **regnade en droppe** igår [Språkbanken: Bloggmix, 2012].
‘I’m so damn happy that it didn’t rain at all (lit. ‘drop’) yesterday.’
- (5) Räcker länge och du **svettas inte en droppe** [Språkbanken: Flashback: Livsstil].
‘It suffices for a long time and you don’t sweat at all (lit. ‘drop’)’
- (6) Har inte **gråtit en droppe** [Språkbanken: Twitter, 2015].
‘I haven’t cried at all (lit. ‘drop’)’

In the adjectival domain, the adverbially used item *droppe* ‘drop’ most frequently modifies comparatives (cf. (7)–(9)), including the

---

⁴ Theoretically, it is also possible to treat verbs like *regna* ‘to rain’ as encoding an implicit liquid argument, in which case uses such as (4)–(6) could be classified as pronominal.

excess operator *för* ‘too’ (cf. (10)) and the inherently comparative form *till* ‘more’ (cf. (11)).

- (7) När man fått nog och aldrig vill dricka **en droppe mer** [Språkbanken: Twitter, 2015].
‘When you’ve had enough and don’t ever want to drink even a bit (lit. ‘drop’) more.’
- (8) Jag tycker dom förtjänar det finaste och bästa som finns ju, inte **en droppe mindre** än det [Språkbanken: Bloggmix, 2012].
‘I think they deserve the finest and the best stuff that exists, not even a bit (lit. ‘drop’) less than that.’
- (9) Nu **en droppe mognare, bittrare och drygare...** [Språkbanken: Twitter, 2015]
‘Now a bit more mature, more bitter, and tougher...’
- (10) Detta var **en droppe för mkt...** [Språkbanken: Twitter, 2017]
‘That was a bit (lit. ‘a drop’) too much...’
- (11) Går barca vidare kommer jag gå rätt hem utan att dricka **en droppe till** [Språkbanken: Twitter, 2017].
‘If Barca goes further, I’ll go home straight away without drinking even a bit (lit. ‘drop’) more.’

The adverbial attestations of *droppe* ‘drop’ involving positive forms of adjectives/adverbs, on the other hand, seem rather incidental due to their scarcity and the impossibility of identifying any semantic tendencies pertaining to the modified elements. In the scrutinized material, the degree modifier *droppe* ‘drop’ combines only with three relevant forms, namely *motströms* ‘against the current’ (cf. (12))⁵, *mörk* ‘dark’ (cf. (13)), and *tråkig* ‘boring/sad’ (cf. (14)).

- (12) Så nu vet ni det ;-) **En droppe motströms...** Hade velat skriva mer, men ovanstående var redan över maxgränsen [Språkbanken: Bloggmix, 2015].

---

⁵ In truth, *droppe* ‘drop’ in (12) may also be interpreted more or less literally, i. e. as a drop which is against the current. However, since the limited corpus context does not permit disambiguation, the discussed example has been classified as a potential adverbial attestation. Similarly, (14) can potentially be seen as a quantifier use in which *tråkigt* is a substantivized adjective (‘boring/sad stuff’). Yet, again, given that no analogous uses have been recorded in the sample comprising the analyzed item’s clearly adnominal occurrences, (14) has been categorized here as an adverbial use.

‘So now you know it ;-) A bit (lit. ‘drop’) against the current... I’d like to have written more, but the above already exceeded the maximal boundary.’

- (13) Hur är det möjligt att en svart man och en vit kvinna får barn och barnet blir inte **en droppe mörk**? [Språkbanken: Twitter, 2016]
‘How is it possible that a black man and a white woman have a child and the child is not even a bit (lit. ‘drop’) dark?’
- (14) Och **en droppe tråkigt** [Språkbanken: Twitter, 2017].
‘And a bit (lit. ‘drop’) boring/sad.’

4.2. *Nypa*

Out of the 10,904 attestations of the noun *nypa* ‘pinch’ in the analyzed data, only two adverbial attestations in the verbal domain can be found: one involving the verb *dofta* ‘to smell’ (cf. (15)), which encodes a physical sensation, and the other involving the epistemic predicate *överdriva* ‘to exaggerate’ (cf. (16)). Yet, given the scarcity of the relevant uses, it is impossible to identify any semantic tendencies here.

- (15) Däremot **doftar det en nypa njure** <...> [Språkbanken: Bloggmix, 2012].
‘However, it smells a bit (lit. ‘pinch’) of kidney.’
- (16) Nej jag kanske **överdrev en nypa** <...> [Språkbanken: Twitter, 2016].
‘No, maybe I exaggerated a bit (lit. ‘pinch’)’

As for the adjectival domain, on the other hand, the scrutinized material reveals 14 adverbial uses of the item under discussion. Notably, most of the positive forms of adjectives/adverbs modified by *nypa* ‘pinch’ are negatively colored (cf. (17)–(18)), which accords with the cross-linguistic tendency for diminishers to combine with neutrally and negatively, rather than positively, loaded elements. However, this apparent restriction does not seem to apply to comparatives (cf. (19)–(20)).

- (17) Är bara **en nypa trött** på mig själv [Språkbanken: Twitter, 2016].
‘I’m just a bit (lit. ‘pinch’) tired of myself.’
- (18) **En nypa osmakligt** av åhlens :([Språkbanken: Twitter, 2017].
‘That’s a bit (lit. ‘pinch’) distasteful on Åhlens’s side :(’

- (19) Jag är nöjd, livet **en nypa lättare** och barnen vet vilka fingervantar av alla dessa rosa magiska vantar (...) är just deras [Språkbanken: Bloggmix, 2013].
‘I’m happy, life’s a bit (lit. ‘pinch’) easier, and the children know which of all those pink magic gloves are theirs.’
- (20) Just när man tagit dem **en nypa för mycket för givna...** [Språkbanken: Twitter, 2017]
‘Just when you’ve taken them a bit (lit. ‘pinch’) too much for granted...’

4.3. *Smula*

Out of the analyzed items, *smula* ‘crumb’ is the only one which has undergone conventionalization in the adverbial function, its earliest pertinent attestations dating back to the 18th century (cf. [SAOB]). It should therefore come as no surprise that, similarly to English *bit*, Swedish *smula* ‘crumb’ exhibits a high degree of collocational openness. Another commonality between the two items is their notable preference for inherent degree modification (cf. [Herda, 2022b]). Moreover, the degree modifier *smula* ‘crumb’ reveals a predilection for change-of-state (cf. (21)–(22)) and psychological verbs (cf. (23)–(24)).

- (21) Efter två långa timmar begav sig våra besökare iväg och Z **lugnade ner sig en smula** [Språkbanken: Bloggmix, 2011].
‘After two long hours, our visitors went away and Z calmed down a bit (lit. ‘crumb’).’
- (22) Frekvensen har **gått upp en smula...** [Språkbanken: Twitter, 2017]
‘The frequency has gone up a bit (lit. ‘crumb’)...’
- (23) Härlig stad, men **längtar hem en smula** nu [Språkbanken: Twitter, 2015].
‘Wonderful city, but I miss home a bit (lit. ‘crumb’) now.’
- (24) Jag **ångrar mig en smula** [Språkbanken: Twitter, 2015].
‘I repent a bit (lit. ‘crumb’).’

When occurring in the adjectival domain, the adverbially used item *smula* ‘crumb’, again like English *bit* (cf. [Herda, 2022b]), combines predominantly with the positive forms of adjectives/adverbs. As is the case with *nypa* ‘pinch’, a large proportion of the positive forms of adjecti-

ves/adverbs modified by *smula* ‘crumb’ further display a negative coloring (cf. (25)–(26)), except that the latter is considerably more productive in the adverbial function (cf. Table 1). This tendency cannot, however, be extended to the modified comparatives (cf. (27)–(28)).

- (25) Det är **en smula löjeväckande** och ytterst fånigt [Språkbanken: Flashback: Livsstil].
‘That’s a bit (lit. ‘crumb’) ridiculous and extremely silly.’
- (26) Tillåt mig säga att jag är både överraskad och **en smula skeptisk** [Språkbanken: Twitter, 2015].
‘Let me say that I’m both surprised and a bit (lit. ‘crumb’) skeptical.’
- (27) Men jag tror att jag faktiskt blivit både **en smula försiktigare** OCH klokare [Språkbanken: Twitter, 2017].
‘But I think that I’ve actually become both a bit (lit. ‘crumb’) more careful and wiser.’
- (28) Därför tog vi ungefär samma runda idag och lyckades faktiskt **en smula bättre** [Språkbanken: Bloggmix, 2012].
‘So we went for approximately the same round today, and we actually did a bit (lit. ‘crumb’) better.’

4.4. *Massa*

While *smula* ‘crumb’ reveals a clear preference for inherent degree modifier uses over extent modifier ones, there is no statistically significant difference in the frequency of the two types of attestations in the case of *massa* ‘mass’ (cf. (29)–(32)). In its degree modifier occurrences, *massa* ‘mass’ further tends to combine with psychological verbs, especially *sakna* ‘miss’ (cf. (29)), as well as change-of-state predicates (cf. (30)).

- (29) jag **saknar dig massa!** [Språkbanken: Twitter, 2015]
‘I miss you a lot (lit. ‘mass’)!’
- (30) Sen **växte han en massa** under sommaren [Språkbanken: Bloggmix, 2011].
‘Then he grew a lot (lit. ‘mass’) during the summer.’
- (31) Den här kommer jag **använda massa** [Språkbanken: Bloggmix, 2011].
‘This one I’m going to use a lot (lit. ‘mass’)’
- (32) Min telefon **krånglar en massa** och jag har tänkt skaffa ny länge [...] [Språkbanken: Bloggmix, 2012].

‘My phone breaks down a lot (lit. ‘mass’) and I’ve long considered buying a new one.’

In the adjectival domain, two out of the three adverbial uses of *massa* ‘mass’ with positive forms of adjectives/adverbs (cf. (33)–(35)) involve items denoting psychological (cf. (33)) or physiological sensations (cf. (34)). As in the case of *droppe* ‘drop’, however, the paucity of the relevant uses makes it impossible to speak of any strong tendencies here.

(33) Dagen har varit **massa mysig** och varm [Språkbanken: Bloggmix, 2011].

‘The day has been very (lit. ‘mass’) nice and warm.’

(34) Häromdagen när jag låg i sängen och var trött (+ **massa sugen** på godis) så hörde jag glassbilen utanför [Språkbanken: Bloggmix, 2011].

‘The other day, when I was lying in bed tired (+ very (lit. ‘mass’) hungry for sweets), I heard an ice cream van outside.’

(35) Jag hade glömt att NK startade sin rea igår, men jag sprang förbi Ordning&Reda som egentligen är **massa dyrt** [Språkbanken: Bloggmix, 2011].

‘I’d forgotten that NK started its sales yesterday, but I ran past Ordning & Reda that is actually very (lit. ‘mass’) expensive.’

The remaining attestations of *massa* ‘mass’ representative of the adjectival domain involve comparatives. Although relatively frequent, such uses are predominantly made up of just two items, namely the comparative forms of the quantifiers *mycket* ‘much’ and *många* ‘many’, i. e. *mer* ‘more’ (cf. (36)) and *fler* ‘more’ (cf. (37)), respectively. In the data under scrutiny, there is only one attestation involving a form other than *mer* ‘more’ or *fler* ‘more’, namely the inherently comparative item *till* ‘more; additionally’ (cf. (38)).

(36) Haha jag kommer säkert på **en massa mer** saker som jag borde köpa [Språkbanken: Twitter, 2016].

‘Haha, I’ll surely think of a lot (lit. ‘mass’) more things that I should buy.’

(37) Vi behöver högre straff på sexbrott och **massa fler** poliser [Språkbanken: Twitter, 2017].

‘We need stricter punishments for sex crimes and a lot (lit. ‘mass’) more police officers.’

- (38) <...> sy kläder + **en massa till** [Språkbanken: Bloggmix, 2011].
‘sewing clothes + a lot (lit. ‘mass’) more.’

Interestingly, what the above examples also demonstrate is that despite its lower percentage of adverbial attestations, *massa* ‘mass’ seems to have undergone a higher level of decategorialization than *smula* ‘crumb’, which manifests itself in the occasional omission of the indefinite article in the latter case (cf. (29), (31), (33)–(35), and (37)).

4.5. *Massor*

Whereas the adverbial uses of *massa* ‘mass’ in the verbal domain are almost equally distributed between inherent degree and extent modification, *massor* ‘masses’ displays a preference for the former type of contexts. Employed as a degree modifier, *massor* ‘masses’ further tends to combine with psychological verbs (cf. (39)–(42)), most of which exhibit a positive coloring.

- (39) Ja absolut, vi måste ses snart, **saknar dig massor!** [Språkbanken: Twitter, 2016]
‘Yes, definitely, we must see each other soon, I miss you a lot (lit. ‘masses’)!’
- (40) Vi **älskar varandra massor** och känslan av att vi numera är en familj är fantastisk [Språkbanken: Bloggmix, 2013].
‘We love each other a lot (lit. ‘masses’) and the feeling that we are a family now is fantastic.’
- (41) Det **ser vi fram emot massor** [Språkbanken: Bloggmix, 2013].
‘We’re looking forward to that a lot (lit. ‘masses’)’.
- (42) Och så måste jag visa Dellas nya Bumbo stol som hon **gillade massor!** [Språkbanken: Bloggmix, 2012]
‘And so I have to show Della’s new Bumbo-table that she liked a lot (lit. ‘masses’)!’

In the dataset under analysis, there are no adverbial uses of *massor* ‘masses’ involving positive forms of adjectives/adverbs. However, in their investigation into the emergence of degree modifier uses of Dutch nominal quantifiers, Norde et al. [Norde, De Clerck, Coleman, 2014, p.245]

mention, in passing, one authentic example where Swedish *massor* ‘masses’ functions adverbially in relation to an adjective in its positive form, namely *Resan hem var massor trevlig* ‘The journey home was very (lit. ‘masses’) nice’, which indicates that rather than being non-existent, adverbial occurrences of the analyzed Swedish item with positives are in fact conspicuously infrequent, especially when compared with those involving comparatives. Similarly to the case with *massa* ‘mass’, a vast majority of the degree modifier uses of *massor* ‘masses’ in the adjectival domain involve the comparative forms *mer* ‘more’ and *fler* ‘more’ (cf. (43)–(44)), attestations with other items being few and far between (cf. (45)).

- (43) Det finns **massor mer** jag vill berätta, men jag har inte riktigt tid nu [Språkbanken: Flashback: Livsstil].
 ‘There’s a lot (lit. ‘masses’) more I want to talk about but don’t really have time now.’
- (44) Sämre bullerkrav ger inte **massor fler** bostäder [Språkbanken: Twitter, 2017].
 ‘Worse noise limitations won’t produce a lot (lit. ‘masses’) more dwellings.’
- (45) Den här röda outfitten är **massor bättre** än det hon hade på sig sist [Språkbanken: Twitter, 2017].
 ‘This red outfit is a lot (lit. ‘masses’) better than the one she was wearing last time.’

5. CONCLUSION

Based on synchronic corpus data, this study has sought to examine the adverbialization patterns of nine Swedish nominal quantifiers, with a focus on the identification of possible bridging contexts. The obtained results suggest that in the verbal domain, pronominal attestations constitute an intermediate stage between nominal quantification and adverbial modification, while in the adjectival domain, it is uses involving comparatives that seem to drive the change. Moreover, drawing on additional data from Herda [forthcoming], it has been established that there exists a strong positive correlation between the percentages of the analyzed items’ quantifier and adverbial uses, thus indicating that frequency plays an important role in the grammaticalization of Swedish partitive nouns. Notably, all of these findings concur with those arrived at in an analogous investigation devoted to English (cf. [Herda,

2022b]), which lends further substance to their cross-linguistic validity. Still, future research on the topic should be extended to other, especially non-Germanic, languages in order to confront the above-discussed observations with novel empirical data.

REFERENCES

- Bolinger D. *Degree Words*. The Hague: Mouton, 1972. 324 p.
- Brems L. Measure noun constructions: An instance of semantically-driven grammaticalization. *International Journal of Corpus Linguistics*, 8 (2), 2003. P. 283–312.
- Brems L. The grammaticalization of small size nouns: Reconsidering frequency and analogy. *Journal of English Linguistics*, 35, 2007. P. 235–293.
- Brems L. *The Layering of Size Noun and Type Noun Constructions in English*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2011. 409 p.
- Brems L. Some binominal size noun constructions in English and French: A contrastive corpus-based perspective. *Nordic Journal of English Studies*, 14 (1), 2015. P. 90–115.
- Claridge C., Kytö M. I had lost sight of them then for a bit, but I went on pretty fast: Two degree modifiers in the Old Bailey Corpus. *Diachronic Corpus Pragmatics*. Ed. by I. Taavitsainen, A. Jucker, J. Tuominen. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2014. P. 29–52.
- De Clerck B., Brems L. Size nouns matter: A closer look at *mass(es)* of and extended uses of SNs. *Language Sciences*, 53, 2016. P. 160–176.
- Doetjes J.S. *Quantifiers and Selection: On the Distribution of Quantifying Expressions in French, Dutch and English*. The Hague: Holland Academic Graphics, 1997. 307 p.
- Herda D. On the adverbialization of Polish indefinite quantifiers of nominal origin: A diachronic study of *troche* ‘a bit’, *odrobinię* ‘a bit’, and *masę* ‘a lot’. *Studies in Polish Linguistics*, 14 (1), 2019a. P. 19–42.
- Herda D. On the effect of pluralization on the numeralization of nouns in English and Polish: A contrastive corpus-based study. *Linguistica Silesiana*, 40, 2019b. P. 139–155.
- Herda D. On the gradience of English size nouns: Frequency, productivity, and expansion. *Baltic Journal of English Language, Literature and Culture*, 12, 2022a. P. 30–47.
- Herda D. On the grammaticalization of partitives into degree adverbs: The case of Polish *odrobina* ‘crumb; a little’ and Swedish *smula* ‘crumb; a little’. *Zeszyty Naukowe Towarzystwa Doktorantów Uniwersytetu Jagiellońskiego. Nauki Humanistyczne*, 23 (4), 2018. P. 19–32.
- Herda D. To be “a boat load healthier” and not to “care a single scrap”: On the adverbialization of English size nouns. *GEMA Online Journal of Language Studies*, 22 (2), 2022b. P. 111–127.

- Herda D. Swedish nominal quantifiers and their degrees of grammaticalization: A corpus inquiry. *Filologiskt smörgåsbord 5. När forskning och undervisning möts — en 50-års jubileumsskrift från nordistiken i Kraków*. Ed. by E. Data-Bukowska, M. Wasilewska-Chmura. Kraków: Jagiellonian University Press [forthcoming].
- Huddleston R., Pullum G. *The Cambridge Grammar of the English Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 1842 p.
- Keizer E. *The English Noun Phrase: The Nature of Linguistic Categorization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 394 p.
- Kinn T. Norwegian *masse*: from measure noun to quantifier. The Very Model of a Modern Linguist. *BeLLS*, vol. 8. Ed. by V. Rosén, K. De Smedt. Bergen: University of Bergen, 2017. P. 143–166.
- Langacker R. *Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 2: Descriptive Application*. Stanford: Stanford University Press, 1991. 628 p.
- Norde M., De Clerck B., Coleman T. The emergence of non-canonical degree modifiers in non-standard varieties of Dutch: A constructionalization perspective. *Extending the Scope of Construction Grammar*. Ed. by R. Boogaart, T. Coleman, G. Rutten. Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 2014. P. 207–250.
- Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. *A Comprehensive Grammar of the English Language*. London; New York: Longman, 1985. 1779 p.
- SAOB — *Svenska Akademiens ordbok*. Available at: <https://www.saob.se> (accessed: 09.03.2023).
- Språkbanken*. Available at: <https://spraakbanken.gu.se/korp/> (accessed: 09.03.2023)
- Traugott E. C. Grammaticalization, constructions and the incremental development of language: Suggestions from the development of degree modifiers in English. *Variation, Selection, Development — Probing the Evolutionary Model of Language Change*. Ed. by Eckardt R., Jäger G., Veenstra T. Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 2008. P. 219–250.
- Verveckken K. D. *Binominal Quantifiers in Spanish: Conceptually-driven Analogy in Diachrony and Synchrony*. Berlin; Boston: Mouton de Gruyter, 2015. 516 p.

Дамиан Херда

Ягеллонский университет, Польша

**ОТ ИМЕННЫХ КВАНТИФИКАТОРОВ К НАРЕЧНЫМ МОДИФИКАТОРАМ:
КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НА МАТЕРИАЛЕ ШВЕДСКОГО ЯЗЫКА***

Для цитирования: Herda D. From nominal quantifiers to adverbial modifiers: A corpus investigation with reference to Swedish // Скандинавская филология. 2023. Т. 21. Вып. 2. С. 199–217. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.201>

---

* Исследование проведено при поддержке Национального научного центра Польши (грант № 2019/33/N/HS2/01695).

Как отмечается в литературе по грамматикализации, партитивные именные части речи, обозначающие части, порции и множества, имеют тенденцию развигаться в неопределенные квантификаторы, а затем в наречия степени. Однако, несмотря на то что этот процесс уже был предметом многих исследований, основанных на данных английского языка, распространение этого типа единиц на наречия остается неисследованным в шведском языке. В данной статье предлагается синхронный анализ адвербиализации девяти шведских партитивных существительных, а именно *droppe* 'капля', *nyra* 'щепотка', *smula* 'крошка', *hop* 'куча', *hopar* 'кучи', *hög* 'груда', *högar* 'груды', *massa* 'масса' и *massor* 'массы', на основе случайных выборок, взятых из отобранных корпусов Språkbanken. Полученные результаты свидетельствуют о том, что в глагольной области большинство проанализированных примеров относятся к местоименным употреблением, в то время как в адъективной области отмечается преобладание сочетаний со сравнительными степенями прилагательных/наречий. Таким образом, оба этих типа окружений можно рассматривать как промежуточные контексты, способствующие конвенционализации наречной функции у изучаемых существительных. Более того, было обнаружено, что существует сильная положительная корреляция между уровнем грамматикализации изучаемых единиц и степенью их адвербиализации, что доказывает значительную роль частоты употребления в анализируемом явлении.

Ключевые слова: грамматикализация, адвербиализация, именные квантификаторы, наречия степени, шведский язык.

Damian Herda

PhD in Linguistics,

MA in English Studies and Swedish Philology, Research Assistant,

Jagiellonian University,

9a, al. Adama Mickiewicza, Kraków, 31-120, Poland

E-mail: damian.herda@uj.edu.pl

Херда Дамиан

доктор лингвистики,

магистр английских исследований и шведской филологии,

Ягеллонский университет,

Польша, 31-120, Краков, ул. Адама Мицкевича, 9а

E-mail: damian.herda@uj.edu.pl

Received: March 10, 2023

Accepted: July 1, 2023

UDC 811.113.5

Aleksandra Livanova

St. Petersburg State University

Ekaterina Lavrinaitis

Independent Researcher

Polina Tsikoreva

Independent Researcher

VERBS OF OSCILLATORY MOTION *PER SE* IN THE NORWEGIAN LANGUAGE: AN ATTEMPT AT CLASSIFICATION

For citation: Livanova A., Lavrinaitis E., Tsikoreva P. Verbs of oscillatory motion *per se* in the Norwegian language: An attempt at classification. *Scandinavian Philology*, 2023, vol. 21, issue 2, pp. 218–236.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.202>

The article is an initial attempt to identify, represent, and classify verbs of oscillatory motion in Norwegian. The mentioned verbs belong to the lexical-semantic group of motion verbs, but while preserving the integral feature of the semantic group (the physical movement of living beings and objects in space), they have their own characteristic features. Verbs denoting motion in which the object, while moving from the initial point to another, tends to return to it and generally remains within the confines of a more or less defined location, are grouped as verbs of oscillatory motion. The authors of studies conducted on the material of other languages divide this group into two subgroups: verbs of oscillatory motion *per se* (swaying) and verbs of vibrational motion. The second subgroup is beyond the scope of this article. The linguistic material is drawn from the online explanatory Norwegian dictionary [NAOB] and supplemented with data collected from contemporary mass media sources. As a result of the study, we identified and described 32 verbs of oscillatory motion. The results of this study can be used for further typological studies of Norwegian and other languages.

Keywords: lexical-semantic group, motion verbs, oscillatory motion, verb, semantic analysis, Norwegian language.

This article is an attempt to represent verbs of oscillatory motion in the Norwegian language. To our knowledge, there have been no specific studies conducted on this topic so far.

Verbs of oscillatory motion belong to the lexical-semantic group of motion verbs. Previous studies have examined both broad lexical-semantic groups of motion verbs and individual subgroups, as well as individual verbs. Several studies have been dedicated to Norwegian verbs [Livanova, 2018; Livanova, Vorobyeva, 2020; Livanova, Mordashova, 2020].

Although “Motion verbs undoubtedly belong to the core of the system of semantic means denoting spatial relations” [Maysak, 2005, p.101], there are still numerous languages that are undescribed in this regard, and a number of unresolved questions.

We share the opinion of Vladimir Plungyan, who understands *motion* as a more general term. “Displacement is, on the one hand, a specific case of motion, and on the other hand, its prototypical representative” [Plungyan, 2011, p.328]. In the case of displacement, there is a change in the localization of the moving participant of the situation. By grouping motion verbs together, we are guided by the same considerations that were expressed in the research paper [Novikov, 2011, p. 11], adhering to the view that the field includes units at both the lexical and other language levels. At the lexical level, the field includes units of various parts of speech classes, while the lexical-semantic group includes units belonging to the same part of speech.

Lexical units denoting physical movement of living beings and inanimate objects belong to the semantic group of motion verbs [Maysak, 2005]. For all of them, it is implied that the starting and ending points of the motion do not coincide. This property is clearly expressed in verbs of displacement. However, languages also have verbs that denote motion in which the object, although moving from the initial point to another, tends to return to it and remains within a more or less defined location. These are verbs that denote oscillatory motion. While maintaining the integral characteristic of the semantic group of motion verbs, they possess a number of particular features.

The Explanatory Dictionary of Russian Verbs defines the typical semantics of verbs of oscillatory motion as “to move in one place or within a limited space”, while performing repeated up-and-down or side-to-side movements. The base Russian verb suggested is *kole-*

*batsya*¹: ‘to sway’, and the list includes a total of six verbs [Babenko, 1999, p. 67].

In the semantic dictionary of the Russian language, predicates of motion are divided into predicates of rectilinear, rotary, and non-rectilinear motion. Oscillatory motion, trembling, and localized motion are classified as non-rectilinear motion. The typical semantics of verbs of oscillatory motion is described as “to move rhythmically in different directions”, and the semantics of verbs of trembling is described as “to be in a state of continuous and uniform oscillations” [Vasilyev, 2002, p. 76]. These two groups are also identified in the works of [Dvornikova, 2010, p. 278] and [Solovar, 2018, p. 306].

Verbs of proper oscillatory motion have been studied in different language systems: English and German [Veleishikova, 2010], Russian and German [Dvornikova, 2010], Russian and Polish [Rakhilina, Profkofyeva, 2005], Uralic languages [Shapiro, 2015], and Finnish [Shapiro, 2013]. This study history is presented in the article [Dvornikova, 2010]. Scandinavian languages have not been the object of study in this regard. Vibrational verbs are beyond the scope of this article, which only attempts to create a primary classification of Norwegian verbs of oscillatory motion *per se*. The metaphorical use of these verbs is mentioned only in cases where it helps to identify the peculiarities of their semantics.

The linguistic material examined in the article is taken from the online Norwegian explanatory dictionary NAOB with some additions. The translation of lexemes into Russian is verified with the dictionary [Berkov, 2003], and into English, with the dictionary by Kirkeby [Kirkeby, 1986]². In the course of the linguistic analysis of the 32 Norwegian verbs, we were able to refine their main translation equivalents in Russian and English. The number of examined units indicates that the Norwegian language makes detailed distinctions between types of oscillatory motion. For comparison, [Dvornikova, 2010] lists 17 German verbs, and the systems mentioned in [Davidyuk, 2018, p. 132] are described as rich with 15 verbs. In this article, the authors attempted to present not only the central verbs of the group but also peripheral elements.

---

¹ The Russian verbs mentioned in the article are transliterated from the Cyrillic into the Latin script.

² In case of missing English equivalent, we use the sign ≈ and provide the closest explanation.

The dedicated verb study [Michalsen, 2019, s. 109–117] provides a list of the 250 most common Norwegian verbs, which does not include oscillatory motion verbs. In the list of ten thousand most frequent word forms presented in the frequency dictionary [Heggstad, 1982, s. 81–138], four verbs are included: *svinge* ‘to swing’, *bølge* ‘to wave’, *vaie* ‘to wave’, and *vifte* ‘to flutter’³. It can be assumed that the more verbs are included in the group, the lower the frequency of each of them in speech. This circumstance distinguishes oscillatory motion verbs from other motion verbs, which “belong to the most significant units of natural language” [Maysak, p. 101].

However it may be, the above allows us to highlight the verb *svinge* ‘to swing’ as the dominant verb in this group, which is also evidenced by its use in physical terminology to denote the corresponding phenomenon. In the Norwegian encyclopedic dictionary, physical oscillations are referred to as *svingninger* ‘swings’ [Store norske leksikon, 1991, s. 285], which is a derivative of the verb *svinge*.

The usage analysis of the verbs in this group allowed us to classify them into several subgroups according to their differential semantic features. The following characteristics were taken into account: agentivity, type of object and support, medium in which the oscillations occur, amplitude, intensity and direction of oscillations, synonymy, figurative uses, and inclusion in other lexical-semantic groups. The examples used in the article, unless otherwise specified, are taken from the Norwegian explanatory dictionary NAOB.

(1) We will start with the two least semantically marked verbs, namely *svinge* ‘to swing’ and *pendle* ‘ $\approx$ swing from side to side, i. e. in movement of a pendulum’.

The labile verb *svinge* ‘to swing’ is polysemous, and although all its meanings are related to changes in the position of an object, the meaning relevant to our analysis is only listed as the third item in the extensive article of the NAOB dictionary. The subject of *svinge* can be both material objects and living beings, as well as non-material objects. It is used metaphorically to indicate fluctuations in temperature, exchange rates, and so on. The point of support, medium, and direc-

---

³ The provided data are approximate since both publications do not indicate the part of speech, do not eliminate homonymy, let alone distinguish between literal and figurative usage.

tion of oscillation are irrelevant for this verb: *svinge* can be used instead of verbs with narrower semantics, which is why it is often used in the definitions of many verbs within the subgroup in the NAOB dictionary.

However, this verb is used more often for denoting intense oscillatory movements with a wide amplitude:

Lampene i taket begynte å svinge under rystelsen. ‘The lamps in the ceiling started **swinging** during the shaking.’

Secondly, the impression is that in spoken language, written communication, and literary texts, native speakers prefer to use more precise terms (this question requires a separate study). Thus, *svinge* is not as dominant in the group as the verb *kachatsya* ‘to sway’ is in the Russian language (see [Rahilina, Prokofyeva, 2005, p. 305]).

Another example leads us to the next verb, which can be classified as one of the least marked in the mentioned aspects, the intransitive verb *pendle*:

pendelen, loddet svinger ‘the pendulum, the sinker **swings**’.

The verb *pendle* is derived from the noun *pendel* ‘pendulum’ but can also denote oscillations in the horizontal plane:

De tok ut kompasskurs, men nåla i kompasset pendlet. ‘They took a compass bearing, but the compass needle **swung from side to side**’.

Outside of scientific literature, this verb is most often used metaphorically, indicating trips to and from a place of work, study, etc.:

[Prosjektene kunne gi] arbeidsplasser til folk som ellers måtte flytte eller pendle. ‘[The projects could provide] jobs for people who would otherwise have to move or **commute**’.

Both of the discussed verbs are stylistically neutral.

(2) Three labile verbs specialize in denoting the oscillations of a rigid object with a specific type of support: *gynge* ‘to rock’, *huske* ‘to seesaw’, and *vippe* ‘to tilt’. The agent can be either an object or a person, usually located on the thing itself. Stylistically, all three verbs are neutral. The

amplitude and intensity of the oscillations are not expressed in the semantics of these verbs. The difference in meaning between them lies in the location of the support.

For *gynge*, the support is located at the bottom, and the swinging motion is back and forth. The classic example of an object that rocks is a *gyngestol* 'rocking chair'. This verb can also describe the oscillations of the supporting surface itself, such as the floor or a suspension bridge:

gulvene gynger av elde 'the floors **sway** with age'.

And finally, swinging can also occur from side to side. Objects whose swinging motion is indicated by the verb *huske* are suspended in space. The noun *huske* denotes a swing. For this verb, the location of the support is not absolute:

Lavrans sat og husket dattersønnen i knæet. 'Lavrans sat and **swung** his grandson on his knee'.

The verb *vippe* denotes the swinging of elongated objects, whether rigid or flexible, lifted and balanced on a base of support. The support is often located in the center but can be shifted closer to one end. The noun *vippe* denotes both a seesaw plank and a well crane. The verb *vippe* also describes the swaying of branches and the rocking of birds perched on branches, etc.:

grenene vipped paa en halvstor furu 'the branches **swayed** on a medium-sized pine tree'.

trosten vippede... fra det ene træ over i det andet 'the thrush hopped, **swaying** from one tree to another'.

When the imbalance semantics are actualized, the verb can denote other types of oscillations, as seen in the following example:

han vipppet paa stolen 'he was **rocking** on the chair'.

Although this verb is borrowed into the Norwegian language from Middle Low German [NAOB], its position in the system differs from the one described for the modern German verb *wippen* in the article [Veleishikova, 2010, p.56–57], where it is characterized as a "specifi-

cally designated linguistic unit for the direction parameter”, marking the upward-downward motion. In the Norwegian language, there is more than just one verb that fulfills this function.

(3) Several verbs — *rikke* ‘budge’, *rokke* ‘budge’, *rugge* ‘budge’, and *vugge* (or *vogge*) ‘rock’ — primarily denote the causation of displacing a rigid object from equilibrium with a support from below (to rock). In their intransitive form, they indicate the rocking of an object resting on a solid base, causing it to be taken out of balance. The first three verbs differ primarily in the amplitude of the oscillation and the mass of the object (from smaller to larger for both indicators). All three can be used to describe the oscillation of body parts:

Det er kun med overkroppen han rokker. ‘He only **rocks** with his upper body.’

The same applies to the verb *vugge*, but it also has a narrower meaning of rocking a cradle (or a baby in it) or rocking motion of a cradle or a baby. The cradle itself is also called *vugge*. Additionally, this verb can denote rocking on water. It differs from the first three verbs in the subgroup by the absence of the component “budging the object to cause its displacement”. In terms of meaning, it is close to the verb *gynge*, so it could be included in subgroup (2):

Ved vinduet står en gyngestol som vugger svakt. ‘By the window stands a rocking chair that **rocks** gently.’

The outer periphery of this subgroup consists of the verbs *bysse* ‘to lull’, *bikke* ‘to totter’, and *tippe* ‘to tilt, tip’.

The first one can also be classified as a sound verb: by origin, it is onomatopoeic, denoting the sounds of singing accompanying the lulling of a baby in one’s arms. The fact that this verb currently primarily denotes motion can be evidenced by the following quote:

Om en baby har blitt bysset i søvn i armene, vil hun ofte ønske den samme byssebevegelsen. ‘If a baby has been **lullabied to sleep** in someone’s arms, they will often desire the same lulling motion’ [Lillemini].

The second verb, *bikke* ‘to totter’, is used to describe a (tall) object with support from below that sways or loses balance. The object can return to a stable position or fall:

Jeg sitter på do, og plutselig så begynner en Lano flaske som står på benken på bade å bikke fram og tilbake uten at noen er borti den! ‘I’m sitting on the toilet, and suddenly a Lano bottle on the bathroom counter starts tilting back and forth without anyone touching it!’ [Ung.no — kvalitets-sikret informasjon til ungdom]

The fact that *bikke* can denote falling due to loss of balance is also evidenced by its figurative meaning used in spoken language, comparable to the Russian slang verb *perekinutsya* ‘to die’ (literally ‘to overturn’):

*Når jeg **bikker**, kommer [broren min] til å selge hele dritten.* ‘When I **kick the bucket**, [my brother] will sell the whole crap.’

In terms of meaning and usage, the verb *tippe* is similar to *bikke*. It is a relatively recent borrowing from the English language (not present in the paper version of the NAOB dictionary of 1995):

*Vitenskapen bak koppen som ikke **tipper** er at den bruker en sikkerhets-sugekopp.* ‘The science behind the cup that doesn’t **tip** is that it uses a safety suction cup.’

In many respects, *tippe* is similar to *vippe*, the last verb in subgroup (2), which is indicated in the definitions in Norwegian dictionaries as its synonym.

(4) The verbs *bikke* and *tippe*, which are peripheral in subgroup (3), could also be classified as peripheral in subgroup (4). It includes verbs that convey the notion of an unstable object. This subgroup itself is also heterogeneous and can be divided into four clusters: 1) *rangle*, *sjangle*, *skrakle*, *skrangle* that all mean ‘to sway (causing noise)’; 2) *slenge* ‘to dangle, hang’, *slentre* ‘saunter’; 3) *rave* ‘to reel’; *svaie* ‘to sway’; 4) *vagge* ‘roll’, *vakle* ‘wobble’, *vingle* ‘≈ to stagger’. However, all the verbs in subgroup (4), despite their differences of meaning, can indicate an unsteady gait, while the verbs *bikke* and *tippe* cannot.

Cluster 1. In the first cluster, the agent is primarily a human being. The prototypical verb is *sjangle* ‘to stagger’:

hun ***sjangler*** som en fyllick ‘she **walks staggering** like a drunk.’

Since the cause of an unsteady gait is often alcoholic intoxication, and the swaying of intoxicated individuals bumping into objects along their path is accompanied by noise, the verbs in this group have developed a figurative meaning of ‘staggering around pubs’ or ‘going out on a drinking spree’.

For *rangle* ‘go boozing, on a spree’, this meaning has become predominant in standard Norwegian:

*en gammel barndomsvenn som jeg **rangla** et døgn sammen med* ‘an old childhood friend with whom I **went binge drinking** for a day’.

The infrequent verbs *skrakle* ‘to rumble’, and *skrangle* ‘to jolt, rattle’ primarily denote the noisy vibrations of vehicles on uneven roads:

*trikken **skranglet** forbi* ‘the tram **rumbled** past’.

However, they are also used when referring to a person:

*det skulde bli nydelig at se hende **skrangle** rundt paa en scene med det lange, stokstive **benrangleret** sit* ‘it would be delightful to see her **staggering around** on stage with her long, skinny, stiff-legged body’.

Cluster 2. Purposeful human activity is often associated with a straight and fast stride, while relaxed unsteadiness indicates the absence of a specific goal. This idea is conveyed by the verbs in cluster 2 *slenge* and *slentre* with the meaning ‘to saunter aimlessly’.

*Du kan ikke gå slik og **slenge*** ‘You can’t just **saunter** like that’.

Slenge is also used to indicate an unsteady gait:

*en full mann gikk og **slang** i gaten* ‘a drunk man **staggered** along the street’.

Intransitively, the labile verb *slenge* when used with inanimate objects also means ‘to (hang and) sway’:

*[familien] ble sittende i bilen og se på husken som **slenger** frem og tilbake* ‘[the family] sat in the car and watched the swing **swaying** back and forth’.

This verb also describes the disorderly swaying of loosely fitted clothing or similar items:

*Klærne hang og **slang** på ham.* ‘His clothes were hanging and **swaying** on him.’

Notably, flared pants are called *bukse med sleng* ‘pants with a sway’ (with a derived noun).

Additionally, *slenge* has developed a stative resultative meaning of lying in disorder:

*Kjøkkenutstyr som lå og **slang** på gulvet under kjøkkenbenken.* ‘Kitchen utensils **lying in disorder** on the floor beneath the kitchen counter.’

For the verb *slentre* the figurative meaning associated with behavior has become predominant:

*otte mennesker **slentrede** om paa tunet* ‘eight people **sauntered** around the yard.’

We classify this verb as peripheral within the group.

To sum it up, many of the verbs from clusters 1 and 2 represent the instability of movement, lack of specific goal and direction, and describe the actions of a person. As a result, these verbs develop figurative meanings related to specific types of behavior. This is also characteristic of Russian verbs like *boltatsya* ‘to hang around’ and *shatatsya* ‘to sway’.

Cluster 3. The verbs that stand somewhat apart are *rave* ‘to reel’ and *svaie* ‘to sway’.

The verb *rave*, just like the verbs in the first cluster of the considered subgroup, has the meaning of staggering or swaying while walking:

*hun **raved** for hvert steg hun tog* ‘she **staggered** with each step she took.’

However, unlike the mentioned verbs, the semantic aspect of sound is not present in the verb *rave*, nor in the semantics of the second verb in the cluster, *svaie* ‘to sway’ (can also mean ‘to lean’). However, this verb can describe both the unsteadiness of a person’s gait and uncontrolled oscillatory movements of the upper body:

*Han satt og **svaiet** bak rattet.* ‘He sat behind the wheel, **swaying**’.

*Mannen holdt en øl, **svaiet** kraftig med overkroppen og pratet snøvlende*
‘The man held a beer, **swayed** heavily with his upper body, and slurred his speech’.

Furthermore, the subject of this verb can be a tall and relatively narrow artifact; usually, the upper part of the object sways in relation to the stationary lower part:

*svært høye bygninger **svaier** fra side til side* ‘very tall buildings **sway** from side to side’.

Cluster 4. The meaning of swaying or walking unsteadily is present in the semantics of all verbs in this cluster (*vagge*, *vakle*, *vingle* ‘roll, wobble’):

*En høygravid kvinne kommer **vaggende** inn.* ‘A heavily pregnant woman **wobbles** inside’.

*Han **vaklet** inn på sykehuset i Alicante.* ‘He **staggered** into the hospital in Alicante’.

*Kvinnen forteller at... den nå siktede mannen... skal ha **vinglet opp** av grøften og fremstått beruset.* ‘The woman tells that... the now accused man... **staggered out** of the ditch and appeared intoxicated’ [VG 2023].

However, each of the three verbs has its semantic peculiarities.

For *vagge*, the main meaning is to gently, rhythmically, and steadily sway a part of the body mainly from side to side, occasionally back and forth:

*Patricia **vagget** ettertenksomt på hodet.* ‘Patricia **swayed** thoughtfully with her head’.

For *vakle*, the subject can also be an artifact:

*Et godt bordstativ bidrar til et stabilt skrivebord som ikke **vakler**.* ‘A good table stand contributes to a stable desk that doesn’t **wobble**’.

The idea of instability serves as a basis for the metaphorical use of the verb *vakle*, in the sense of ‘experiencing doubts’:

*Han var allsidig utrustet og **vaklet** mellom musikken og medisinen som levevei.* ‘He was versatile and **wavered** between music and medicine as a livelihood’.

In contemporary Norwegian, the subject of the verb *vingle* is most often a means of transportation or, metonymically, the person riding in it:

*En ung kvinne måtte fikse litt på håret mens hun kjørte, og **vinglet** nok til at dem i bilen bak henne varslet politet.* ‘A young woman had to fix her hair while driving and **swerved** enough for the people in the car behind her to notify the police’.

Vingle, just like *vakle*, has developed a metaphorical meaning of uncertainty in opinions. However, while *vakle* is relatively neutral in evaluation, *vingle* tends to express a negative assessment:

*Utenriksminister ... beskyldes for å **vingle** og fomle.* ‘The Foreign Minister is accused of **wavering** and fumbling’ [tv2, 2011].

So, for some verbs in group (4), the support from below and the human agent are not obligatory components of the meaning, but they possess the semantics of sound (*rangle*, *sjangle*, *skrangle*). In this aspect, they are similar to verbs in group (7).

(5) Three verbs in their primary meaning describe oscillations in a water medium or on the water surface: *bølge* ‘to wave’, *duppe* ‘≈ to rock, sway (on the water)’, and *duve* ‘pitch (about a vessel on the waves)’.

In the normal case, the subject for *bølge* is a water body. Figuratively, *bølge* is used to denote both soft and hard surfaces that have a wavy shape (i. e. a roof) or wavy movements (i. e. a field). It does not have the metaphorical meaning of being nervous, as in Russian.

The verbs *duppe* and *duve* primarily denote the rocking of an object on a swaying water surface. However, *duppe* suggests rather abrupt movements:

*de tre kajakkene **duppet** opp og ned på bølgene* ‘the three kayaks **bobbed** up and down on the waves’.

In its turn, *duve* signifies smooth swaying:

To båter lå og **duvet** ved siden av hverandre. ‘Two boats lay **swaying** next to each other.’

Moreover, metaphorically, *duve* can denote gentle swaying of other types of objects (women’s hips, cradle, etc.) in a different context:

...gras og blomstervekster **duver** i sommervinden ‘...grass and flowers **sway** in the summer breeze.’

(6) Two verbs specialize in denoting irregular oscillations of objects in the air medium: *flagre* ‘to flutter’ and *vaie* ‘to wave’. Most often, they refer to fabrics fixed on one side.

Flagre denotes the uneven fluttering or waving (in the wind) of a sheet during (sharp) gusts of wind:

1100 behåer **flagrer** i vinden. ‘1100 bras **flutter** in the wind’ [NRK 2011].

On the other hand, *vaie* signifies graceful billowing or waving, and it belongs to a more formal style:

På brua **vaiet** flaggene, mens ved siden av ”**flagret**” søppelet. ‘On the bridge, the flags **billowed** while next to it, the trash “**fluttered**” [Hitra-Frøya].

(7) Three verbs describe the erratic oscillations of objects hanging from above: *dangle* ‘≈ to dangle’, *dingle* ‘to dangle, swing’, and *slenge* ‘to dangle, hang’).

For the intransitive verbs **dangle** and **dingle**, with the latter being significantly more frequent, an important semantic aspect is the sound associated with the corresponding movement (jingling, jangling). The subject of such a verb, playing the semantic role of a grammatical patient, often consists of objects made up of small parts that clink together when swinging:

ødelagte lysekroner **dingler** fra taket ‘broken chandeliers **dangle** from the ceiling’ [Bokmålsordboka].

Presumably, because it is usually the small parts of a whole object that jingle, the verb is more commonly used with the vowel *-i-*, which corresponds to the phonosemantics.

The importance of the phonetic component is also evident in formations where both of these roots appear with alternating vowels: *dingle-dangle* ‘hanging ornament’ [Lenas gaver til deg selv eller en venn].

However, when emphasizing the semantic component of the disorderly movement of loosely attached parts, the sound component can be neutralized:

[hun] sitter på torvkassa og **dingler** med føttene ‘[she] sits on the peat box and **dangles** her feet’.

(8) The last subgroup consists of two verbs primarily used as transitive verbs to denote the oscillation of a tool or a body part: *vifte* ‘to flutter’ and *vinke* ‘to beckon’ (or ‘to wave’). The main translation for both in Russian is *mahat* ‘to wave’.

Hun slukket sigaretten og **viftet vekk** en mygg. ‘She put out her cigarette and **waved away** a mosquito’ [Norsk bokmål-tysk ordbok].

The verb *vifte* is also used as a synonym for *flagre*:

fanerne viftede ‘the banners were **waving**’.

According to this, it could be analyzed together with the verbs in subgroup (6). However, the specific trait of subgroup (8) is the designation of non-verbal communication signals:

[han] **viftet** elegant med hatten til avskjed ‘[he] elegantly **waved** his hat goodbye’.

Whether the signal indicates approach or departure is usually evident from the prepositional complement or adverbial modifier used in the statement:

[Dovregubben] **vinke** sine fortrolige **nærmere** til sig. ‘[The Mountain King] **beckons** his confidants **closer**’.

Moreover, the verb *vinke* is conventionalized as a verbal equivalent for an etiquette non-verbal gesture:

han hilste på dem, og de **vinket** tilbake ‘he greeted them, and they **waved** back’

En hånd kan hilse og **vinke farvel**. ‘A hand can greet and **wave** goodbye’.

Several preliminary conclusions can be drawn about the relevant semantic features of verbs related to oscillatory motion in the Norwegian language:

1. Support point and trajectory of movement:
  - swinging of a fixed object, including pendulum-like motion;
  - oscillations on a supporting surface;
  - axis of oscillation: up and down, back and forth, sideways.

2. The subject of the oscillations can be:
  - a person or another living being;
  - an artifact (and, metonymically, a person located in/on it);
  - a body part of a person or a tool;
  - a flexible or rigid object, a sheet.

Earlier, it was noted for Norwegian motion verbs that “many of them are labile” [Livanova, Vorobyeva, 2020, p. 86]. This observation is also relevant for verbs in this group.

The amplitude, intensity, and regularity of oscillation can also be a distinguishing feature for some verbs. A number of verbs in this group have developed metaphorical meanings, but this issue requires separate consideration, as well as the use of these lexemes with prepositional complements, reflexive pronoun *seg*, adverbial modifiers, and noticeable phonosemantic characteristics shared by verbs in certain subgroups (*dangle, dingle, rangle, sjangle, skrangle, vingle; ragge, rugge, vagge, vugge; rikke, rokke*).

Comparison with the results of other studies shows that the system of semantic oppositions relevant to verbs of proper oscillatory motion in Norwegian is distinct from the extensively described systems of related Germanic languages such as English and German in the paper [Veleishikova, 2010]. As noted in [Dvornikova, 2010, p. 281], “German verbs of proper oscillatory motion have a narrower semantics compared to similar Russian verbs”. This observation is even more applicable to the Norwegian language, which has more verbs of oscillatory motion than German or Finnish, which is described as having a “sufficiently rich system” with ten verbs [Shapiro, 2015, p. 32].

The large number of verbs can be explained by the historical development of the Norwegian language, which borrowed vocabu-

lary both from related Germanic languages, including dialects of the German language at various stages, as well as numerous Norwegian dialects. It is true also for Norwegian that the semantics of each verb in the group “combines several features of different nature”. This conclusion was previously drawn by comparing data on different languages in the article by Shapiro [Shapiro, 2015, p.30]. The meanings of the verbs tend to overlap. This aspect also requires more thorough study, including a comparison with cognates in closely related Danish and Swedish. The low frequency in written texts and the complexity of systematic oppositions in the semantics of the examined verbs can indicate their limited importance in the life of the language community and their peripheral position in the naive picture of the world.

DICTIONARIES AND INTERNET RESOURCES

Berkov V.P. (h.red.) *Stor norsk-russisk ordbok*. Oslo: Kunnskapsforlaget, 2003. 1606 s.

Bokmålsordboka. Available at: <https://ordbokene.no/bm/search?0=l&1=i&2=n&3=%C3%A5&4=l&5=e&6=n&q=dingle> (accessed: 01.06.2023).

Hitra-Frøya. Available at: <https://www.hitra-froya.no/nyheter/i/Gaojkk/> (accessed: 10.06.2023).

Kirkeby W. A. *Norsk-engelsk ordbok*. Oslo: Kunnskapsforlaget, 1986. 1373 s.

Lenas gaver — til deg selv eller en venn. Available at: <https://lenasgaver.no/smykker/hvit-dingle-dangle> (accessed: 28.05.2023).

Lillemini. Available at: <https://lillemini.com/sovn/sovnassosiasjoner> (accessed: 10.06.2023).

NAOB. Det norske akademis ordbok. Available at: <https://naob.no/> (accessed: 20.06.2023).

Norsk bokmål-tysk ordbok. Available at: <https://nb.glosbe.com/nb/de/vifte> (accessed: 11.06.2023).

NRK 2011. Available at: https://www.nrk.no/video/1100-behaaer-flagrer-i-vinden_51116 (accessed: 27.05.2023).

Store norske leksikon. Vol. 13. Oslo: Kunnskapsforlaget, 1991.

tv2 2011. Available at: <https://www.tv2.no/nyheter/innenriks/beskylder-store-for-a-vingle-om-libya/12996054/> (accessed: 14.05.2023).

Ung.no. Kvalitetssikret informasjon til ungdom. Available at: <https://www.ung.no/oss/366260> (accessed: 20.05.2023).

VG 2023. Available at: <https://www.vg.no/nyheter/innenriks/i/Q7EjV8/> (accessed: 11.05.2023).

REFERENCES

- Babenko L. G. (chief ed.). *Explanatory Dictionary of Russian Verbs*. Moscow: AST-Press, 1999. 696 p. (In Russian)
- Davidyuk T. I. Verbs of oscillation in the Hill Mari language. *Rodnoi iazyk*. Vol. 2. 2018. P. 128–149. (In Russian)
- Dvornikova L. V. Pure fluctuating motion verbs in the lexico-semantic systems of the Russian and the German languages. *Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*, 8, 2010. P. 274–282. (In Russian)
- Heggstad K. *Norsk frekvensordbok*. Bergen, Oslo, Tromsø: Universitetsforlaget, 1982. 160 s.
- Livanova A. N. Phonosemantic component in the meaning of Norwegian verbs of rotation: posing a question. *Materialy Sed'moi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem "Aktual'nye problemy iazykoznanii"*, St. Petersburg, 17–18 April 2018. P. 318–323. (In Russian)
- Livanova A. N., Mordashova D. D. Verbs of falling in Norwegian (Bokmål). *Acta Linguistica Petropolitana*, XVI (1), 2020. P. 152–187. (In Russian)
- Livanova A. N., Vorobyeva E. V. Semantics of verbs denoting prototypic rotation in Norwegian. *Scandinavian Philology*, 18 (1), 2020. P. 85–100. (In Russian)
- Maysak T. A. *Grammaticalization of constructions with verbs of motion and verbs of position. A typological study*. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2005. 480 p. (In Russian)
- Michalsen B. B. *Verbene som beveger verden*. Oslo: Spartacus Forlag AS, 2019. 153 s.
- Novikov L. A. An essay on semantic field. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2, 2011. P. 8–17. (In Russian)
- Plungyan V. Ya. *Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages*. Moscow: Russian State University for the Humanities Press, 2011. 672 p. (In Russian)
- Rakhilina E. V., Prokofyeva I. A. Russian and Polish verbs of oscillatory motion: Semantics and typology. *Iazyk i lichnost': sb. st. k 70-letiiu T. M. Nikolaevoi*. Ed. by V. N. Toporov. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2005. P. 304–314. (In Russian)
- Shapiro M. M. Oscillation verbs in the Uralic languages (on the Finnish, Nenets and Komi-Zyrian data): Semantics and typology. *Ural-Altai Studies (Scientific Journal)*, 1 (16), 2015. P. 29–52. (In Russian)
- Shapiro M. M. Semantics of oscillation verbs in the Finnish language. *Lingvisticheskii bespredel — 2. Sbornik nauchnykh trudov k iubileiu A. I. Kuznetsovoi*. Moscow: Lomonosov Moscow University Press, 2013. P. 399–412. (In Russian)
- Solovar V. N. Verbs of oscillatory motion in the lexico-semantic system of the Khanty language. *Bulletin of Ugric Studies*, 8 (2), 2018. P. 301–308. (In Russian)

Vasilyev L. M. *Systemic Semantic Dictionary of the Russian Language. Vol. 3. Predicates of motion*. Ufa: Bashkir University Press, 2002. 88 p. (In Russian)

Veleishikova T. V. The verbs of movement. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 7 (97), 2010. P.55–60. (In Russian)

Александра Ливанова

Санкт-Петербургский государственный университет

Екатерина Лавринайтис

Независимый исследователь

Полина Цикорева

Независимый исследователь

ГЛАГОЛЫ СОБСТВЕННО КОЛЕБАТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В НОРВЕЖСКОМ ЯЗЫКЕ: ПОПЫТКА КЛАССИФИКАЦИИ

Для цитирования: *Livanova A., Lavrinaitis E., Tsikoreva P. Verbs of oscillatory motion per se in the Norwegian language: An attempt at classification // Скандинавская филология. 2023. Т. 21. Вып. 2. С. 218–236.*
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.202>

Статья является первичной попыткой выявления, репрезентации и классификации глаголов колебательного движения в норвежском языке. Указанные глаголы относятся к лексико-семантической группе глаголов движения, однако, сохраняя интегральный признак семантической группы — физическое перемещение живых существ и предметов в пространстве, имеют свои характерные особенности. Глаголы, обозначающие движение, при котором объект, двигаясь от исходной точки к другой, стремится вернуться к ней и в целом остается в пределах локации, более или менее широко очерченной, выделяются в группу глаголов колебательного движения. Авторы исследований, проведенных ранее на материале других языков, делят эту группу на две подгруппы: глаголы собственно колебательного движения (качания) и глаголы движения вибрационного характера. Вторая подгруппа остается за рамками этой статьи. Языковой материал почерпнут из сетевого толкового норвежского словаря (NAOB) и дополнен данными, собранными в современных средствах массовой информации. В результате исследования было выявлено и описано 32 глагола собственно колебательного движения, которые были разделены на 8 подгрупп на основании релевантных особенностей как характера движения, так и его участников и среды, в которой оно происходит. Большое по сравнению с другими языками количество глаголов колебательного движения может объясняться особенностями исторического развития норвежского языка, при этом значения глаголов неизбежно пересекаются и накладываются друг на друга. Результаты данного исследования могут быть использованы для дальнейшего типологического изучения норвежского и иных языков.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа, глаголы движения, колебательное движение, глагол, семантический анализ, норвежский язык.

Aleksandra Livanova

PhD in Philology, Associate Professor,
St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation
E-mail: a.livanova@spbu.ru

Ливанова Александра Николаевна

кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
E-mail: a.livanova@spbu.ru

Ekaterina Lavrinaitis

Master in Philology,
Independent Researcher,
27, Morskaya nab., St. Petersburg, 199058, Russian Federation
E-mail: ekatlavr@gmail.com

Лавринайтис Екатерина Андреевна

магистр лингвистики,
независимый исследователь,
Российская Федерация, 199058, Санкт-Петербург, Морская наб., 27
E-mail: ekatlavr@gmail.com

Polina Tsikoreva

PhD in Philology,
Independent Researcher,
9, Cobblestone Lane, Belmont, 94002, USA
E-mail: polina.tsikoreva@gmail.com

Цикорева Полина Николаевна

кандидат филологических наук,
независимый исследователь,
США, 94002, Белмонт, Cobblestone Lane, 9
E-mail: polina.tsikoreva@gmail.com

Received: June 30, 2023
Accepted: July 15, 2023

UDC 811.113.4

Maria Osipenkova

St. Petersburg State University

DEATH ON A YELLOW HORSE: RENDERING OF THE COLOR TERM IN REVELATION 6:8 IN DANISH BIBLE TRANSLATIONS

For citation: Osipenkova M. Death on a yellow horse: Rendering of the color term in Revelation 6:8 in Danish Bible translations. *Scandinavian Philology*, 2023, vol. 21, issue 2, pp. 237–252. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.203>

The article investigates a case of color usage in Revelation 6:8 and various ways it has been translated into Danish. The Greek *χλωρός* used to describe the horse under the fourth Horseman of the Apocalypse is polysemic and thus rather difficult to interpret, which resulted in numerous variations among translators. The image of Death on a pale horse has become part of the Western cultural heritage, although linguists have argued if this equivalent is indeed accurate in terms of color meaning comprised within the original lexeme. Fourteen translations, from medieval to modern, allowed to scrutinize some particular features of rendering this intricate color term in Danish, rising the main question of the study: why do so many Danish translations opt for the chromatic meaning of yellow in the given passage? In order to answer that, firstly, all of the translations were examined from the point of view of the time they were made, the primary source that the works were based upon and the special characteristics of chosen equivalents of *χλωρός*. Secondly, a few external sources were introduced in order to put the issue in a broader linguacultural context, such as the language, color symbolism and early Danish church art. This approach has helped to determine possible reasons for Death's horse turning yellow, like the influence of German, deadly connotations of the Danish color term *gul* 'yellow' when referring to paleness and the bad symbolic reputation of color yellow itself.

Keywords: Danish language, color terms, *χλωρός*, Bible translations, semantics, color symbolism, Fourth Horseman of the Apocalypse.

1. INTRODUCTION

The problem of color lexis in biblical texts and its translation into other languages has been given some thought by the exegetes and linguists alike. Not only has the Bible had a profound influence on Western

culture by providing numerous expressive images, but also laid a cornerstone in an everlasting debate about translation principles. As a book that is being repeatedly retranslated, the Bible in its various versions reflects some features and tendencies specific to the target language. In case of the given article, it is Danish color vocabulary that is scrutinized from this point of view.

The book of Revelation concludes the Christian Bible with apocalyptic visions revealed to and written down by John of Patmos. Vivid imagery with prolific use of color adjectives distinguishing this book from other parts of the Scriptures stems from its nature and purpose: to preserve and communicate the divine message to the fullest extent by immersing the reader into the vision's reality [García Ureña, 2015, p.232–236]. Apart from denoting the color itself, those adjectives also possess a symbolic meaning due to the aural effect achieved through repetition in specific contexts [García Ureña, 2015, p.236–237].

While most color usages in Revelation seem rather motivated and clear, there is one somber figure whose color adjective is still a matter of discussion. It is the fourth Horseman named Death that appears at the opening of the fourth seal in Revelation 6:8, or, more precisely, his horse, that is referred to as *χλωρός*, which as a color term means 'greenish yellow, pale green' [Liddell, Scott, Jones Ancient Greek Lexicon]. This Greek adjective is not known to be applicable to horses [García Ureña, 2021], hence the numerous translators' interpretations, of which the one implying the sickly pallor of dead/dying creatures has become an inherent part of European cultural heritage, namely *the pale horse*. This very persistent tradition has begun with *pallidus* in the Vulgate and left its traces in some of the most conventional translations into English, German, French, Russian, etc. While Danish translators seem to have taken the notion of deadly paleness into account, the main focus appears to be shifted to the color yellow, *gul*, and its hues, whereas the lexeme *bleg* 'pale' is used on its own only in two versions out of fourteen (as opposed to *pale / fahl / pale / бледный* that has passed through various editions in other languages). The given article thus aims to find an explanation for this departure from the tradition.

To trace the main tendencies in reception of the color term, a wide range of Danish translations was considered. The history of Bible translations into Danish began in the early 16th century with two versions of the New Testament [Christian II.s Det Nye Testamente, 1524; Det Ny

Testamente, 1529] followed by the first full Danish Bible ever [Christian 3.s Bibel, 1550]; these translations had Latin and German Bibles as their basis. The first Danish version of the Bible translated from the original languages appeared already in the beginning of the 17th century [Biblia, paa Danske, 1607; 1647] starting the so-called Resen-Svaneian tradition (named after the translator H. P. Resen and the editor H. Svane) that lasted until the 20th century and went through numerous editions, of which this article considers two [Det Nye Testamente, 1814; Danske Bibel, 1871]. The breach with this translating tradition was marked by the release of the new authorized Bible translation [Bibel — autoriseret, 1931/1948]. Several independent translations made by theologians and scholars were taken into consideration [Bibelen oversat af J. C. Lindberg, 1866; Det Nye Testamente oversat af Th. Skat Rørdam, 1896; Det nye Testamente, oversat af Anna Sophie og Paul Seidelin, 1975; Det Nye Testamente oversat af O. Wierød, 1997], as well as the latest church translations [Bibelen på hverdagsdansk, 1985; Den autoriserede oversættelse, 1992; Ny-Verden Oversættelsen, 2017]. The main features of each version along with the translations of $\chi\lambda\omega\rho\acute{o}\varsigma$ in Revelation 6:8 will be provided in part three of the given article.

2. $\chi\lambda\omega\rho\acute{o}\varsigma$ IN REVELATION 6:8: MEANING, INTERPRETATION AND TRANSLATION

Although the image imprinted in the culture is of a pale horse and, metonymically, a pale rider, specialists have argued whether or not this translation is accurate in the sense of color. It is not hard to identify the fourth Horseman as he is the only one of the four named directly in the text, and, since the color attributed to each horse characterizes the Horseman, the notion of paleness, i. e., the lack of color saturation, seems consistent with the image of Death. The color adjective, however, comprises several possibilities due to its polysemic nature. The problem itself arises from the fact that ancient and modern color systems divide the spectrum differently, so that in ancient Greek the term $\chi\lambda\omega\rho\acute{o}\varsigma$ covers the part between blue and yellow, manifesting specific meanings through the context [García Ureña, 2021].

Within the texts of the New Testament the lexeme is used only to denote the color of vegetation along with the horse in question, although the rest of the ancient Greek texts provide a variety of uses, from descriptions of honey and egg yolk to water, yet the most relatable use is

“applied to the skin colour of someone who is afraid <...> or suffering from a serious illness” [García Ureña, 2021, p. 207]. The entity in which the color is embodied is crucial for ancient languages, where color is considered to be an inherent part of an object rather than an abstraction; thus, the chromatic meaning of $\chi\lambda\omega\rho\acute{o}\varsigma$ in Revelation 6:8 pertains to a living creature and acquires the meaning of “the colour of the skin of an animal when death is near; associated with death” [García Ureña, 2021, p. 218].

The interpretations of color symbolism in the passage may determine choices in translation, e. g., the visions of horses in the Revelation have often been paralleled with visions of horses and chariots in Zechariah 1:8 and 6:1–8, based on the assumption that the author of the Apocalypse was dependent on the pre-existing tradition [Charles, 1920, p. 160–163]. The horses in both passages from Zechariah are mentioned by their color and were interpreted as four winds sent to four quarters of the world as God’s messengers, which was thought to be partly applicable to the four Horsemen as well rendering the color of the fourth horse pale yellow in consistency with Zechariah’s *sorrel* $\approx$ *yellow* horses [Charles, 1920, p. 168–169]. Some exegetes also propose green as a loose translation of one of the colors mentioned in Zechariah 1:8 [García Ureña, 2021, p. 206]. In another reading of this parallelism $\chi\lambda\omega\rho\acute{o}\varsigma$ is explained as *dappled*, *vigorous/ardent* through a reference to Zechariah 6:3 thanks to the symbolic meaning of green [Vohohonsky, 1999, p. 168]. The subsequent research of the book of Zechariah, however, speaks against this interpretation, applying the Ancient Hebrew רַב־קֶרֶבֶט ‘strong’ to all the chariots [Boda, 2017, p. 24].

The dubious meaning of the color term in Revelation 6:8 has resulted in various versions among translators as well. The visionary nature of both Zechariah’s and John’s horses was said to legitimize the use of straightforward *green* to describe Death’s horse, providing a realistic reason as well, as green can denote the color of rotting flesh [Peachey, 1999, p. 215–216]. Those who disagree with the absurdity of green horses turn to the notion of discrepancies between ancient and modern color terms, due to which the part of the spectrum covered by $\chi\lambda\omega\rho\acute{o}\varsigma$ is claimed to include *grey* in its modern English understanding [Clark, 2005, p. 69–70]. Not only is this variant closer to reality (it has been, for instance, chosen intuitively by Welsh, Khakas and Tuvin translators), but it also might help to strengthen the parallel with Zechariah’s visions

[Clark, 2005, p. 70]. However, it appears that the semantic complexity of the term *χλωρός* requires a more precise equivalent that could comprise both chromatic and symbolic meanings.

Some light on the semantic range of the lexeme in the given context is shed in Latin translations made by two of the Church Fathers. While the most well-known one is *pallidus* ‘pale’ introduced by Jerome of Stridon in the Vulgate (late 4th century), a different interpretation of *χλωρός* was registered even earlier on, namely in Tertullian’s treatise *De Pudicitia* “On Modesty” (ca. 2nd–3rd century), where the term is rendered as *viridis* ‘green’. It is, though, necessary to specify that Tertullian is drawing yet another parallel with the Old Testament, only now based solely on color symbolism: one’s body and soul are likened to a house from Leviticus 14:37, and one’s sins to the stains of mold on the walls: “when the Word of God has entered it, and has found “stains of *red* and *green*”, forthwith must the *deadly* and *sanguinary* passions “be extracted” and “cast away” out of doors — for the Apocalypse withal has set “death” upon a “*green* horse”, but a “warrior” upon a “*red*”...” [Roberts, Donaldson, 1870, p. 115] (Italics mine. — *M. O.*). Thereby the possibility of chromatic interpretation of *χλωρός* in Revelation 6:8, in a time historically close to the original, is highlighted, as opposed to Hieronym’s *pallidus*, manifesting rather a lack of color than the hue.

That is why the latest explanation of this color term proposed by L. García Ureña appears to be the most conclusive of all, as the specific methodology applied allows to combine contextual analysis with the tools used in color studies. As a result, the gloss of ‘death-green’ is developed [García Ureña, 2021, p. 219]. This specific shade conveys the chromatic meaning adequate to the context while leaving room to symbolism. Thus, the color in Revelation 6:8 can be described as *pale greyish-green*, similar to the skin color of someone suffering of an illness and near death [García Ureña, 2021].

3. DANISH TRANSLATIONS OF ΧΛΩΡΟΣ IN REVELATION 6:8

That being established, it is surprising to see, how this particular color usage has been rendered by Danish Bible translators. Ten out of fourteen translations considered opt for chromatic interpretation; only two use the lexeme *bleg* ‘pale’ just as it is, and, moreover, the color *gul* ‘yellow’ appears to be chromatically predominant. Tables 1–5 present

the equivalents in question separately and grouped by time periods for the reader's convenience.

It seems necessary to outline the main features of translations in question along with the color terms used in each. So, the oldest source considered is the first New Testament published in Danish [Christian II.s Det Nye Testamente, 1524], which was translated from the Latin text and came in the wake of Luther's New Testament as king Christian II in his exile had encountered Lutheranism. The translation is considered to have been made in a hurry, which explains rather poor quality of the language [Christian 2.s danske oversættelse af Det Nye Testamente, 1524]. This version contains one of the four cases of $\chi\lambda\omega\rho\acute{o}\varsigma$ rendered in Danish without denoting the color, as the word *broget* 'piebald' pertains not to the hue, but the spots of a different color on a horse's coat.

Another medieval translation of the New Testament is the one made by a known theologian and scholar Chr. Pedersen [Det Ny Testamente, 1529], also based on the Vulgate [Christiern Pedersen. Dansk biografisk leksikon]. The lexeme chosen by the translator is *blacked* (*blakket* in modern orthography), denoting a faded, murky color or a blending of several colors into one uneven shade. It is noteworthy that this particular adjective, when applied to horses, acquires the meaning of falsity and/or misfortune, as it is indicated in Danish historical vocabularies [Kalkars Ordbog; Ordbog over Det Danske Sprog]; in modern Danish *blakket*, along with the blending of several colors, can also denote something mean, obscure and suspicious.

The oldest full Danish version is the Bible of Christian III [Christian 3.s Bibel, 1550] — the first complete translation of the Scriptures, including apocrypha (according to the Lutheran canon). The translation aims to convey the meaning of the original in the most natural way possible for the target language — a principle that M. Luther adhered to. The translation was based on the German text of Luther's Bible and notably influenced by the Vulgate in particular books [Molde, 1949]. Considering that, the first appearance of *gul* 'yellow' as an equivalent of $\chi\lambda\omega\rho\acute{o}\varsigma$ in the Bible of Christian III is even more puzzling, since there is no obvious trace of yellow neither in Luther's Bible of 1545 nor in Vulgate, where *fahl/pallidus* 'pale' are found respectively.

The next step in the history of Danish Bible translations is the Resen-Svaneian tradition. In 1607, Bishop H. P. Resen published his own translation of all the sacred texts, and in 1647 a revised version edited

Table 1. First translations of the Bible into Danish, based primarily on the Latin texts (here and in the following tables the translations are referred to by the year of publishing)

1524	1529	1550
<i>broget hest</i> 'piebald horse'	<i>blacked hest</i> 'horse of a faded/uneven color'	<i>guel Hest</i> 'yellow horse'

by H. Svane was released. Its key principle to strictly abide by the original texts was based on the idea of divine inspiration within the Bible, although this approach made Danish text difficult to read. In the very beginning the Resen-Svaneian tradition has sat Death on the traditional *bleg* 'pale' horse, although a marginal note in both editions of 1607 [Biblia, paa Danske, 1607] and 1647 [Biblia, paa Danske, 1647] explains the word through the color term *graa* 'grey', giving it a chromatic interpretation. Up to the beginning of the 20th century, the Resen-Svaneian tradition went through several editions; the pale horse was spotted in the 1814 version [Det Nye Testamente, 1814], already without the marginal note. It is interesting to see a change in the 1871 text edited by the Danish Bible Society [Danske Bibel, 1871], where the color of Death's horse is rendered as *grøngul* 'greenish yellow', which seems quite accurate in terms of the general meaning of $\chi\lambda\omega\rho\acute{o}\varsigma$, but avoids any direct references to deadly paleness.

Table 2. The Resen-Svaneian tradition, based on the original texts of the Scriptures

1607/1647	1814	1871
<i>bleeg (graa) Hest</i> 'pale (grey) horse'	<i>bleg hest</i> 'pale horse'	<i>grøngul Hest</i> 'greenish-yellow horse'

There are some independent translations that stand out. In 1856, the Old and New Testaments were published in the translation of a Grundtvigian¹ J. C. Lindberg [Bibelen oversat af Lindberg, 1866]. Another one is the New Testament translated by Bishop T. Sk. Rørdam [Det Nye Tes-

¹ A follower of a Danish historian and educator bishop N. F. S. Grundvig, who revitalized the Danish Lutheran church in the spirit of M. Luther and democratized the educational system.

tamente oversat af Skat Rørdam, 1896]; both translations aspire to keep the language comprehensible while remaining faithful to the ancient texts. Those are the only translations featuring *bleg* ‘pale’ as a first part of a compound adjective *bleggul* ‘pale yellow’, where, as in most Danish compound hue denominations, the rightmost element determines the semantic properties of the whole (the “right-hand head rule”). Hence, here it is *gul* ‘yellow’ that is the semantic kernel of the word, which is why this variant cannot be perceived as a part of the prevalent European tradition of the *pale horse*: it denotes the color yellow, albeit a less intensive one, as opposed to the lack of color conveyed by ‘pale’.

Table 3. Independent Bible translations, 19th century

1866	1896
<i>bleggul Hest</i> ‘pale yellow horse’	<i>bleggul Hest</i> ‘pale yellow horse’

A new phase in the Danish Bible translations began to unfold in the 20th century as biblical exegesis and new interpretations multiplied along with the historical and linguistic discoveries. This resulted in new translations of the Old (1931) and the New Testament (1948) [Bibel — autoriseret, 1931/1948] as well as the break with the ongoing Resen-Svaneian tradition. The translation of 1948 was the first to introduce the color term *gustengul* ‘deadly yellow’ in Revelation 6:8, which the subsequent translators tend to hold on to. A well-known independent 20th century translation of the New Testament made by P. and A. S. Seidelin [Det nye Testamente, oversat af Anna Sophie og Paul Seidelin, 1975] aimed to be accurate and understandable for the general public at the same time, yet used *gustengul* in Revelation 6:8 as well. The latest independent version of the New Testament made by O. Wierød [Det Nye Testamente oversat af Wierød, 1997] was undertaken as an objection to the officially approved translation of 1992 and, as the translator himself said in the preface, relied on the unconditional faith in the Church’s tradition and transmission [Wierød, 1997]. It is in Wierød’s translation that *gul* ‘yellow’ is used, just like in Christian III’s Bible from the Middle Ages. The color term *gul* can be used to describe horses, although it is not very frequent (in the Danish corpus [KorpusDK] *gul hest* ‘yellow horse’ is featured four times in contexts that have nothing supernatural to them).

Table 4. The authorized and two independent translations, 20th century

1948	1975	1997
<i>gustengul hest</i> 'deadly yellow horse'	<i>gustengul hest</i> 'deadly yellow horse'	<i>gul hest</i> 'yellow horse'

Two notable translations into modern Danish considered here are the Bible in everyday easy-to-read Danish [Bibelen på Hverdagsdansk, 1985], that was published in 1985–2015, and the officially authorized translation [Den autoriserede oversættelse, 1992], displayed on the main page of the Danish Bible Society. These versions also use *gustengul* 'deadly yellow' for Death's horse, making this color adjective the most frequent in Danish translations of Revelation 6:8. With the color yellow once more as semantic head of the word, this lexeme is particularly remarkable due to the first part, *gusten*, meaning 'sickly pale and yellowish', which appears to fit the original chromatic meaning rather well except for the shift from green to yellow. *Gusten* also has a second meaning 'cynical, malicious' [Ordbog over det danske Sprog], which apparently originates from Old Norse *gustr* 'blow' and the primary meaning of *gusten* in Danish, namely 'bloated, diseased by the elves having blown upon'. The etymology has also left its traces, for instance, in Norwegian *alvgust* 'the breath of elves' [Det Norske Akademis ordbok], denoting the kind of allergic rash that was believed to occur due to the elves blowing on someone [Ordbog over det danske Sprog]. Thus, in only one lexeme *gustengul* the chromatic meaning is combined with a grim and otherworldly connotation.

Table 5. The latest church translations into modern Danish

1985	1992	2017
<i>gustengul hest</i> 'deadly yellow horse'	<i>gustengul hest</i> 'deadly yellow horse'	<i>bleggrøn hest</i> 'pale green horse'

The latest rendering of $\chi\lambda\omega\rho\acute{o}\varsigma$ was found in the Danish version of The New World Translation of the Holy Scriptures conducted by Jehovah's Witnesses [Ny-Verden Oversættelsen, 2017 (first edition in Danish released in 1985)]. In the revised edition of 2017, which aimed to make the language contemporary and easy-to-understand, but was also

criticized for deviating from the most widespread Bible translations in significant details, the color term used in Revelation 6:8 is *bleggrøn* ‘pale green’. In the case of this particular passage, the chromatic meaning appears more consistent with the ongoing translating tradition than the focus on yellow prevalent in Danish translations (for instance, it is the ‘pale green’ that stands out as second most used equivalent featured by English translators — after, of course, ‘pale’, that still prevails [English concordance of Revelation 6:8]).

Having described the specific details, a number of general conclusions can be made.

Chromatically Danish renderings of *χλωρός* in Revelation 6:8 reside mainly in the yellow-green part of the spectrum with the emphasis on yellow and its lighter hues (nine out of fourteen translations feature *-gul*). The Resen-Svaneian *bleg* ‘pale’ explained in the marginal note as *graa* ‘grey’ appears to be the only relatively dark color used to interpret the meaning. Despite three versions not pertaining to any particular color (*broget* ‘piebald’, *blakket* ‘uneven/faded color’, *bleg* ‘pale’ in 1814), the predominance of yellow is striking.

In the attempt to find an explanation, this feature was examined from several points of view. First of all, it is notable how the language of the primary source affects translation: two of the oldest versions of the New Testament based upon the Latin text of Vulgate render its term *pallidus* as *broget* ‘piebald’ and *blakket* ‘uneven’, the two terms applicable to horses that do not, however, denote the color itself — but, strictly speaking, nor does the Latin *pallidus*. The Bible of Christian III, based on the German text of Luther’s Bible, is the first to mention the color as it is; and, since the main source is German, the key to the decision to translate *fahl* ‘pale’ as *gul* ‘yellow’ might be hidden within the word *fahl* itself. In modern German it means ‘pale’, but back in 16th century the word was closely related to *falb* ‘pale yellow’, especially used to describe animals and horses in particular (e. g., German noun *Falbe* denotes a dun-colored horse), both words going back to the Middle High German *val* with meanings of “pale” and “yellow” [Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache]. *Falb* and *fahl* are said to have had the same meaning in New High German, their meanings finally differentiating in the end of 17th century. That strengthens the hypothesis that the Danish 1550 translation *gul* ‘yellow’ in Revelation 6:8 was influenced by the closeness of those two German adjectives, one conveying the color meaning to the other.

The 17th century shift in tradition to Greek as the primal source was marked by an appearance of *bleg* ‘pale’, though explained as ‘grey’ in the marginal note. This chromatic interpretation might be an attempt to draw a parallel between the apocalyptic and Zechariah’s horses, as in both Zechariah 1:8 and Zechariah 6:3 *graa* ‘grey’ and *abildgraa* ‘dapple-grey’ are mentioned respectively in this translation [Biblia, paa Danske, 1607; 1647]. It is noteworthy, that this kind of color parallelism was not implemented in other full Bible translations considered in this article.

The color yellow makes a strong comeback in 1871 as a part of *grøn-gul* ‘greenish yellow’ and has been present through the whole 20th century right until today, as the official version available at the home page of The Danish Bible Society features *gustengul* ‘deadly yellow’ in Revelation 6:8. Both *bleggul* and *gustengul* render the adjective by adding the aspect of paleness, yet the chromatic meaning of yellow still remains present. Unlike the Bible of Christian III, the mentioned translations were based on the Greek text, yet also turned to yellow, so the question arises again: how can this be explained?

4. LINGUOCULTURAL PORTRAIT OF GUL ‘YELLOW’

To find an answer, it seems necessary to look in two domains closely connected to the Bible translation as a whole, namely the language and the cultural background.

Yellow and green together form two expressions in Danish: *ærgre sig gul og grøn*, verbatim ‘to be irritated yellow and green’ and *gul og grøn af misundelse* ‘yellow and green with envy’. Both expressions trace back to the medieval medicine, when bile, colored greenish-yellow, was considered to cause bouts of melancholy and bad mood, and refer to the color of a sick person’s skin [Ordbog over det danske Sprog]. *Gul* ‘yellow’ also forms several compounds connected with death and decay, such as *dødsgul* ‘deathly yellow’, *liggul* ‘corpse-like yellow’, *vissengul* ‘withered yellow’, and it is that precise connotation of death that distinguishes yellow when denoting paleness: according to The Danish Concept Dictionary [Den Danske Begrebsordbog], paleness as the lack of saturation, not necessarily lethal, is expressed through *bleg* ‘pale’, *hvid* ‘white’ and their derivatives.

The original texts of the Bible do not mention yellow as it is (references to gold and precious stones not included). The number of occur-

rences of yellow in Danish translations is also way too scarce to build any symbolism based on the text. One other noteworthy usage of yellow comes from the book of Revelation as well, the passage 9:17, where the army bound to destroy the third of the mankind is described as having breastplates of different colors: *ildrøde* 'fiery red', *dytblå* 'deep blue' and *svovlgule* 'brimstone yellow'. The color term, however, appears already in the translation, since the Greek text mentions only brimstone.

The real symbolic life of yellow in European culture begins already in Middle Ages, when this color becomes first associated with bile — the feature reflected in the Danish expressions above. Then, through notions of medicine blaming the choleric, i. e., irascible, temperament in the excess of bile in the body, yellow gains connotations of many vices associated with the deadly sin of wrath. Those are falsity, envy, jealousy, deceit, heresy, hypocrisy and betrayal, the latter resulting in the fact that yellow has become one of Judas' regular attributes [Pastoureau, 2022]. All things considered, the negative meanings of yellow are way more conspicuous than those of, for instance, green, which makes it even more consistent with the image of Death.

Another witness to yellow applicable as the color of Death and his horse can be found amongst Danish medieval church frescos. There are two paintings that distinctly depict the fourth Horseman — the only one of the four that managed to make his way onto the church walls — riding the horse, holding a severed head on a spike. Those images can be found in Eskebjerg (Bregninge Church, the end of 14th century) and Kalundborg (Rørby Church, the first part of 15th century), both located in Zealand. In the former image Death and his horse are of a murky yellow color [Danmarks kirker: Bregninge kirke], and in the latter Death is a traditional white skeleton riding a pale yellow horse [Danmarks kirker: Rørby kirke].

Finally, the departure from the European tradition of the *pale horse* is perceptible in the lack of unanimity regarding the cultural reference and its translation into Danish. Although the variant *bleg* 'pale' left Danish Bibles in the end of 19th century, a book on most severe European epidemics by K. Larsen came out in 2017 with the title *Den blege rytter* 'The Pale Rider' [Larsen, 2017], and the engraving by G. Doré is also rendered *Død på den Blege Hest* 'Death on a Pale Horse'. B. Savinkov's novel *The Pale Horse* was translated into Danish as *Den bleggule Hest* 'The pale yellow horse' [Savinkov, 1962], whereas the novel by A. Chris-

tie 'The Pale Horse' was entitled *Den gustne hest* 'The sickly pale horse' with a rendering of this reference again as *Den blege hest* in the summary of the same edition [Christie, 2021].

The Biblical imagery does lie in the very foundation of European culture, but the case of Death on his yellow horse in numerous Danish editions of the Bible shows how some local color can influence the translator's decisions.

INTERNET SOURCES

Christian 2.s danske oversættelse af Det Nye Testamente, 1524. *Danmarkshistorien*. Available at: <https://danmarkshistorien.dk/vis/materiale/christian-2s-danske-oversaettelse-af-det-nye-testamente-1524> (accessed: 31.05.2023).

Christiern Pedersen. *Dansk biografisk leksikon*. Available at: https://biografiskleksikon.lex.dk/Christiern_Pedersen (accessed: 31.05.2023).

Danmarks kirker: Bregninge kirke. *Nationalmuseet*. Available at: <http://danmarkskirker.natmus.dk/holbaek/bregninge-kirke/> (accessed: 31.05.2023).

Danmarks kirker: Rørby kirke. *Nationalmuseet*. Available at: <http://danmarkskirker.natmus.dk/holbaek/roerby-kirke/> (accessed: 31.05.2023).

Det Norske Akademis ordbok. Available at: <https://naob.no/ordbok/algust> (accessed: 16.05.2023).

Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Available at: <https://www.dwds.de/wb/fahl> (accessed: 31.05.2023).

English concordance of Revelation 6:8. *Bible Study Tools*. Available at: <https://www.biblestudytools.com/revelation/6-8-compare.html> (accessed: 31.05.2023).

Kalkars Ordbog. Available at: <https://kalkarsordbog.dk/ordbog> (accessed: 31.05.2023).

KorpusDK. Available at: <https://ordnet.dk/korpusdk/teksteksampler/sogeresultat> (accessed: 16.07.23)

Liddell, Scott, *Jones Ancient Greek Lexicon*. Available at: <https://lsj.gr/wiki/χλωρός> (accessed: 16.07.2023).

Ordbog over Det Danske Sprog. Available at: <https://ordnet.dk/ods/ordbog> (accessed: 31.05.2023).

Wierød O. Forord til Det Nye Testamente — Den Skrift-tro Oversættelse, 1997. *Skriften*. Available at: <http://skriften.net/forord-til-det-nye-testamente-den-skrift-tro-oversaettelse/> (accessed: 31.05.2023).

TRANSLATIONS OF THE BIBLE INTO DANISH

Bibel — autoriseret 1931/1948. København: Det Danske Bibelselskab, 1964. 1284 s. *Bibelen oversat af J. C. Lindberg, 1866*. Available at: <http://www.lindbergbibelen.dk/> (accessed: 31.05.2023).

- Bibelen på hverdagsdansk, 1985.* Available at: <https://www.bible.com/bible/20/GEN.1.BPH> (accessed: 27.01.2024).
- Biblia, paa Danske, 1607.* Available at: <https://archive.org/details/den-kbd-all-11010801363C-001/page/n744/mode/1up> (accessed: 31.05.2023).
- Biblia, paa Danske, 1647.* Available at: <https://archive.org/details/den-kbd-all-11010400670E-001/page/n378/mode/1up> (accessed: 31.05.2023).
- Christian 3.s Bibel, 1550.* Available at: <https://salmer.dsl.dk/christian-3-bibel/80/6> (accessed: 27.01.2024).
- Christian II.s Det Nye Testamente, 1524.* Available at: <https://archive.org/details/den-kbd-pil-130018110130-001/page/n11/mode/1up> (accessed: 31.05.2023).
- Danske Bibel, 1871.* Available at: <https://www.bible.com/bible/49/GEN.1.DA1871> (accessed: 13.07.2023).
- Den autoriserede oversættelse, 1992.* Available at: https://www.bibelselskabet.dk/brugbibelen/bibelenonline/1_Mos/1 (accessed: 31.05.2023).
- Det Ny Testamente, 1529.* Available at: <https://archive.org/details/den-kbd-pil-130018152828-001/page/n441/mode/1up> (accessed: 31.05.2023).
- Det Nye Testamente oversat af O. Wierød, 1997.* Available at: <http://www.detnyetestamente.dk/resourcer/bibel-oversaettelser/wieroed.php> (accessed: 31.05.2023).
- Det Nye Testamente oversat af Th. Skat Rørdam, 1896.* Available at: <http://www.detnyetestamente.dk/resourcer/bibel-oversaettelser/skatroerdam.php> (accessed: 31.05.2023).
- Det Nye Testamente, 1814.* Available at: <https://archive.org/details/detnyetestamente00lond/page/408/mode/1up> (accessed: 31.05.2023).
- Det nye Testamente, oversat af Anna Sophie og Paul Seidelin.* København: Det danske Bibelselskab, 1975. 601 s.
- Ny-Verden Oversættelsen, 2017.* Available at: <https://www.jw.org/da/publikationer/bibelen> (accessed: 31.05.2023).

REFERENCES

- Boda M. J. *Exploring Zechariah. Vol. 2. The Development and Role of Biblical Traditions in Zechariah.* Atlanta: SBL Press, 2017. 247 p.
- Charles R. H. *A Critical and Exegetical Commentary on the Revelation of St. John: With Introduction, Notes, and Indices, also the Greek Text and English Translation.* Edinburgh: T. & T. Clark, 1920. 497 p.
- Christie A. *Den gustne hest.* København: Lindhardt og Ringhof, 2021. 216 s.
- Clark D. J. Red and Green Horses? *The Bible Translator*, 56, 2005. P. 67–71.
- Den Danske Begrebsordbog.* Odense: Syddansk Universitetsforlag, 2014. 1400 s.
- García Ureña L. Colour Adjectives in the New Testament. *New Testament Studies*, 61, 2015. P. 219–238.
- García Ureña L. “ἵππος χλωρός (Rev 6.8): A Methodology for the Study of Colour Terms in the New Testament. *New Testament Studies*, 67, 2021. P. 205–219.
- Larsen K. *Den blege rytter. De store epidemier der formede Europa 1300–1700.* København: Munksgård, 2017. 320 s.

- Molde B. *Källorna till Christian III:s Bibel 1550. Textfilologiska Studier i reformationstidens danska bibelöversättningar*. Lund: C. W. K. Gleerup, 1949. 256 s.
- Pastoureau M. *Yellow. The History of Color*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2022. 160 p. (In Russian)
- Peachey B. A Horse of a Different Colour: The Horses in Zechariah and Revelation. *The Expository Times*, 110, 1999. P. 214–216.
- Roberts A., Donaldson J. *Ante-Nicene Christian Library; Translations of the Writings of The Fathers Down to A. D. 325*. In 24 vols. Vol. 18: The Writings of Tertullian. Vol. 3: With the Extant Works of Victorinus and Commodianus. Edinburgh: T. & T. Clark, 1870. 514 p.
- Savinkov B. *Den bleggule Hest*. København: Hans Reitzels Serie, 1962. 104 s.
- Volohonsky H. Is the color of that horse really pale? *International Journal of Transpersonal Studies*, 18 (2), 1999. P. 167–168.

Мария Осипенкова

Санкт-Петербургский государственный университет

**СМЕРТЬ НА ЖЕЛТОМ КОНЕ: ПЕРЕДАЧА ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ
В ОТКРОВЕНИИ 6:8 В ПЕРЕВОДАХ БИБЛИИ НА ДАТСКИЙ ЯЗЫК**

Для цитирования: *Osipenkova M. Death on a yellow horse: Rendering of the color term in Revelation 6:8 in Danish Bible translations // Скандинавская филология. 2023. Т. 21. Вып. 2. С. 237–252.*
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.203>

В статье рассматривается употребление цветообозначения в Откровении 6:8 и различные способы его перевода на датский язык. Греческий колоратив *χλωρός*, используемый для описания лошади четвертого всадника Апокалипсиса, полисемичен и оказывается довольно трудным для интерпретации, что отражено в многочисленных вариантах его перевода. Хотя образ Смерти на бледном коне стал частью западного культурного наследия, лингвисты спорят, насколько этот эквивалент достоверен с точки зрения колоративного содержания исходной лексемы. При рассмотрении особенностей передачи этого непростого цветообозначения на датский язык в 14 переводах, от Средневековья до современности, возник главный вопрос исследования: почему в большинстве из рассмотренных версий хроматическое значение передается с помощью желтого цвета? В поисках объяснения, во-первых, все переводы были рассмотрены с точки зрения времени их выполнения, исходного текста, на котором основывались переводчики, и особенностей выбранных эквивалентов *χλωρός*. Во-вторых, были привлечены дополнительные источники, помогающие поместить проблему в более широкий лингвокультурный контекст, такие как особенности языка, символика цвета и датское церковное искусство позднего Средневековья. Такой подход помог определить возможные причины, по которым лошадь всадника Смерти в датских переводах стала желтой: это влияние немецкого языка, загробные коннотации датского колоративного термина *gul* ‘желтый’, проявляемые

в контексте бледности, а также дурная репутация самого желтого цвета с точки зрения символики.

Ключевые слова: датский язык, цветообозначения, χλωρός, переводы Библии, семантика, символика цвета, четвертый всадник Апокалипсиса.

Maria Osipenkova

Master in Philology, Postgraduate Student,
St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation
E-mail: osipenkova.maria@yandex.ru

Осипенкова Мария Владимировна

магистр филологии, аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
E-mail: osipenkova.maria@yandex.ru

Received: June 2, 2023

Accepted: July 8, 2023

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

UDC 1751

Jaap Grave

Vrije Universiteit Amsterdam, Netherlands

CENSUR EN DE NEDERLANDSTALIGE LITERATUUR IN DE DDR*

Voor citaat: Grave J. Censuur en de Nederlandstalige literatuur in de DDR. *Scandinavian Philology*, 2023, vol. 21, artikel 2, pp. 253–265.

<https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.204>

In deze bijdrage geef ik allereerst een uitgebreide schets van de censuur in de DDR. Ik ga uit van een interview uit 2019 met de Duitse schrijver en uitgever Gerhard Wolf. Hij probeert een verklaring te vinden voor de acceptatie in de DDR van de censuur die de nieuwe staat in zijn jeugd invoerde. Daarbij maak ik gebruik van een algemene definitie van censuur die is opgesteld door Christine Haug, ga vervolgens in op de beginjaren van die censuur en maak vervolgens het essentiële verschil duidelijk tussen censuur in de DDR en die in andere communistische landen in Oost-Europa. De censuur in de DDR werd mede gedragen door auteurs die waren teruggekeerd uit ballingschap, zoals Arnold Zweig. Ook citeer ik de waarschuwing van Bertolt Brecht in zijn toneelstuk *Der aufhaltsame Aufstieg des Arturo Ui* (1941) tegen het broeiende en nog levendige nationaalsocialistische gedachtegoed. Vervolgens beschrijf ik de HV, de afdeling op het ministerie van Cultuur die zich daar vanaf 1963 met censuur bezighield. Ze was niet alleen verantwoordelijk voor de bibliotheken en de gehele literaire productie van de DDR, zoals de verkoop, de import en export, inclusief de import van literatuur uit de Sovjet-Unie maar ook voor de uitwisseling van literatuur tussen de DDR en de BRD. Daarna ga ik in op de inhoud van de leesrapporten: de structuur, de specifieke vragen en de auteurs. Ten slotte beschrijf ik de roman *Wolfsgetij* van de

---

* Dit is een bewerking van een lezing die ik op 31 januari 2019 heb gegeven tijdens het volgende congres: 'Expert meeting Cutting Edge/Eastbound. Conferentie over de verspreiding en receptie van de Nederlandstalige literatuur naar het oosten', 31 januari en 1 februari 2019, Nederlands Instituut Sint-Petersburg.

Nederlandse auteur Theun de Vries en laat zien dat er bij deze uitgave sprake is van twee vormen van censuur.

Sleutelwoorden: censuur, DDR, Nederlandse literatuur, Theun de Vries, vertaling.

In het links-liberale Duitse weekblad *Der Freitag* ging de schrijver en uitgever Gerhard Wolf (1928–2023), toen weduwnaar van de schrijver Christa Wolf (1929–2011) en zelf ook uitgever en schrijver, tijdens een interview begin 2019 in op verschillende functies van literatuur. Hij noemde onder meer ontspanning en vorming, de opvoeding en ontwikkeling van mensen. Ook de censuur in de DDR kwam ter sprake:

Bij de Leipziger Rundfunk zond hij (Gerhard Wolf, JG) in de jaren vijftig eens een gedicht van hem (Rilke, JG) uit. De censor Heinz Höger zei: ‘Ach nee, dat is laatburgerlijke kitsch, dat moeten we hier niet uitzenden, maar als ik me ’s avonds wil ontspannen, dan lees ik natuurlijk ook Rilke.’ Dat werd tegen een hoge functionaris gezegd, die zei: ‘Als hij dat leest, doet hij dat dan om zich verder te ontwikkelen of geniet hij er ook van?’ Bijna lachwekkend, maar ze hadden tegelijkertijd veel respect voor zulke mannen. Dat waren de oude verzetsstrijders. Die hadden in een concentratiekamp gezeten, sommige waren als antifascisten in ballingschap gegaan. En omdat onze ouders — zoals mijn vader — kleine meelopers waren, zochten we in hen naar echte vaders. Maar zoals later zou blijken, waren er onder hen ook veel gebroken figuren’ [Leinkauf, 2019]¹.

Wolf spreekt hier over zijn generatie, die na de oorlog op zoek was naar voorbeelden, naar vaderfiguren, juist doordat hun biologische vaders ontbraken of zelden helden waren geweest. Jongeren beschouwden intellectuelen die uit ballingschap waren teruggekeerd en/of in het verzet hadden gezeten als voorbeelden. Wolf maakt verder duidelijk dat zijn ge-

---

¹ Eigen vertaling (geldt voor dit en andere citaten). In het origineel: ‘Beim Leipziger Rundfunk sendete er (Gerhard Wolf, JG) in den 1950er Jahren mal ein Gedicht von ihm (Rilke, JG). Der Zensor Heinz Höger sagte: “Ach nee, das ist spätbürgerlicher Kram, das muss bei uns nicht sein, aber wenn ich mich abends erholen will, lese ich natürlich auch Rilke.” Das wurde einem höheren Funktionär mitgeteilt und der sagte: “Wenn er das liest, macht er das, um sich weiterzubilden, oder hat er Genuss dabei?” Fast lächerlich, aber gleichzeitig hatten sie eine große Achtung vor solchen Männern. Es waren die alten Widerstandskämpfer. Die hatten im KZ gesessen, manche waren als Antifaschisten in der Emigration. Und weil unsere Eltern — so wie mein Vater — kleine Mitläufer waren, suchten wir in ihnen nach den richtigen Vätern. Aber unter ihnen gab es auch sehr gebrochene Gestalten, wie sich später zeigte.’

neratie veel van deze voorbeelden accepteerde, vermoedelijk te veel, want op het gebied van literatuur was dat bijvoorbeeld censuur. Voor ik inga op vertalingen van Nederlandstalige literatuur in de DDR en zal analyseren welke gevolgen de censuur had voor de vertaling en publicatie van een van de boeken van Theun de Vries (1907–2005), de meest vertaalde auteur aldaar, volgt eerste een schets van de censuur in de DDR².

1. CENSUUR

Censuur is veelomvattend en zo oud als de media zelf. De hoogleraar boekwetenschap Christine Haug omschrijft literaire censuur als volgt:

...alle geïnstitutionaliseerde (formele) en niet gelegitimeerde, bijvoorbeeld door sociale en economische druk afgedwongen (informele) maatregelen van staat en Kerk die tot doel hebben de literaire communicatie te controleren, te blokkeren en te kanaliseren [Haug, 2013, p. 821–822]³.

In de praktijk betekent dit, vervolgt zij, de controle van de literaire productie- en distributieprocessen met behulp van legale, juridische, economische, sociale en politieke middelen. Waarbij deze middelen, voeg ik eraan toe, niet altijd eenvoudig van elkaar te onderscheiden zijn. Tot censuur rekent zij ook de controle van het discours.

De DDR beschikte over een wettelijk gelegitimeerd censuursysteem⁴. Na de Tweede Wereldoorlog werd censuur daar en nog voordat de DDR in 1949 werd gesticht, allereerst toegepast door de bezettingsmacht, de Sovjet-Unie: zij publiceerde van 1946 tot 1953 lijsten met boektitels die uit boekwinkels en algemene bibliotheken, zogenaamde ‘Volksbibliotheken’, moesten worden verwijderd [Deutsche Verwaltung, 1946; Deutsche

---

² Over Nederlandstalige literatuur en Theun de Vries in de DDR publiceerde ik eerder [Grave, 2018a, p. 7–18; Grave, 2018b, p. 65–67; Grave, 2018c, p. 68–79]. Die artikelen verschenen op basis van de lezingen van een congres over Scandinavische en Nederlandse literatuur in Oost-Europa, dat op 17 en 18 februari 2017 aan de Staatsuniversiteit Sint-Petersburg en op het Nederlands Instituut Sint-Petersburg (NIP) plaatsvond.

³ In het origineel: ‘alle staatlich und kirchlich institutionalisierten (formellen) sowie nicht legitimierten, z.B. durch sozialen oder ökonomischen Druck durchgesetzten (informellen) Maßnahmen, die eine Überwachung, Hemmung und Kanalisierung von literar. Kommunikation intendieren.’

⁴ Over de censuur in de DDR bestaan enkele basiswerken [Wichner, Wiesner, 1993]; [Barck, Langermann, Lokatis, 1997].

Verwaltung, 1947; Deutsche Verwaltung, 1948; Ministerium für Volksbildung, 1953]⁵. Het betrof naast alle schoolboeken uit de jaren 1933–1945 ook boeken met een nationaalsocialistische, de oorlog verheerlijkende inhoud en werken die tegen de bezettingsmacht en het communisme gericht waren. De literatuurwetenschapper Dietrich Löffler betoogt in zijn studie *Buch und Lesen in der DDR. Ein literatursoziologischer Rückblick* (2011) dat dit twee redenen had: allereerst vormden ze een bedreiging voor de opbouw van de communistische staat en ten tweede wilden de nieuwe communistische machthebbers op die manier het vertrouwen terugwinnen van intellectuelen en auteurs die uit ballingschap waren teruggekeerd. Niet alleen primaire literatuur van prominente auteurs als Will Vesper (1882–1962) en Ernst Jünger (1895–1998) stond op de lijst, maar ook werken van nu vergeten neerlandici zoals Hermann Wirth (1885–1981) en Marcel Breyne (1890–1972), die beiden aan de universiteit van Berlijn hebben gedoceerd, en van Otto Hauser (1876–1944) en Wilhelm Spohr (1868–1959), rond 1900 vertalers en bemiddelaars van Nederlandstalige literatuur⁶. Afgezien van Jünger en Spohr waren zij overtuigde nationaalsocialisten. Censuur werd in die eerste jaren breed gedragen, ook intellectuelen die terugkeerden uit ballingschap waren het erover eens dat bepaalde boeken of passages verboden moesten worden. Dat het gedachtegoed van het nationaalsocialisme na 1945 nog vruchtbaar zou zijn, benadrukte Bertolt Brecht (1898–1956) met de volgende regels in de epiloog van zijn toneelstuk *Der aufhaltsame Aufstieg des Arturo Ui* (1941, première in 1958 in de BRD, 1959 in de DDR):

*Ihr aber lernet, wie man sieht statt stiert
Und handelt, statt zu reden noch und noch.
So was häßt' einmal fast die Welt regiert!
Die Völker wurden seiner Herr, jedoch
Daß keiner uns zu früh da triumphiert —
Der Schoß ist fruchtbar noch, aus dem das kroch!*
[Brecht, 1991, p.112]

---

⁵ Olaf Simons, van wie commentaar bij de internetpublicatie van de lijsten is verschenen, schrijft dat meestal ter plekke werd besloten welke boeken moesten worden verwijderd en dat er geen overleg tussen de geallieerden plaatsvond over de vraag welke boeken verwijderd moesten worden [Deutsche Verwaltung, 1948].

⁶ De lijsten waren niet volledig. Bibliothecarissen en docenten konden ook zelf beslissen om boeken niet te gebruiken of uit te lenen.

Löffler laat zien dat bijvoorbeeld Arnold Zweig (1887–1968), die in 1933 via Frankrijk naar Palestina was gevlucht en zich in 1948 in Oost-Berlijn vestigde, passages of namen in zijn romans schraptte. De verantwoordelijkheid die hij en andere schrijvers voor het nieuwe Duitsland voelden, vormde de basis van zelfcensuur — althans, tot begin jaren vijftig [Löffler, 2011, p. 134]. Dit is de tijd waar Gerhard Wolf het over had en juist de schrijvers die het systeem steunden en uitvoerden, waren morele instanties en voorbeelden.

De censuur, die eerst uit titels van werken op lijsten bestond, werd al snel geïnstitutionaliseerd. In 1947 viel de censuur onder de ‘kultureller Beirat bei der Deutschen Verwaltung für Volksbildung’ (Culturele adviesraad bij het Duitse bestuur voor de Volksopvoeding). De afdeling in het ministerie van Cultuur, waar werd beoordeeld of het manuscript gedrukt kon worden (‘Staatliche Druckgenehmigungsverfahren der Hauptverwaltung Verlage und Buchhandlung im Ministerium für Kultur’, afgekort met HV) nam dit bij de oprichting in 1963 over. De HV was betrokken bij elke boekuitgave met een oplage van meer dan honderd exemplaren. Ze was verantwoordelijk voor de bibliotheken en de gehele literaire productie van de DDR, zoals de verkoop, de import en export, inclusief de import van literatuur uit de Sovjet-Unie en de uitwisseling van literatuur tussen de DDR en de BRD [Barck, Langermann, Lokatis, 1997, p. 11, 22]. Er was met de HV een apparaat ontstaan dat veel verder ging dan alleen censuur. De politiek in de DDR was erop gericht ‘alle maatschappelijke processen volgens centralistische principes te sturen en te controleren’ en beschouwde daarom ook de literaire openbaarheid als instrument om de ontwikkeling van literatuur en haar lezers te beïnvloeden [Barck, Langermann, Lokatis, 1997, p. 318]⁷.

Het bijzondere van de censuur in de DDR was, aldus Löffler, dat ze officieel aan het slot van het productieproces plaatsvond en gestuurd werd door het ministerie van Cultuur [Löffler, 2011, p. 127]. Simone Barck, Martina Langermann en Siegfried Lokatis merken in *“Jedes Buch ein Abenteuer”*. *Zensur-System und literarische Öffentlichkeiten in der DDR bis Ende der sechziger Jahre* (1997) op dat de censuur in de DDR een speciaal karakter had. Ze was vrij van ‘methodologische voorbeel-

---

⁷ In het origineel: ‘alle gesellschaftlichen Prozesse nach zentralistischen Prinzipien zu lenken und zu beherrschen’, ‘mit dem die Entwicklung der Literatur und ihrer Leser zu beeinflussen war’.

den' en niet vergelijkbaar met de censuur tijdens het Derde Rijk of de censuur in andere communistische landen in Oost-Europa: de DDR had zich toegelegd op de 'antifascistische heropvoeding' van de bevolking en de censuur was geenszins een 'dichotome relatie' tussen een staat die de censuur uitoefende en de te censureren literatuur of de te censureren auteur, maar bestond eerder uit 'meerdere processen en interventies waarbij talrijke actoren betrokken waren' [Barck, Langermann, Lokatis, 1997, 10f.]⁸.

Er was een essentieel verschil tussen auteurs uit de DDR en auteurs van wie het werk in vertaling verscheen, zoals auteurs uit het Nederlandse taalgebied. Een boek bij een uitgeverij ontstaat vrijwel overal ter wereld in nauw overleg tussen auteur en redacteur. En het ligt voor de hand dat er tijdens het overleg tussen DDR-auteur en DDR-uitgever discussies werden gevoerd over onderwerpen die in de DDR taboe waren of gevoelig lagen. Het was het doel van beiden, schrijft Löffler, om het boek te publiceren en de meeste auteurs werkten noodgedwongen mee aan de praktijk van censuur en hielden er vermoedelijk al rekening mee bij het schrijven — en dat gold vermoedelijk ook voor een groot aantal medewerkers van uitgeverijen. Als de HV toestemming voor de druk weigerde of een boek na publicatie uit de winkels en bibliotheken moest worden genomen, had dat vervelende gevolgen voor medewerkers van HV en uitgeverij [Löffler, 2011, p. 129]. Voor boeken die buiten de DDR waren verschenen en vertaald moesten worden, lag de situatie anders. Op de vraag of daar nog passages in werden gewijzigd voor het in de DDR werd gepubliceerd, kom ik straks nog terug.

Leesrapporten (in het Duits 'Gutachten') hadden — en hebben — een belangrijke functie bij de totstandkoming van het besluit om een boek te publiceren. Ze werden in de DDR geschreven door medewerkers van de uitgeverij en daarbuiten en medewerkers van de HV. De

---

⁸ In het origineel: 'methodische Vorbilder', 'antifascistische Umerziehung', 'dichotomisches Verhältnis', 'vielfältigen Prozessen und Eingriffen, an denen zahlreiche Akteure beteiligt waren'. Het waren echter niet alleen politieke aspecten die bepaalden of een boek al dan niet werd uitgegeven, ook economische aspecten. Drukvoorwaarden en papierverbruik spelen een belangrijke rol bij elke boekpublicatie, maar in het geval van internationale literatuur zijn er ook vertaalkosten en de rechten. Hiervoor was in de DDR buitenlands geld nodig, waarvan er altijd te weinig was. Het was dus niet altijd te wijten aan censuur als een boek niet werd uitgegeven, het kon ook gewoon te wijten zijn aan een gebrek aan vreemde valuta of zelfs gebrek aan papier.

auteurs moesten over bepaalde vaardigheden beschikken. Ze moesten bijvoorbeeld gespecialiseerd zijn in het betreffende vakgebied en de ideologie van partij en regering steunen [Barck, Langermann, Lokatis, 1997, 193f.]. Leesrapporten voor Nederlandstalige literatuur werden geschreven door vertalers als Alfred Antkowiak, Hans Herrfurth en Udo Birckholz, auteurs en vertalers als Hans-Joachim Schädlich, die de DDR in 1976 verliet, en de neerlandici van de universiteit Leipzig Gerhart Worgt, de opvolger van Theodor Frings en Helga Hipp. De academische neerlandistiek was nauw betrokken bij dit proces, want ook Herrfurth had Nederlands gestudeerd.

Christine Horn, die voor de HV heeft gewerkt, schreef in 1994 over deze rapporten:

Bij adviezen en leesrapporten die voor de afdeling cultuur werden geschreven, was het raadzaam een kritisch oordeel over het bijgevoegde manuscript te presenteren en vervolgens te pleiten voor een publicatie met argumenten die afkomstig waren uit het politieke en culturele domein of uit de biografie of literatuuropvatting van de auteur. <...> Het was ook niet erg bevorderlijk om literaire criteria te gebruiken — persoonstekst, doel, algemene uitspraken, — dat werd beschouwd als intellectuele dwaasheid. Men vatte iedere zin letterlijk op [Horn, 1994]⁹.

Beoordeelden zij de manuscripten aan de hand van vaste richtlijnen? Nee, schrijft Horn, maar er waren wel ‘onuitgesproken waarheden die in de literatuur tot uitdrukking kwamen en die men aanviel’ [Horn, 2014]¹⁰. Gevoelig lagen onder meer beschrijvingen van mensen die de DDR wilden verlaten, het gebrek aan milieubescherming, satirische karakterisering van mensen in staatsdienst (onderwijs, partijleden, binnenlandse veiligheid), criminaliteit en andere negatieve kenmerken van de staat. Ook politieke opvattingen (over de arbeidersbeweging, het

---

⁹ In het origineel: ‘Bei Stellungnahmen und Gutachten, die für die Kulturabteilung verfasst wurden, war es zweckmäßig, ein kritisches Urteil zum vorliegenden Manuskript zu präsentieren und dann aus politischen, kultur- oder autorenpolitischen Gründen für eine Veröffentlichung zu plädieren. <...> Es war auch nicht besonders günstig, literarische Kriterien ins Feld zu führen — Personensprache, Anliegen, Gesamtaussagen, — das wurde als intellektuelle Spinnerei abgetan. Jeden Satz wurden beim Wort genommen’ [Horn, 2014].

¹⁰ In het origineel: ‘unausgesprochenen Wahrheiten, die in der Literatur ihren Ausdruck fanden, zu Angriffspunkten wurden’ [Horn, 2014].

fascisme en de communistische partij) die niet conform de partijlijn waren, werden niet geaccepteerd. Er moest verder een positief beeld van de Sovjet-Unie worden geschetst en de communistische partij en haar leidende rol mochten niet ter discussie worden gesteld. Op elk formulier dat bij de leesrapporten is gevoegd, staan ook vragen, onder andere of de politiek-ideologische inhoud van het manuscript voldoet aan de maatschappelijke behoefte¹¹. De verantwoordelijke in de HV kon, indien nodig, nog enkele leesrapporten vanbuiten ('Außengutachten') aanvragen, hoofdzakelijk om zijn of haar eigen mening te toetsen, aldus Horn [Horn, 2014]. De leesrapporten waren een element van de censuur. Barck, Langermann en Lokatis karakteriseren de taal van de leesrapporten als 'Herrschaftssprache', de taal van de macht [Barck, Langermann, Lokatis, 1997, p. 14].

Tijdens de zesde partijbijeenkomst van het Centraal Comité van de SED (Sozialistische Einheitspartei Deutschlands; Socialistische Eenheidspartij van Duitsland) in 1972 werd kritiek geuit op de het werk van de HV. De critici pleitten voor een open debat en waren tegen geheime censuur: de leesrapporten zouden openbaar gemaakt moeten worden en de uitgeverijen zouden zelf verantwoordelijk voor de publicaties moeten zijn. In de jaren tachtig werd de censuur minder streng, betoogt Löffler. De kunst kreeg vervolgens meer vrijheid, maar literatuur waarin racisme of fascisme werd gepropageerd en de oorlog werd verheerlijkt bleef verboden. Geldt dat ook voor vertaalde Nederlandstalige literatuur?

---

¹¹ Op de leesrapporten zijn de volgende vragen te vinden: 'a. Weshalb wurde das Buch in den Jahresthemenplan aufgenommen? Entspricht der Titel den von der Literatur-Arbeitsgemeinschaft bestätigten Grundsätzen des Literaturentwicklungsprogramms? b. Entspricht der politisch-ideologische Gehalt und die wissenschaftliche Qualität den gesellschaftlichen Bedürfnissen? c. Kurze Charakterisierung des Autors d. Für welchen Leserkreis ist die Publikation bestimmt und ist die inhaltliche Gestaltung und die Form der Darstellung dementsprechend? e. Hinweis auf alle ideologischen Probleme, die im Zusammenhang mit der Bearbeitung des Manuskripts aufgetreten sind.' In het Nederlands: 'a. Waarom is het boek opgenomen in het jaarlijkse themaplan? Komt de titel overeen met de principes van het literatuurontwikkelingsprogramma bevestigd door de literatuurwerkgroep? b. Komt de politiek-ideologische inhoud en de wetenschappelijke kwaliteit overeen met de maatschappelijke behoeften? c. Korte typering van de auteur d. Voor welk publiek is de publicatie bedoeld en is de inhoud en presentatievorm passend? e. Verwijzing naar eventuele ideologische problemen die zich hebben voorgedaan bij de redactie van het manuscript.'

2. WOLFSGETIJ VAN THEUN DE VRIES

Om vast te stellen of er in de publicaties van Nederlandstalige literatuur censuur plaatsvond, is het zinvol om leesrapporten te onderzoeken. Veel daarvan zijn online op de site van het Bundesarchiv in te zien. Er zijn geen leesrapporten bewaard gebleven over werken die niet werden gepubliceerd.

Wel zijn er leesrapporten waarin melding wordt gemaakt van coupures, ingrepen in teksten met toestemming van de auteur. Een casus heb ik eerder en elders al kort beschreven; het betreft de roman *Een spook waart door Europa* (1948) van Theun de Vries die in 1953 onder de titel *Feuertaufe* in de DDR zou verschijnen [Grave, 2018a, p. 7]. Hier wil ik ingaan op een andere roman van De Vries, *Het Wolfsgetij of Een leven van liefde* (in het Duits: *Wolfszeit*) [De Vries, 1965; De Vries, 1983].

Op *Het Wolfsgetij* zijn twee praktijken van censuur van toepassing: de roman had in 1968 de toestemming voor druk gekregen en zou in productie gaan, maar dat was het jaar waarin de troepen van het Warschaupact Tsjechoslowakije binnenvielen. De Vries stuurde vervolgens een telegram naar de Akademie der Künste in de DDR met de mededeling dat hij tegen de inval protesteerde en hij zegde zijn lidmaatschap op¹². De roman verscheen niet, vanuit het standpunt van de DDR begrijpelijk, want De Vries had zijn banden met het communisme verbroken en bekritiseerde de partij. De distributie werd geblokkeerd, een van de elementen van censuur. Opmerkelijk genoeg verscheen het boek alsnog in 1983.

De tweede vorm van censuur die op *Het Wolfsgetij* van toepassing is, betreft de inhoudelijke wijzigingen die tijdens het productieproces voor 1968 plaatsvonden. In het leesrapport wordt bericht dat er in en buiten de redactievergaderingen is besloten dat in de tekst zou worden ingegrepen. Waar gaat het om? Er is geen sprake van pornografie, beklemtoont de redacteur Ronald Links en daarom heeft De Vries onmiddellijk ingestemd met coupures. ‘We deden dat niet’, vervolgt Links, ‘omdat we geconfronteerd waren met kleinburgerlijke taboes, maar wel vanuit de overtuiging dat ons publiek niet door zulke details moest worden gestoord om het morele verval van deze romanfiguur te begrijpen’¹³. Om

---

¹² Telegram van De Vries aan de Akademie der Künste, 9 september 1968, signatuur ADK-O, HAM2.

¹³ In het origineel: ‘Wir taten das nicht, weil etwa wir uns von kleinbürgerlichen Tabus umgeben fühlen, sondern in der Überzeugung, daß unser Publikum nicht durch Details geschockt werden muß, um den moralischen Verfall dieser Romanfigur

te verduidelijken waarom in de DDR-uitgave wijzigingen nodig zijn, gaat hij in op de verschillen tussen Nederland en de DDR: in Nederland verschuiven de middelen om lezers te prikkelen (hij gebruikt het woord ‘Reizschwelle’) voortdurend en doordat de grens waarna lezers nog geprikkeld worden er veel hoger ligt moeten de auteurs ook naar steeds drastischer middelen grijpen. In de DDR ligt die grens lager en daarom kunnen gedetailleerde beschrijvingen van seksuele handelingen ook een sensationeel, interessant en aantrekkelijk effect hebben, zelfs als duidelijk het tegendeel bedoeld was. De politieke strekking van de roman is niet gewijzigd, schrijft hij en distantieert zich met de volgende woorden van de wijzigingen: ‘Het heeft misschien met mijn persoonlijke “Reizschwelle” te maken, dat ik het te droog vind maar dat heeft hooguit gevolgen voor de afzet en niet voor de toestemming om het boek te publiceren’¹⁴. Opmerkelijk is dat hij zich persoonlijk van de censuur distantieert.

3. BESLUIT

Censuur werd in de DDR in de eerste vijftien tot twintig jaar gesteund door veel intellectuelen, want in tegenstelling tot andere Oost-Europese communistische staten moest vrijwel een heel volk heropgevoed worden. De generatie intellectuelen, die aanvankelijk in moreel opzicht een voorbeeld was voor veel jongeren, zoals Gerhard Wolf in het inleidende citaat verduidelijkt, verloor langzaam aan autoriteit en invloed. Het marxisme-leninisme had de hegemonie in grote delen van de maatschappij veroverd, het had de sociale werkelijkheden en verhoudingen via discursieve praktijken (‘Herrschaftssprache’) geconstrueerd en deze constructies hadden het karakter van vanzelfsprekendheden gekregen.

Bij vertaalde literatuur werkte censuur anders dan oorspronkelijk in de DDR geschreven en gepubliceerde literatuur. Bij die laatste werken vermeed de auteur zelf wellicht al bepaalde gevoelige onderwerpen of werden passages in overleg met de redacteur van de uitgever geschrapt. Aan de hand van de roman *Het Wolfsgetij* van Theun de Vries wordt

---

zu begreifen.’ Gutachten Roland Links, 12 december 1967, p. 3. Bundesarchiv, signatuur DR1/2337a, 410.

¹⁴ In het origineel: ‘Vielleicht hat es mit meiner persönlichen Reizschwelle zu tun, daß ich es nun schon fast zu spröde finde, aber das kann höchstens den Absatz und nicht die Druckgenehmigung berühren.’ Gutachten Roland Links, 12 december 1967, Bundesarchiv, signatuur DR1/2337a, 411.

duidelijk dat er twee vormen van censuur op deze uitgave van toepassing zijn: allereerst werd het boek niet gepubliceerd omdat De Vries in 1968 protesteerde tegen de inval van troepen van het Warschaupact in Tsjechoslowakije. Ten tweede werden er in de uitgave die in 1983 verscheen, passages geschrapt met een, volgens de redacteur van Volk und Welt, voor de lezers in de DDR te expliciete seksuele inhoud.

REFERENCES

- Barck S., Langermann M., Lokatis S. “*Jedes Buch ein Abenteuer*”. *Zensur-System und literarische Öffentlichkeiten in der DDR bis Ende der sechziger Jahre*. Berlin: Akademie Verlag, 1997. 453 p. (= Zeithistorische Studien. Hrsg. vom Zentrum für Zeithistorische Forschung Potsdam e.V., Band 9).
- Brecht B. Der aufhaltsame Aufstieg des Arturo Ui. Bertolt Brecht, *Stücke*, 7. Berlin; Weimar: Aufbau Verlag; Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1991. P.7–115. (= Große kommentierte Berliner und Frankfurter Ausgabe).
- Deutsche Verwaltung für Volksbildung in der sowjetischen Besatzungszone (ed.). *Liste der auszusondernden Literatur*. Vorläufige Ausgabe. Berlin: Zentralverlag, 1946. Available at: <http://www.polunbi.de/bibliothek/1946-nslit.html> (accessed: 29.07.2023).
- Deutsche Verwaltung für Volksbildung in der sowjetischen Besatzungszone (ed.). *Liste der auszusondernden Literatur*. Erster Nachtrag. Berlin: Zentralverlag, 1947. Available at: <http://www.polunbi.de/bibliothek/1947-nslit-s.html> (accessed: 29.06.2023).
- Deutsche Verwaltung für Volksbildung in der sowjetischen Besatzungszone (ed.); Simons O. (Einordnung, 2005). *Liste der auszusondernden Literatur*. Zweiter Nachtrag. Berlin: Deutscher Zentralverlag, 1948. Available at: <http://www.polunbi.de/bibliothek/1948-nslit.html> (accessed: 29.06.2023).
- Grave J. Eva Schumann translates Theun de Vries in the GDR. *Transfer of Dutch, Flemish and Scandinavian Literature to Eastern Europe 1945–1990*. For the 20th anniversary of the NIP. Eds J. Grave, I. Michajlova. Moscow: Nauka Publ., 2018c. P.68–79.
- Grave J. The GDR and Dutch literature. *Transfer of Dutch, Flemish and Scandinavian Literature to Eastern Europe 1945–1990*. For the 20th anniversary of the NIP. Eds J. Grave, I. Michajlova. Moscow: Nauka Publ., 2018a. P.7–18.
- Grave J. Theun de Vries in Eastern Europe 1945–1990. *Transfer of Dutch, Flemish and Scandinavian Literatures to Eastern Europe 1945–1990*. For the 20th anniversary of the NIP. Eds J. Grave, I. Michajlova. Moscow: Nauka Publ., 2018b. P.65–67.
- Haug C. *Zensur, literarische. Metzler Literatur- und Kulturtheorie. Ansätze — Personen — Grundbegriffe* (fünfte, aktualisierte und erweiterte Auflage). Ed. A. Nünning. Stuttgart; Weimar: Verlag J. B. Metzler, 2013. P.821–822.

- Horn C. Staatliche Literaturaufsicht. Themenplan und Druckgenehmigungsverfahren. Seinerzeit dachten wir an Schadensbegrenzung. Innensicht einer Sektorleiterin. *Vom Autor zur Zensurakte: Abenteuer im Leseland DDR*. Eds S. Lokatis, T. Rost, G. Steuer. Halle: Mitteldeutscher Verlag, 2014. P. 15–34.
- Leinkauf M. Es gab bei uns etwas Unergründliches. *Freitag*, nr. 1, 2019. Available at: <https://www.freitag.de/autoren/maxi-leinkauf/es-gab-bei-uns-was-unergruendliches> (accessed: 30.07.2023).
- Löffler D. *Buch und Lesen in der DDR*. Berlin: Ch. Links Verlag, 2011. 450 p.
- Ministerium für Volksbildung der Deutschen Demokratischen Republik (ed.). *Liste der auszusondernden Literatur*. Dritter Nachtrag. Berlin: VEB Deutscher Zentralverlag, 1953. Available at: <http://www.polunbi.de/bibliothek/1953-nslit.html> (accessed: 26.06.2023).
- Vries T. de. *Het Wolfsgetij of Een leven van liefde*. Amsterdam: Pegasus, 1965. 295 p.
- Vries T. de. *Wolfszeit*. Roman. Aus dem Niederländischen von Udo Birckholz. Berlin: Verlag Volk und Welt, 1983. 324 p.
- Wichner E., Wiesner H. (eds). *Literaturentwicklungsprozesse. Die Zensur in der Literatur in der DDR*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1993. 228 p.

Jaap Grave

Vrije Universiteit Amsterdam, Netherlands

CENSORSHIP IN THE DUTCH-LANGUAGE LITERATURE THE GDR*

For citation: Grave J. Censorship in the Dutch-language literature the GDR. *Scandinavian Philology*, 2023, vol. 21, issue 2, pp. 253–265.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.204> (In Dutch)

In this article, I first give a detailed sketch of censorship in the GDR. I start from a 2019 interview with German writer and publisher Gerhard Wolf. He tries to explain the acceptance in the GDR of the censorship introduced by the new state in his youth. In doing so, I use a general definition of censorship drawn up by Christine Haug, then go into the early years of that censorship and then make clear the essential difference between censorship in the GDR and that in other communist countries in Eastern Europe during these years. Censorship in the GDR was supported in part by authors who had returned from exile, such as Arnold Zweig. I also quote Bertolt Brecht's warning in his play *Der aufhaltsame Aufstieg des Arturo Ui* (1941; *The Resistible Rise of Arturo Ui*) against the still vibrant National Socialist ideology in the years after 1945. Next, I describe the HV, the department at the Ministry of Culture that dealt with censorship from 1963. It was responsible not only for the libraries and the GDR's entire literary production, such as sales, imports and exports, including the import of literature from the Soviet Union but also for the exchange of literature between the GDR and the

---

* This is an adaptation of a lecture I gave on January 31, 2019 during the following conference: "Cutting Edge/Eastbound Expert Meeting. Conference on the Dissemination and Reception of Dutch Literature in the East", January 31 and February 1, 2019, the Netherlands Institute in St. Petersburg.

BRD. I then discuss the content of the reading reports: the structure, the specific questions and the authors. Finally, I describe the novel *Wolfsgetij* by Dutch author Theun de Vries and show that this edition involves two forms of censorship.

Keywords: censorship, GDR, Dutch literature, Theun de Vries, translation.

Jaap Grave

PhD in Germanic Languages (Dutch and German),
Vrije Universiteit Amsterdam,
1105, De Boelelaan, Amsterdam, 1081 HV, Netherlands
E-mail: jaap.grave@gmx.de

Received: July 2, 2023
Accepted: July 14, 2023

УДК 811.112.5

Екатерина Векшина

Санкт-Петербургский государственный университет

ОПОСРЕДОВАННЫЙ ПЕРЕВОД В НИДЕРЛАНДСКО-РУССКОМ КУЛЬТУРНОМ ТРАНСФЕРЕ

Для цитирования: *Векшина Е. Д.* Опосредованный перевод в нидерландско-русском культурном трансфере // *Скандинавская филология*. 2023. Т. 21. Вып. 2. С. 266–281. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.205>

В статье впервые дается обзор существующих исследований на тему опосредованного перевода в паре нидерландский — русский. Приведены как теоретические обоснования изучения данной проблемы (Х. Пиета, М. Рингмар, К. Доллерап и др.), так и результаты эмпирических исследований (И. Е. Кузнецова, Х. ван дер Так, И. М. Михайлова и др.) В работу включены наблюдения о влиянии языка-посредника на создание первых словарей, перевод научных трудов, юридических документов и художественной литературы, отдельно освещается вопрос использования английского в качестве «стержневого языка» в популярных онлайн-переводчиках. Основной проблемой в этом случае становится перевод личных местоимений и омонимов. В последние годы исследователи, с одной стороны, борются со стигматизацией опосредованного перевода как априори менее качественного и доказывают, что языки-посредники связывают между собой отдаленные культуры и играют важную роль в распространении литературы. С другой стороны, текстовый анализ различных видов не прямых переводов выявляет те ошибки и неточности, которых можно было бы легко избежать при прямом переводе. Опосредованный перевод при этом можно рассматривать как перевод, осуществленный с помощью языка, отличного от языка исходного текста, но не обязательно с «третьего языка»: при возникновении переводной множественности мы часто можем говорить и внутриязыковым опосредованном переводе. В качестве иллюстрации в работе используется роман Мультагули «Макс Хавелар», в частности русское издание 1959 г., где посредниками выступают немецкие и русские переводы. Прибегая к помощи предшественников, русские переводчики пропускают одни и те же фрагменты, используют схожий парафраз, повторяют лексические и фонетические искажения. Использование текстов-посредников, безусловно, связано с внеязыковыми факторами: отсутствием пере-

водчиков, востребованностью текстов, желанием издательств снизить расходы или ускорить процесс перевода. Изучение конкретных случаев опосредованного перевода и дальнейшая систематизация выявленных искажений позволяют отслеживать негативные тенденции, а роман «Макс Хавелар» и его переводы на различные язык могут послужить материалом для выявления этих закономерностей.

Ключевые слова: опосредованный перевод, непрямой перевод, нидерландский язык, текст-посредник, язык-посредник, Мультиатули, *Макс Хавелар*.

Теория перевода традиционно строится на модели «исходный язык — переводящий язык», однако с середины 1990-х гг. объектом исследований все чаще становится более сложная модель «исходный язык — язык-посредник — переводящий язык». Так, члены международного сообщества IndirectTrans (www.indirecttrans.com) считают своей задачей «бросить вызов традиционному бинаризму в переводоведении, пересмотреть историографию межкультурных отношений и осветить роль посреднических центров в межпериферийном культурном трансфере» (здесь и далее перевод мой. — *Е. В.*) [Rosa, Pięta, Maia, 2017, p. 113]. Несмотря на то, что интерес к опосредованному переводу появился относительно недавно, само явление существует с незапамятных времен и встречается в самых разных языковых комбинациях. Например, первые переводы Ветхого Завета на латинский язык (*Vetus Latina*) основаны на греческом тексте, Септуагинте, выполненном в I–III вв.; Святой Иероним, считающийся создателем Вульгаты (ок. 400 г.), латинского перевода Библии, переводил Ветхий Завет в основном с греческого, но тщательно сверяя перевод с оригиналом на иврите [Dollerup, 2000, p. 21]. Вульгатой же пользовался Джон Уиклиф (1320(?)–1384), первый переводчик Библии на английский язык (ок. 1385 г.).

Опосредованный, косвенный или непрямой перевод определяют как «перевод на основе источника (или источников), который сам по себе является переводом на язык, отличный от языка оригинала, или языка перевода» [Kittel, Frank, 1991, p. 3] или «перевод с языков, отличных от самого первого исходного языка» [Toury, 2012, p. 82]. Тексты и языки, которые при этом используются, называют в отечественных статьях промежуточными [Гвоздева, 2003] или текстами- и языками-посредниками [Прошина, 2012]. Принято считать, что опосредованный перевод (ОП) обладает более низ-

ким качеством в сравнении с прямым переводом, однако многие ученые пытаются опровергнуть этот тезис и «реабилитировать» ОП в глазах читателей и исследователей. К примеру, венгерский переводчик и один из пионеров в области опосредованного перевода Дьёрдь Радо утверждает следующее:

Успех или неудача ОП зависит от таланта переводчика, а также от качества промежуточного текста, который он использует. Если и тот и другой превосходны, результат едва ли можно будет отличить от прямого перевода. Более того, непрямой перевод может быть даже лучше, чем посредственный перевод, выполненный напрямую с оригинала [Radó, 1975, p. 51].

Некоторые авторы доказывают этот тезис, эмпирическим путем приходя к тому, что конечный текст может быть ближе к исходному тексту, чем текст-посредник [Edström, 1991, p. 10–11], и что разница в потерях при прямом и косвенном устном переводе не существенна [Mackintosh, 1983]. Шведский теоретик перевода Мартин Рингмар пишет о том, что «история знает множество примеров успешных и высоко ценимых непрямых переводов» [Ringmar, 2006, p. 10]. Помимо этого, борясь со «стигматизацией» опосредованного перевода, исследователи приводят следующий аргумент в его пользу: благодаря опосредованному переводу читатели знакомятся с произведениями тех авторов, чей язык не знаком принимающей культуре. Например, если бы не французские тексты-посредники, то португальские переводы русских классиков стали бы доступны читателям только с 1990-х гг. [Pięta, 2014, p. 24]. Ранние переводы Шекспира на испанский язык также обязаны своим появлением французскому языку: лишь через 60 лет после первого непрямого перевода («Гамлет», 1772) в свет вышел первый англо-испанский перевод Шекспира («Макбет», 1838). Благодаря переводам с английского читатели разных стран впервые познакомились с произведениями немцев братьев Гримм, а творчество датчанина Ганса Христиана Андерсена стало известно англоязычной публике только после того, как его сказки были переведены на немецкий язык и уже затем — на английский [Dollerup, 2000, p. 22].

Но несмотря на важнейшую роль промежуточных текстов в рецепции литературы стран, находящихся далеко не только в географическом, но и культурном плане, влияние опосредован-

ного перевода на конечный результат остается актуальным вопросом среди исследователей, поскольку в наши дни причиной возникновения опосредованного перевода зачастую является не отсутствие переводчиков, владеющих иностранным языком на достаточном уровне, а желание издателей минимизировать расходы на производство и ускорить процесс перевода [Pieta, 2014, p. 25; Ringmar, 2006, p. 6–7]. По мнению Рингмара, «только интерес ученых к этому феномену может помочь противостоять тенденциям к “ненужным” непрямым переводам, например когда они продиктованы исключительно коммерческими соображениями» [Ringmar, 2006, p. 12]. Сопоставительный анализ текстов, помогающий выявить способы влияния опосредованного перевода, позволяет судить о качестве такого перевода. Влияние может отсутствовать вовсе или же быть положительным (как в вышеприведенном выводе Дьёрдя Радо), однако нельзя исключать вероятность искажения текста и в негативном ключе, поскольку в этом случае переводчик конечного текста повторяет все ошибки, неточности и пропуски, оставленные его предшественником. Так, по выражению переводчика и исследователя Клифорда Ландерса, при опосредованном переводе художественной литературы «происходит нечто сродни эффекту ксерокса: копия копии с копии с каждым разом становится все менее четкой и детальной» [Landers, 2001, p. 131].

В этой статье мы рассмотрим проблемы, касающиеся использования текстов- и языков-посредников в переводах с нидерландского на русский язык. Недавние исследования показали, что художественные произведения, написанные на нидерландском языке, зачастую попадали в страны Восточной Европы (включая Россию) через язык-посредник, однако вопрос об опосредованном переводе в нидерландско-русском трансфере как тенденции здесь поднимается впервые. Цель данной работы — продемонстрировать необходимость учитывать промежуточные тексты и их роль при анализе переводов внутри этой языковой пары. Мы остановимся на следующих вопросах: какие примеры использования текстов-посредников в нидерландско-русском культурном трансфере нам известны, в каких случаях возникает необходимость в использовании опосредованного перевода и как это отражается на конечном тексте.

1. ПРИМЕРЫ ОПОСРЕДОВАННОГО ПЕРЕВОДА

1.1. Словари

Первый нидерландско-русский словарь (1716), составленный по указу Петра I обрусевшим шотландцем Яковом Брюсом, был основан на англо-голландской версии словаря Виллема Севела *Groot Wordenboek der engelsche en nederduytsche Taalen*, поскольку лексикограф «не мог перевести многие голландские слова на русский язык» [Биржакова, 2010, с. 51]. Впоследствии Брюс поменял местами голландский и русский языки, составив таким образом и первый русско-нидерландский словарь. Илья Копиевский, автор более раннего «Собрания слов на латинском, российском и голландском языках», или «Номенклатора на русском, латинском и голландском языках» (ок. 1700 г.), который так называют по аналогии с его же работой «Номенклатор на русском, латинском и немецком языках», изначально использовал *Nomenclator selectissimas rerum appellationes tribus linguis, Latina, Germanica, Polonica explicatas indicans* Петра Артомиуша (Piotr Artomiusz (Artomius) Krzesichleb). Копиевский сначала заменил польский перевод на русские эквиваленты, а затем — немецкие на голландские, оставляя латинские термины. В голландском издании присутствует небольшая редактура, но в целом оно повторяет структуру и состав словарей-предшественников и не включает новых слов [Кузнецова, 2009]. Если в случае со словарем Брюса был использован «классический» опосредованный перевод через английский язык, то составление словаря Копиевского включало в себя сначала прямой перевод лексем с польского на русский, а затем — с немецкого на голландский, т. е. несмотря на отсутствие текста-посредника в результате автор издал непрямой перевод слов с голландского на русский.

1.2. Научные труды

Яков Брюс также перевел на русский язык трактат астронома Кристиана Гюйгенса «Книга мирозрения и мнение о небесно-земных глобусах и их украшениях» (1717), используя в большей степени даже не оригинальный латинский текст (1698), а немецкий перевод (1703); «нидерландский перевод (1699) не сыграл роли в появлении русского», хоть и был опубликован практически сразу после выхода трактата на латыни [Tak van der, 2023].

1.3. Юридические документы

В Интернете в открытом доступе находится «Уголовный кодекс Голландии» в переводе И. В. Мироновой, под редакцией профессора Б. В. Волженкина. Текст был опубликован в 2001 г. и представляет собой перевод с английского языка, что напрямую указано в выходных данных [Уголовный кодекс Голландии, 2001].

1.4. Ситуация с машинным переводом

Наиболее популярные в России онлайн-переводчики Google, Яндекс и DeepL при работе в паре нидерландский — русский используют английский язык в качестве языка-посредника или, как его принято называть в машинном переводе, стержневого языка (*pivot language*). Из-за этого в переводе возникают ошибки, которые были бы невозможны при прямом переводе. Ярким примером¹ может послужить перевод личных местоимений *jij/jou, u/u, jullie/jullie* и притяжательных *jouw, uw, jullie*, которые имеют соответствия в русском языке: местоимения второго лица единственного числа, которые обычно используют при обращении к знакомому человеку или среди ровесников (ты, твой), местоимения второго лица единственного числа в форме вежливого обращения к одному человеку или нескольким людям, к которым обращаются уважительно (Вы, Ваш), и местоимения второго лица множественного числа (вы, ваш). При переводе личных местоимений второго лица единственного числа переводчик (человек) обязан учитывать речевую ситуацию ввиду культурных различий, от «машины» же ожидается перевод с использованием очевидных эквивалентов. Но в силу того, что в качестве языка-посредника выступает английский, в котором есть только формы *you* (личное местоимение второго лица) и *your* (притяжательное местоимение второго лица), то результат перевода может быть непредсказуем: *jij, u en jullie* > ты, ты и твой (Яндекс), ты, ты и ты (DeepL, Google); *jouw, uw en jullie* > твой, твой и только твой (Яндекс), ваш, ваш и ваш (DeepL), твой, твой и ты (Google). Если же рассмотреть

---

¹ Все приведенные примеры машинного перевода актуальны на 31.05.2023. Онлайн-переводчики быстро обучаются и развиваются, поэтому на момент публикации статьи часть примеров может потерять свою актуальность. Кроме того, варианты перевода могут отличаться от приведенных, оставаясь неверными.

перевод местоимений не изолированно, а в контексте, то он также представляется ошибочным: *Jullie helpen haar alleen maar omdat het lijkt of jullie kleine engel terug is. Maar ze is jullie engeltje niet.* ‘Вы помогаете ей только потому, что вам кажется, будто это вернулся ваш маленький ангел. Но она не ваш ангел.’ >

‘Ты помогаешь ей только потому, что, похоже, твой маленький ангел вернулся. Но она не твой ангел.’ (Яндекс)

‘Вы помогаете ей только потому, что кажется, что ваш маленький ангел вернулся. Но она не твой ангел.’ (Google)

‘Вы помогаете ей только потому, что похоже, что ваш маленький ангел вернулся. Но она не твой ангелочек.’ (DeepL)

«Машины» избегают проблемы выбора между местоимениями «ты» и «вы» в первом предложении, произвольно предлагая один из вариантов, возможно, основываясь на статистических данных, но перевод второго предложения в любом случае остается неверным. При переводе в обратную сторону, с русского на нидерландский, в качестве посредника также используется английский язык: *ты и вы* переводится как *jij en jij* (ты и ты).

Другой пример — перевод слова *krentenbol* («булочка с изюмом (сдобная, с добавлением коринки; часто используется для сэндвичей)»). Яндекс предлагает варианты «крентенбол» или «смородиновая луковица», Google и DeepL настаивают на переводе «смородиновая булочка», поскольку по-английски *krenten* — это *currants*, что можно перевести и как «коринка, сабза (сорта бессемянного изюма)», так и «смородина». Подобные недоразумения возникают довольно часто из-за многозначности английских слов.

1.5. Художественный перевод

Недавние работы о русских переводах ряда произведений на нидерландском языке показали, что эти переводы были выполнены с помощью текстов-посредников. Например, дневник Анны Франк [Михайлова, 2017], творчество голландского прозаика Тейна де Фриса [Kopylov, Michajlova, 2018], а также произведения знаменитого нидерландского писателя Мультиатули попали к русским читателям не напрямую из нидерландского языка, а через немецкий [Grave, Vekshina, 2021]. Кроме того, согласно данным, которые содержатся в базе Литературного фонда Нидерландов [Vertalingen

database], в пяти современных изданиях (2008–2021) указано, что перевод точно был выполнен с английского языка, здесь же еще два издания помечены как возможные переводы с английского. Конечно, это скромные цифры в сравнении с общим количеством переводов, учтенных в этой базе, которое составляет 454 произведения, однако не стоит забывать, что данные в базе не всегда соответствуют действительности. К примеру, в выходных сведениях издания *Een kleine geschiedenis van Amsterdam* (в русском переводе — «Амстердам. Один город — одна жизнь») Геерта Мака указано, что Антонина Галль перевела эту книгу с английского, а в базе Литературного фонда говорится про нидерландский. Переводчица также получила субсидию, поскольку Фонд поддерживает не прямые переводы нехудожественной литературы: с одной стороны, при подобном переводе не так важна стилистическая специфика, а с другой — наличие перевода-посредника означает, что текст оригинала уже был проверен на логические и фактические ошибки, следовательно в конечном тексте их количество будет сведено к минимуму.

2. СЛУЧАЙ «МАКСА ХАВЕЛАРА» МУЛЬТАГУЛИ

Как было упомянуто ранее, творчество крупнейшего нидерландского писателя Мультатули (псевдоним Эдуарда Дауэса Деккера, 1820–1887), стало доступным русскому читателю благодаря немецким текстам-посредникам. Интерес к писателю, скорее всего, был вызван его популярностью в Германии, а использование промежуточных текстов можно назвать необходимостью того времени. Однако первые переводы «Макса Хавелара», самого известного произведения Мультатули, опубликованные в 1916 и 1925 гг. и основанные на немецких текстах, иногда оказывали влияние и на последующие издания 1927, 1928 (адаптированная версия), 1936, 1949 и 1959 гг., которые издавались как переводы «с голландского». В русских изданиях разных лет повторяются те переводческие трансформации, которые применил немецкий переводчик К. Мишке, неизбежные фонетические и лексические сдвиги и ошибки.

Наибольшее количество заимствований присутствует в переводах 1916 и 1925 гг., но часть из них сохранилась и в последнем

советском переводе (1959). Чаще всего переводчики опускают или перефразируют одни и те же фрагменты. Например, в оригинальном произведении (издание 1871 г.) мы читаем длинные и витиеватые рассуждения автора о природе юмора: «...vooral was dit het geval, waar zy blyk gaven iets te willen voortbrengen dat koddig of burlesk heeten moest, om nu niet van *humor* te spreken, een eigenaardigheid die byna doorgaande allerjammerlykst wordt verward met het *komieke*» [Multatuli, 1871] («...особенно, в тех случаях, когда они намереваются представить нечто, которое обычно называют забавным или шутливым, не говоря уже о *юморном*, свойстве, которое, к большому сожалению, почти всегда путают с *комичным*»). Немецкий переводчик решает несколько сократить мысль автора: «...besonders war das der Fall, wenn es ihnen darum zu thun war, etwas zustande zu bringen, was komisch oder burlesk sein sollte» (букв. «...особенно это касалось тех случаев, когда им приходилось предложить нечто, которое должно было предстать комичным или забавным» [Multatuli, 1900]. Довольно точный перевод с немецкого мы видим в издании 1959 г.: «...в особенности когда они предлагают вниманию нечто долженствующее сойти за комическое и забавное» [Мультиатули, 1959], который почти в том же виде встречается и в первом переводе «Макса Хавелара»: «...в особенности когда они предлагают вниманию нечто долженствующее сойти за элемент забавного и комического» [Мультиатули, 1916]. Другой пример, в котором из-за ошибочного перевода фраза теряет смысл и шутливый характер (а ведь ее произносит строгий отец и морализатор, вечно возмущающийся по поводу нравов современной молодежи):

...een epizode uit de bruiloft van Kamacho, dat de jongens altyd zoo aardig vinden, omdat er iets van een 'brillekiek' in komt [Multatuli, 1871].
‘...отрывок из «Свадьбы Камачо», который всегда приводит в восторг всех мальчишек, потому что там упоминается «стульчак»’;

...ein Stück aus der «Hochzeit des Kamacho», das die Jungen immer so nett finden, weil da etwas von einer Beschummelei vorkommt [Multatuli, 1900];

...эпизод из «Свадьбы Камачо», тот самый, который всегда нравится мальчишкам, потому что в нем речь идет о ловком обмане [Мультиатули, 1959].

В предыдущих переводах это слово также было переведено с немецкого, но другими способами: «надувательство» [Мультатули, 1916], «плутовство» [Мультатули, 1925]. Подобные ошибки и неточности кочуют из одного перевода в другой.

При этом не все переводчики пользовались немецким текстом, для последних изданий более важную роль сыграли предыдущие переводы на русский язык. Вслед за предшественниками новые переводчики и редакторы сохраняют многие варианты перевода реалий, транскрибируют говорящие имена собственные, не пытаясь передать их значение, пропускают одни и те же фрагменты (включая, например, обширный аппарат комментариев от самого Мультатули). Поскольку авторы более поздних переводов пользовались нидерландским текстом, многие недочеты все же были исправлены, но даже в последнем издании сохранились переводческие решения из более ранних русских версий. Данное наблюдение может стать стимулом к изучению взаимосвязей между переводной множественностью (повторным переводом) и опосредованным переводом.

Помимо прямого воздействия на языковые средства, тексты-посредники также оказывают влияние на паратекстуальный уровень произведений и на рецепцию автора в принимающей культуре. Так, образ, который создал Э.Д. Деккеру его другой немецкий переводчик и большой почитатель его творчества В. Шпор, укоренился и в других культурах, включая русскую, поскольку был использован в различных предисловиях и рецензиях [Векшина, 2022].

Поскольку практика опосредованного перевода в целом присутствует в нидерландско-русском культурном трансфере, то можно предположить, что тексты-посредники используются и в прочих видах устного и письменного перевода. В статьях интернет-изданий нередко встречаются ссылки на англо- и немецкоязычные источники, при переводе технических текстов могут использоваться немецкие тексты и немецко-русские словари ввиду богатой истории производственных отношений между странами, при изучении нидерландского языка и в туристических поездках также фигурируют языки-посредники. Опосредованный перевод в журналистике, публицистике, технических текстах, различных видах мультимедиа и «в быту» представляет собой широкий пласт для исследований.

Опосредованный перевод в нидерландско-русском культурном трансфере нельзя назвать частым явлением, хоть он и встречается в различных сферах на протяжении уже нескольких веков. Использование текстов-посредников, безусловно, связано с внеязыковыми факторами: отсутствием переводчиков, востребованностью текстов, желанием издательств снизить расходы или ускорить процесс перевода. Изучение конкретных случаев опосредованного перевода и дальнейшая систематизация выявленных искажений позволяет отслеживать возможные негативные тенденции. При этом нельзя забывать о важной социально-культурной роли текстов-посредников в распространении и популяризации литературы. Дальнейшие исследования непрямого перевода с нидерландского на русский могут быть сосредоточены на причинах возникновения этого явления, определении ключевых «промежуточных центров» и конкретных периодов в истории, когда данный вид перевода пользовался наибольшей популярностью. Выявление определенных паттернов позволит определить место нидерландско-русского трансфера в международной картине историко-переводческих процессов. В случае обнаружения факта опосредованного перевода можно фокусировать внимание на анализе соответствия конечного текста оригиналу и тем самым пополнять знания о влиянии текстов-посредников на различные уровни текста.

Роман Мультиатули «Макс Хавелар» представляет собой один из интереснейших случаев опосредованного перевода. Он был опубликован на русском языке семь раз, и каждое из этих изданий все дальше отходило от немецкого текста-посредника, при этом сохраняя его некоторые черты до последней публикации в 1959 г., что говорит о том, насколько сильно наличие текстов-посредников повлияло на конечный результат. По всей видимости, в случае с последними переводами в роли текстов-посредников уже выступали русские, а не немецкие тексты, что смыкается с областью переводной множественности. Отсюда можно заключить, что опосредованный перевод — это не только перевод через некий третий язык-посредник, но и перевод с использованием предыдущих текстов на том же языке, совпадающем с языком конечного перевода. А данное произведение, об истории перевода которого известно уже достаточно много, может быть использовано в качестве материала для дальнейшего анализа закономерностей, возникающих

при повторном переводе с использованием текстов-посредников. В частности, для выявления видов лексики, повторяющейся в каждом тексте, а также для анализа возможных искажений, вызванных опосредованным переводом.

ЛИТЕРАТУРА

- Биржакова Е. Э. Из истории русско-иноязычной лексикографии XVIII века. Русско-голландский лексикон Якова Брюса. В кн.: Биржакова Е. Э. *Русская лексикография XVIII века*. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 47–61.
- Векшина Е. Д. Из истории рецепции нидерландской литературы в России: Э. Д. Деккер (Мультиатули). «Повести, сказки, легенды» (Санкт-Петербург, 1907). *Russian Linguistic Bulletin*, 2 (30), 2022. P. 1–6.
- Гвоздева О. Л. Промежуточный язык: решение проблем или возникновение новых? *Слово и текст: психолингвистический подход*, 1, 2003. С. 25–32.
- Кузнецова И. Е. Номенклатор на русском, немецком и голландском языках Ильи Копиевского. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*, 5 (3), 2009. С. 86–91.
- Михайлова И. М. О русских переводах «Дневника Анны Франк». *Материалы XLVI Международной филологической научной конференции, 13–22 марта 2017 г.* СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 2017. С. 89–97.
- Мультиатули. *Макс Хавелаар или Кофейные аукционы Нидерландского торгового общества*. Пер. с нем. И. Д. Маркусона. Л.: Мысль, 1925. 238, [2] с.
- Мультиатули. *Макс Хавелаар, или Кофейные аукционы Нидерландского торгового общества*. Предисл. М. Чечановского. М.: Гослитиздат, 1959. 288 с.
- Мультиатули. *Макс Хавелаар и кофейные операции нидерландской торговой компании*. Пер. З. Журавская. М.: Русская мысль, 1916. Кн. 6–12.
- Прошина З. Китайско-русское взаимодействие через английский язык как посредник. *Лингвистика*, 4, 2012. С. 78–85.
- Уголовный кодекс Голландии*. Науч. ред. Б. В. Волженкин; пер. с англ. И. В. Мироновой. 2-е изд. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 509 с.
- Dollerup C. Relay and support translations. *Translation in Context*. Eds A. Chesterman et al. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2000. P. 17–26.
- Edström B. The Transmitter Language Problem in Translations from Japanese into Swedish. *Babel*, 37 (1), 1991. P. 1–13.
- Grave J., Vekshina E. Max Havelaar van Multatuli in Rusland: Het Ontstaan van de Vertalingen. *Scandinavian Philology*, 19 (1), 2021. P. 176–189.
- Kittel H., Frank A. P. *Interculturality and the Historical Study of Literary Translations*. Berlin: Eric Schmidt, 1991. 151 p.
- Kopylov M., Michajlova I. Theun de Vries in translation: did the Russian translator use the German translation? *Transfer of Dutch, Flemish and Scandinavian Literatures to Eastern Europe (1945–1990)*. Eds J. Grave, I. Michajlova. Moscow: Nauka, 2018. P. 90–97.

- Landers C. E. *Literary Translation: A Practical Guide*. Clevedon: Multilingual Matters, 2001. 214 p.
- Mackintosh J. *Relay Interpretation: An Exploratory Study*. MA thesis. London: University of London, 1983.
- Multatuli (Dekker, Eduard Douwes). *Max Havelaar: Of De koffij-veilingen der Nederlandsche Handelmaatschappij*. Amsterdam: K. H. Schadd, 1871. 296 p.
- Multatuli. *Max Havelaar oder: Die Kaffee-Versteigerungen der Niederländischen Handels-Gesellschaft*. Übertragung von Karl Mischke. Halle an der Saale: Hendel Verlag, o. J., verm. 1900. Режим доступа: <http://www.zeno.org/Literatur/M/Multatuli/Roman> (дата обращения: 31.05.2023).
- Pięta H. What Do (We Think) We Know about Indirectness in Literary Translation? A Tentative Review of the State-of-the-art and Possible Research Avenues. *Traducció indirecta en la literatura catalana*. Eds I. Garcia Sala, D. Sanz Roig, B. Zaboklicka. Lleida: Punctum, 2014. P. 15–34.
- Radó G. Indirect Translation. *Babel*, 21 (2), 1975. P. 51–59.
- Ringmar M. Roundabouts Routes: Some Remarks on Indirect Translations. *Selected Papers of the CETRA Research Seminar in Translation Studies*. Ed. by Francis Mus. Leuven: CETRA, 2006. P. 1–17.
- Rosa A. A., Pięta H., Maia R. B. Theoretical, methodological and terminological issues regarding indirect translation: An overview. *Translation Studies*, 10 (2), 2017. P. 113–132.
- Tak van der. H. Eene rey van rondom de Zon afzwevende Starren. Bruggenbouwers. *Russische neerlandistiek en Nederlandse russistiek in historisch perspectief*. Eds J. Grave, E. Metz, O. Ovechkina, I. Michajlova. M.: Hayka, 2024. (В печати)
- Toury G. *Descriptive Translation Studies and Beyond*. Rev. ed. Amsterdam: John Benjamins, 2012. 350 p.
- Vertalingen database. Режим доступа: <https://nlf.my.salesforce-sites.com/vertalingendatabase/download?languageCode=nl&taal=Russisch&type=search&query=> (дата обращения: 10.05.2023).

Статья поступила в редакцию 31 мая 2023 г.;
рекомендована к печати 7 июля 2023 г.

Ekaterina Vekshina

St. Petersburg State University

INDIRECT TRANSLATION IN DUTCH-RUSSIAN CULTURAL TRANSFER

For citation: Vekshina E. D. Indirect translation in Dutch-Russian cultural transfer. *Scandinavian Philology*, 2023, vol. 21, issue 2, pp. 266–281.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.205> (In Russian)

This is the first review of the existing research on the topic of indirect translation in Dutch-Russian language pair. Both theoretical justifications for the study of this problem (H. Pięta, M. Ringmar, C. Dollerup, etc.) and the results of empirical re-

search (I. E. Kuznetsova, H. van der Tak, I. M. Michajlova, etc.) are presented. The paper includes observations on the influence of the mediating language on the creation of the first dictionaries, translation of scientific works, legal documents and fiction, and separately highlights the issue of using English as a “pivot language” in popular online translators. The main problem in this case becomes the translation of personal pronouns and homonyms. In recent years, on the one hand, researchers have been fighting the stigmatisation of mediated translation as a priori inferior and proving that mediated languages link distant cultures and play an important role in the dissemination of literature. On the other hand, textual analyses of different types of indirect translations reveal errors and inaccuracies that could have been easily avoided in direct translation. An intermediary translation can be seen as a translation made with the help of a language other than the source language, but not necessarily from a “third language”: when translation plurality occurs, we can often speak of intralanguage indirect translation. This paper uses Multatuli’s novel *Max Havelaar* as an illustration, in particular the 1959 Russian edition, where German and Russian translations mediate. Resorting to the help of their predecessors, the Russian translators omit the same fragments, use similar paraphrases, and repeat lexical and phonetic distortions. The use of mediating texts is certainly related to extra-linguistic factors: lack of translators, demand for texts, publishers’ desire to reduce costs or speed up the translation process. The study of specific cases of indirect translation and further systematisation of the identified distortions allows us to track negative trends, and the novel *Max Havelaar* and its translations into different languages can serve as material for identifying these patterns.

Keywords: intermediary translation, indirect translation, Dutch, mediating text, mediating language, Multatuli, *Max Havelaar*.

REFERENCES

- Birzhakova E. E. From the history of Russian and foreign lexicography of the 18th century. The Russian-Dutch lexicon of Jacob Bruce. In: Birzhakova E. E. *Russkaia leksikografiia XVIII veka*. St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2010. P. 47–61. (In Russian)
- Criminal Code of the Netherlands*. Ed. by B. V. Volzhenkin; transl. from English by I. V. Mironova. 2nd ed. St. Petersburg: Jurid Center Press, 2001. 509 p. (In Russian)
- Dollerup C. Relay and support translations. *Translation in Context*. Eds A. Chesterman et al. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2000. P. 17–26.
- Edström B. The Transmitter Language Problem in Translations from Japanese into Swedish. *Babel*, 37 (1), 1991. P. 1–13.
- Grave J., Vekshina E. Max Havelaar van Multatuli in Rusland: Het Ontstaan van de Vertalingen. *Scandinavian Philology*, 19 (1), 2021. P. 176–189.
- Gvozdeva O. L. Intermediate language: the solution of problems or the emergence of new ones? *Slovo i tekst: Psikholingvisticheskii podkhod*, 1, 2003. P. 25–32. (In Russian)
- Kittel H., Frank A. P. *Interculturality and the Historical Study of Literary Translations*. Berlin: Eric Schmidt, 1991. 151 p.

- Kopylov M., Michajlova I. Theun de Vries in translation: did the Russian translator use the German translation? *Transfer of Dutch, Flemish and Scandinavian Literatures to Eastern Europe (1945–1990)*. Eds J. Grave, I. Michajlova. Moscow: Nauka Publ., 2018. P.90–97.
- Kuznetsova I.E. Nomenclator in Russian, German and Dutch by Ilya Kopievsky. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanii*, 2009, 5 (3). P.86–91. (In Russian)
- Landers C.E. *Literary Translation: A Practical Guide*. Clevedon: Multilingual Matters, 2001. 214 p.
- Mackintosh J. *Relay Interpretation: An Exploratory Study*. MA thesis. London: University of London, 1983. 77 p.
- Michajlova I.M. On the Russian translations of “Diary of Anne Frank”. *Materialy XLVI Mezhdunarodnoi filologicheskoi nauchnoi konferentsii, March 13–22, 2017*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2017. P.89–97. (In Russian)
- Multatuli (Eduard Douwes Dekker). *Max Havelaar: Of De koffij-veilingen der Nederlandsche Handelmaatschappij*. Amsterdam: K. H. Schadd, 1871. 296 p.
- Multatuli. *Max Havelaar, or The Coffee Auctions of the Dutch Trading Company*. Transl. by Z. Zhuravskaia. Moscow: Russkaia mysl’ Publ., 1916, bks 6–12. (In Russian)
- Multatuli. *Max Havelaar, or The Coffee Auctions of the Dutch Trading Company*. Transl. from German by I. D. Markuson. Leningrad: Mysl’ Publ., 1925. 238, [2] p. (In Russian)
- Multatuli. *Max Havelaar, or The Coffee Auctions of the Dutch Trading Company*. Transl. by M. Chechanovskii. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo khudozhestvennoi literatury Publ., 1959. 288 p. (In Russian)
- Multatuli. *Max Havelaar oder: Die Kaffee-Versteigerungen der Niederländischen Handels-Gesellschaft*. Übertragung von Karl Mischke. Halle an der Saale: Hendel Verlag, o. J., verm. 1900. Available at: <http://www.zeno.org/Literatur/M/Multatuli/Roman> (accessed: 31.05.2023).
- Pięta H. What Do (We Think) We Know about Indirectness in Literary Translation? A Tentative Review of the State-of-the-art and Possible Research Avenues. *Traducció indirecta en la literatura catalana*. Eds I. Garcia Sala, D. Sanz Roig, B. Zaboklicka. Lleida: Punctum, 2014. P.15–34.
- Proshina Z. Chinese-Russian interaction through English as a mediator. *Linguistics*, 4, 2012. P.78–85. (In Russian)
- Radó G. Indirect Translation. *Babel*, 21 (2), 1975. P.51–59.
- Ringmar M. Roundabouts Routes: Some Remarks on Indirect Translations. *Selected Papers of the CETRA Research Seminar in Translation Studies*. Ed. by Francis Mus. Leuven: CETRA, 2006. P.1–17.
- Rosa A. A., Pięta H., Maia R. B. Theoretical, methodological and terminological issues regarding indirect translation: An overview. *Translation Studies*, 10 (2), 2017. P.113–132.

- Tak van der. H. Eene rey van rondom de Zon afzwevende Starren. Bruggebouwers. *Russische neerlandistiek en Nederlandse russistiek in historisch perspectief*. Redts J. Grave, E. Metz, O. Ovechkina, & I. Michajlova. Moscow: Nauka Publ., 2024. (In press)
- Toury G. *Descriptive Translation Studies and Beyond*. Rev. ed. Amsterdam: John Benjamins, 2012. 350 p.
- Vekshina E. D. From the History of Reception of the Dutch Literature in Russia: E. D. Dekker (Multatuli). “Novels, Tales, and Legends” (St. Petersburg, 1907). *Russian Linguistic Bulletin*, 2 (30), 2022. P. 1–6. (In Russian)
- Vertalingen database*. Available at: <https://nlf.my.salesforce-sites.com/vertalingendatabase/download?languageCode=nl&taal=Russisch&type=search&query=> (accessed: 10.05.2023).

Векшина Екатерина Дмитриевна

магистр, аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
E-mail: katjavekshina@gmail.com

Ekaterina Vekshina

Master in Philology, Postgraduate Student,
St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation
E-mail: katjavekshina@gmail.com

Received: May 31, 2023

Accepted: July 7, 2023

UDC 81'25+811.113.4

Elena Krasnova

Independent Researcher

THE IMPORTANCE OF TRANSLATING KAREN BLIXEN'S NOVEL *THE AFRICAN FARM* FROM DANISH

For citation: Krasnova E. The importance of translating Karen Blixen's novel *The African Farm* from Danish. *Scandinavian Philology*, 2023, vol. 21, issue 2, pp. 282–296. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.206>

The importance of a new translation of Karen Blixen's *The African Farm* is based on two factors: the book has never been translated from Danish (although the Danish version differs from the English version), and existing translations of the English version contain a number of inaccuracies. Karen Blixen's book *The African Farm* was published in English in the UK in 1937 under the title *Out of Africa*. In the same year, Karen Blixen published the Danish text of the book under the title *Den afrikanske farm*. This book is not the only example of Karen Blixen's own translations from English into Danish, as she also translated some of her short stories after their first publication in English. It is still a controversial issue whether her translations may be considered “copies” of the original works or they should be regarded as recreations in Danish. This article presents a comparative analysis of the English and the Danish texts of *The African Farm* which confirms that we are talking about two different versions of the work, since while creating the Danish text, Karen Blixen used several transformations: transpositions, substitutions, additions and omissions. The notion of “transformation” in this article implies a very wide range of modifications. The author makes significant changes to the original text. The result is a new text with quite a number of differences from English; the text that awaits translation from Danish. *Out of Africa* has been translated from English into Russian twice. The translations by experienced translators make a significant contribution to the history of literary contacts between Denmark and Russia; however, they contain a number of errors due to misunderstanding of Danish and African realities, as well as disregard for the specific situation. Translation of the Danish version of *The African Farm* is necessary not only because the Danish version has never been translated into Russian, but also because it would allow for the explication of some themes important for Karen Blixen that were “lost” in the translations from English. The present study does not presuppose consideration of literary aspects. It involves

only differences between the Danish and the English versions of the novel, as well as the analysis of existing translations from English.

Keywords: Karen Blixen, *Out of Afrika*, *African Farm*, Danish literature, author's translation, Danish, English.

1. INTRODUCTION

Karen Blixen (1885–1962), one of Denmark's best-known writers, published some of her books in English and then translated them into Danish. Her novel *Out of Africa* was first published in English in 1937 in England. A little later that year, the novel was published in Denmark in Danish under the title *Den afrikanske farm* ("The African Farm") — in Karen Blixen's translation. In early 1938, the book is published in America, the text is almost identical to that of the English edition. Interestingly, the American publisher suggested some changes to the text (the first chapter was even edited), but Karen Blixen and her English editor categorically refused the suggestions of the translator and editor [Ankjær Sahl, 2022]. The Danish text is not an exact translation from English; rather, in this case, the term "recreation" should be used. In *The African Farm* Karen Blixen talks about her life in Kenya from 1914 to 1931, about growing coffee on her coffee plantation, her love for the African continent, the amazing nature of Africa, and her relationship with the locals. The book received renewed attention in 1985 with the release of Sidney Pollock's *Out of Africa*, starring Meryl Streep and Robert Redford. In 1986, the film won seven Academy Awards in various categories, including Best Picture and Best Director.

2. ON THE STATUS OF THE TWO VERSIONS OF THE NOVEL

The African Farm is a complex, multidimensional work that suggests many interpretations. On the one hand, it is an autobiographical narrative about life in Africa, on the other hand, it is about "Blixen's and her contemporaries' understanding of the perception of the contradiction between culture and nature, as well as the rapid development of civilization" [Rode, p. 17]. And, of course, it is a travel novel and a philosophical novel about the losses that every human being faces and how hard it is to accept them.

The question of the status of the two texts created by Karen Blixen is still debated: whether they are equivalent, whether they can be con-

sidered identical, or whether we are talking about two different texts [Brandtly, 2002; Steponavičiūtė, 2010; Van de Stadt, 2020]. The transformations¹ in Karen Blixen's Danish translations are numerous, and they do not always lend themselves to analysis. Kure-Jensen's study describes them as "amplifications" that include richer vocabulary, increased specificity, and deeper explanation of concept [Kure-Jensen, 1993, p. 317].

Knud Sørensen, having analyzed Karen Blixen's self-translations on the example of the collection *Seven Fantastic Stories*, concludes that Karen Blixen does not translate, but rather recreates her text in Danish, and that there are some Danisms in her English texts and Anglicisms in her Danish texts. In addition, he concludes that Karen Blixen had a brilliant command of English, but still not perfect [Sørensen, 1981, s. 71].

It is beyond the scope of this study to assess Karen Blixen's English language proficiency, but Knud Sørensen's observations — albeit based on a collection of short stories — are certainly noteworthy.

3. RUSSIAN TRANSLATIONS OF THE NOVEL *THE AFRICAN FARM*

The novel has been translated into Russian twice, both times from English. In 1997, it was published under the title *Farewell, Africa!* translated by M. Kovaleva, and in 2004 under the title *Out of Africa* translated by A. Y. Kabalkin. Both translations were made by experienced translators and make a significant contribution to the history of literary contacts between Denmark and Russia; however, they contain many inaccuracies related to the misunderstanding of Danish and African realities, as well as inattention to the specific situation (see section 6).

4. THE PROBLEM OF SELF-TRANSLATION

An author's translation, or self-translation, is a translation performed by the author of a work. A limited number of studies have been devoted to the peculiarities of the author's translation in modern translation theory. There is a logical explanation for this: there are not many cases when a famous author, whose books may be in demand in two cultures, has a sufficiently good command of two languages. One vivid example

---

¹ The term "transformation" in this article is understood broadly — as any modification used by the author. The author uses them quite freely, but these modifications are most conveniently described in the terms proposed by L. S. Barkhudarov [Barkhudarov, 1975].

is Vladimir Nabokov, who believed that he, better than any translator, could cope with the task: "...in publishing 'Lolita' in Russian, I pursued a very simple goal: I want my best English book — or, to put it more modestly, one of my best English books — to be correctly translated into my native language" [Nabokov, 1991, p. 351].

A. M. Finkel, speaking about the value and exclusivity of the author's translation, notes that "the translator in general and the author-translator seem to face the same tasks and difficulties, but in author's translation their solution acquires a slightly different character, a different direction, a different content than in ordinary translation" [Finkel, 1962, p. 104]. The text created by the author is as unique and inimitable as its prototype.

The peculiarity of self-translation is that it involves significant transformations of the source text that translators cannot afford. The author himself determines what changes should be made to a text intended for an audience speaking another language (most often his mother tongue). Perhaps, in the case of an author's translation, we should speak not of an original and a translation, but of two versions of the same work, which have equal status.

5. FEATURES OF TRANSFORMATIONS IN THE AUTHOR'S TRANSLATION OF *OUT OF AFRICA* INTO DANISH

The comparison of the two texts shows that despite the closeness of the English and Danish texts, there are some differences between the two versions, and the very fact that the author made some decisions to change the text suggests that we are dealing with the recreation of the text in Danish. The techniques used by Karen Blixen in translating *The African Farm* can be most conveniently described in terms familiar to translation studies [Barkhudarov, 1975]:

- 1) transpositions;
- 2) substitutions;
- 3) additions;
- 4) omissions.

The author uses the arsenal of these means quite freely; often she goes much farther away from the text than the translator could go, because she has the right to decide what the Danish reader should see in the text.

5.1. Transpositions

The transpositions in the translation text are few and mostly occur in the description of the nature of Africa.

Up on the very ridge of the hills and on the four peaks themselves it was easy to walk; the grass was short as on a lawn, with the grey stone in places breaking through the sward.

‘На гребне и даже на всех четырех вершинах ходить было легко, трава там была невысокая, как на лужайке у дома, и только кое-где из нее выглядывали серые камни’ (пер. с англ.²).

Det var ujævnt, ufarbart land på bjerget, men når man var nået helt op på bjergryggen, så var der let at gå. Græsset var kort som på en klippet plæne, den grå sten brød hist og her gennem grønsværen.

‘Местность на горе была неровной, непроходимой, но когда ты поднимался на самую вершину хребта, идти было легко. Трава была невысокой, словно на постриженной лужайке, местами из нее выглядывали серые камни’ (пер. с дат.).

It is impossible that a town will not play a part in your life.

‘Невозможно представить, что город не будет играть роль в вашей жизни’.

En by i nærheden kommer til at spille en rolle i ens liv, det er ikke muligt andet.

‘A nearby city will play a role in your life, there’s no way around it’.

‘Город, который находится поблизости, будет играть роль в вашей жизни, иначе и невозможно’ (пер. с дат.).

The transpositions in the Danish text are usually not related to grammatical peculiarities or to the requirements of the context. For Karen Blixen it was obviously a continuation of her work on the text, only now in her mother tongue.

In most cases, as in the examples above, transpositions are combined with additions.

---

² Where no translator is indicated, the translation is made by the author of this article.

5.2. Substitutions

Some substitutions are unavoidable, and have to do with the transfer of length units into Danish, e. g. feet are converted to meters, and distances in English miles are converted to Danish miles.

Of particular interest are those substitutions which, according to Karen Blixen, make the text more comprehensible to the Danish reader and clarify certain images and comparisons.

For example, when describing one of the guests of the farm, she writes that “in our daily intercourse he had, as was to be expected, much of the Ancient Mariner, or of the Old Man of the Sea”.

The author uses the image of a character in the poem by the English poet Samuel Coleridge (1772–1834) *The Rime of the Ancient Mariner*, published in 1798.

In the Danish text, however, the author removes “the Ancient Mariner” and instead uses a comparison with the evil old man from Sinbad the Sailor’s fifth voyage that is more understandable to the Danish reader.

However, “the Ancient Mariner” does appear later in the text when Karen Blixen quotes the poem on Dennis Finch-Hatton’s tombstone, but he is no longer connected to the image of the guest.

Senere hen lod Denys’ broder, lord Winchilsea, en obelisk sætte på hans grav med en inskription, der var taget ud af Coleridges digt: “The Ancient Mariner”.

Позднее брат Денниса, лорд Уинчилси, поставил на его могиле памятник с цитатой из «Старого Морехода» (пер. с дат.).

Another example of culture-specific substitution: “puppet theater” (*puppet-show*) in the chapter *The Somali Women* in the Danish text turns into the name of the puppet theater “*mester Jakel-forestilling*”³ understandable to the Danish reader.

Many of the author’s substitutions, which have nothing to do with the culture-specific component, are concretizing (in some cases this group overlaps with the “Additions”, see 5.3). Karen Blixen completes the text, corrects and clarifies it (Table).

---

³ Master Jakel is a popular figure in Danish puppet theater.

Table. Comparison of some fragments from the English and Danish texts of the novel “The African Farm”

English text	Danish text
<i>filled with the scent of plants</i>	<i>fylt med duft af løv og græs</i> 'filled with the fragrance of leaves and grass'
<i>In the middle of the day</i>	<i>I middagsheden</i> 'in the midday heat/in the midst of the midday heat'
<i>the brown desert</i>	<i>den brungrå ørken</i> 'brown-gray desert'
<i>We ourselves, in boots</i>	<i>Vi hvide folk, i svære støvler</i> 'We white people are wearing heavy boots.'
<i>Many months after</i>	<i>Et halvt år efter</i> 'Six months later.'
<i>Everything that you saw</i>	<i>alt i denne natur</i> 'everything in this nature'
<i>The Natives</i>	<i>et helt folk</i> 'whole people'
<i>The farmer</i>	<i>nybyggerne⁴</i> 'settlers'
<i>Farah was away for the day.</i>	<i>Farah var i byen hele dagen.</i> 'Farah spent the whole day in the city.'
<i>...this was a pleasant day in hospital.</i>	<i>Det var hospitalets lykkeligste dag.</i> 'It was the happiest day at the hospital.'

It is obvious that Karen Blixen was very attentive to the Danish text, she rewrote it, made corrections and clarifications.

5.3. Additions

Additions in Karen Blixen's Danish text occur in two instances:

1. when the author wants to bring the text closer to the Danish reader, to make it more “Danish”;

⁴ Here the author chooses a particular plural form to convey a generalizing meaning.

2. when the author has a desire to add to the description of nature, a city or a situation.

One prime example of the first approach is the insertion in the story of a stork with a broken wing that happens to be Karen Blixen's on the farm. In the Danish text one sentence has been added, no doubt intended for the Danish reader:

*Jeg fik hjemvé af at se på den, den så ud, som om den hørte til i Danmark*⁵.

'I felt nostalgic looking at him, he reminded me of Denmark with his whole look.'

An example of the second approach:

Nairobi was a medley place.

Nairobi var en uensartet, forvirret by.

'Nairobi was a motley, hectic city.'

Some additions are related to Karen Blixen's family history, such as when she quotes exactly from her father's memoirs in the Danish text:

Fra Gråsten til Dybbøl var jeg sluttende officer efter en lang kolonne.

'On the withdrawal from Gråsten to Dybbøl I was rearguard officer.'

In the English text, however, there is only part of this quotation, missing the mention of the town of Gråsten, from which the army was retreating, and the father's position.

Another type of addition has to do with the author recalling some detail, such as another type of coffee that was grown on the farm.

Concretizing additions occur throughout the text. In the English text she says that she is happy when she has guests over for dinner, but in the Danish text she adds "and praise the food".

---

⁵ The stork is undoubtedly a very "Danish" bird. The image of the stork is often found in Danish poetry and in Danish literature. And at the end of the novel *The African Farm* there is a very beautiful narration about the (see section 6).

Or the author specifies the place and time of some event. Instead of “he told” — “he told me at lunch”.

On occasion, Karen Blixen adds phraseology that certainly enlivens the text:

They were immediately up to the idea.

‘He immediately agreed with that thought.’

De gik straks med liv og sjæl ind på tanken.

‘He immediately agreed unreservedly (lit. ‘in body and soul’) with the idea.’

5.4. Omissions

For some reason, Karen Blixen in the Danish text omits epigraphs in three chapters: the first, third, and fifth.

Some of the omissions are due to Karen Blixen’s desire to remove terms, comparisons, and epithets that may not quite make sense to a Danish reader.

When the Africans speak of the personality of God they speak like the Arabian Nights or like the last chapters of the Book of Job; it is the same quality, the infinite power of imagination, with which they are impressed.

‘Когда африканцы говорят о личности Бога, кажется, что они рассказывают тебе сказку из «Тысячи и одной ночи» или конец библейской Книги Иова — в обоих случаях их поражает одно и то же: бесконечная мощь фантазии’ (пер. М. Ковалевой).

Når afrikanerne taler om Guds væsen, så dvæler de, som vi i Jobs bog, især ved tanken om hans vældige indbildningskraft.

‘When Africans speak of the divine nature of God, they are struck, as we are in the book of Job, primarily by the idea of the power of his imagination’ (transl. from the Danish).

‘Когда африканцы говорят о божественной природе Бога, их поражает, как и нас в Книге Иова, в первую очередь мысль о силе его воображения’ (пер. с дат.).

The following omission remains unclear: when listing the nationalities that each native had encountered, the Danish version omits the Jews. The following is the English text.

Nearly every Native, down to the little herdboys of the plains, has in his day stood face to face with a whole range of nations as different from one another, and to him, as a Sicilian to an Esquimo: Englishmen, Jews, Boers, Arabs, Somali Indians, Swaheli, Masai and Kavirondo.

‘Почти каждый туземец, даже пастушата на равнинах, встречались с людьми самых разных национальностей, столь же непохожими друг на друга, как сицилиец на эскимоса: с англичанами, евреями, бурами, арабами, индийцами, приехавшими из Сомали, с суахили, масаи и кавирондо’ (пер. М. Ковалевой).

6. FEATURES OF TRANSLATION OF THE NOVEL *THE AFRICAN FARM* FROM ENGLISH INTO RUSSIAN

There is no doubt that both English translations are done by talented translators, but English translation without knowledge of Danish realities and in-depth study of Kenyan realities is not always successful. In addition, the complexity of Karen Blixen's images, the abundance of allusions and hidden quotations pose very difficult challenges for English translators.

Thus, in the chapter *The Shooting Accident* (in M. Kovaleva's translations *An Accident on the Farm* and A. Y. Kabalkin's *An Accident*), where "Khadija's camel driver" is mentioned, none of the translators realized that Khadija is the wife of the Prophet Muhammad. M. Kovaleva turns Muhammad's wife into "the prophet Khadija". A. Y. Kabalkin tries to evade the problem and uses the combination "legendary guide of the camel caravan", but never names the prophet. The reader of this amazingly beautiful and poetic fragment will not realize that it is about Prophet Muhammad.

In general, such "smoothing" is characteristic of A. Y. Kabalkin's translation. There is a feeling that when the translator cannot cope with the task, he omits a text fragment, makes unnecessary additions or distorts the text.

*He is a privileged person, the one who has got nothing to do, but for whose enrichment and pleasure all things are brought together; **the Kings of Tarshish shall bring gifts**. He takes part in a great battle or ball, and wonders the while that he should be, in the midst of those events, so far privileged as to be lying down.*

‘Ему даровано великое счастье: без малейших усилий с его стороны он познает ни с чем не сравнимое удовольствие. Он участвует в великом сражении или танцует на грандиозном балу, причем сознает, что все это время даже не утруждает свои ноги стоянием, а просто возлежит’ (пер. А. Ю. Кабалкина).

Some of the errors in the English translation are due to ignorance of Danish history.

My father was an officer in the Danish and French army, and as a very young lieutenant at Düppel he wrote home: “Back in Düppel I was officer to a long column. It was hard work, but it was splendid”.

‘Мой отец служил офицером в датской и во французской армиях. Будучи молодым лейтенантом в Дьюпелле, он писал домой: «Строевой офицер — трудная, но прекрасная работа»’ (пер. А. Ю. Кабалкина).

‘Мой отец служил офицером сначала в датской, потом во французской армии, и в ранней молодости писал родителям из Дюпеля: «В этом городке я командую крупным подразделением»’ (пер. М. Ковалевой).

Ignorance of historical events important for Denmark leads not only to incorrect rendering of toponyms (Dybbøl is a town that is connected with the events of 1864, every Dane knows the Battle of Dybbøl — a clash between Prussian and Danish troops), but also to misunderstanding of the whole situation. A Danish-speaking interpreter could refer to the life story of Karen Blixen’s father and the history of the war.

In the 2004 translation, the lack of attention to detail is surprising. When a gunshot suddenly sounds at night and the heroine realizes that she has to get out of bed and go outside, in A. Kabalkin’s text she puts on “a skirt, a robe and slippers”. I think the translator should not suggest such an outfit for the Baroness to go out. She could hardly go out of the house in a robe (and for some reason over a skirt).

From M. Kovaleva we read:

I put on a skirt, a coat, slipped my feet into my shoes.

A coat, of course, is a little better than a robe, but she’s probably wearing a jacket. It is the jacket that is “paired” with the skirt, not the coat. In the Danish text, by the way, she is wearing something like a sweater.

In A. Y. Kabalkin's translation, we meet "polished floors" ('полированные полы'), which, of course, is impossible to imagine in a Kenyan estate. We are talking about the fact that in her living room the floors were waxed to a shine.

One of the shortcomings of A. Y. Kabalkin's translation is unmotivated additions; he completes "from himself" some fragments⁶.

And in the evening it did not seem right that I should sit down quietly to read; I was driven out of my house by the fear of losing it.

*По вечерам мне не полагалось спокойно отдыхать с книжкой в руках; страх лишиться дома и **всего остального имущества** лишил меня покоя' (пер. А. Ю. Кабалкина).*

*'In the evenings I was not supposed to rest in peace with a book in my hands; the fear of losing my house **and all my other possessions** deprived me of peace' (translated by A. Y. Kabalkin).*

The addition about possessions seems superfluous. Karen Blixen doesn't mention her possessions, and that's not accidental. It was not important to her.

There are also some omissions in A. Y. Kabalkin's translation — obviously due to misunderstanding. If the translator did not understand details or realities, he simply omits them.

*The maize grew up higher than your head as you walked **on the narrow hard-trampled foot-paths in between the tall green rustling regiments, and then again it was harvested.** The beans ripened in the fields, were gathered and thrashed by the women, and the stalks and pods were collected and burned, so that in certain seasons thin blue columns of smoke rose here and there all over the farm⁷.*

'Сначала вытягивалась выше человеческого роста упругая кукуруза, после ее уборки созревали бобы, которые собирали и лузили женщины, чтобы потом сжечь прямо на борозде стебли и стручки, так что в определенные месяцы моя ферма курилась бесчисленными столбами дыма'.

One of the important differences between the English and Danish text is the narration of the story in the chapter *Livets veje* (*Road of Life*

---

⁶ Bold here and hereafter is the translator's addition.

⁷ Bold is what the translator has omitted.

in M. Kovaleva's translation and *Roads of Life* in A. Y. Kabalkin's translation). The Danish version of this chapter tells the story of a man who suddenly wakes up in the night from a noise, gets up and runs to the sound. Along the way he trips over rocks several times, falls, gets up again, and finally ends up at a lake where a dam has burst. He works all night, and only when he has repaired all the damage does he return home. The description of the obstacles encountered on his way that night is accompanied in the margins by dotted drawings, which eventually form a picture of a stork (which the man sees from his window the next day). The drawings and the text form a whole, and the image of the stork is very important to Karen Blixen. In the English version there is just a drawing of a stork, but A. Y. Kabalkin does not include it in the text. The image of the stork, formed from human movements, can be interpreted in different ways, but it forms a whole with the text.

In M. Kovaleva's translation, the drawings somehow miraculously made it into the book — although the translation was made from English, where there is only one — a stork assembled from fragments.

7. CONCLUSION

The Danish and English texts of *The African Farm* are separate, stand-alone versions of the text. Karen Blixen used many transpositions, substitutions, omissions, and additions in creating the Danish text. Thus, we are dealing with a new original Danish text, which should be translated into Russian. Translation of the Danish version of *The African Farm* is necessary not only because the Danish version has never been translated into Russian, but also because it would allow for the explication of some themes important for Karen Blixen that were “lost” in the translations from English.

REFERENCES

- Ankjær Sahl S. Kamante og Lulu i Amerika. *Et bidrag til udgivelseshistorien af Karen Blixens Out of Africa. Fund og forskning*. Red. C. Røllum-Larsen. Bd. 61. 2022. S. 115–124.
- Barkhudarov L. S. *Language and translation. Issues of general and particular theory of translation*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1975. 240 p. (In Russian)
- Blixen K. *Den afrikanske farm*. København: Gyldendals Tranebøger, 1984. 329 s.

- Blixen K. *Goodbye, Africa!* Transl. by M. Kovaleva. St. Petersburg: Limbus Press, 1997. 373 p. (In Russian)
- Blixen K. *Out of Africa*. Transl. by A. Y. Kabalkin. Moscow: Makhaon Publ., 2004. 384 p. (In Russian)
- Brantly S. C. *Understanding Isak Dinesen*. Columbia: University of South Carolina Press, 2002. 288 p.
- Dinesen I. (Blixen K.) *Out of Africa*. New York: The Modern Library, 1992. 401 p.
- Finkel A. M. On auto-translation. *Theory and criticism of translation*. Ed. by B. A. Larin. Leningrad: Nauka Publ., 1962. P. 104–125. (In Russian)
- Kure-Jensen L. Isak Dinesen in English, Danish, and Translation: Are We Reading the Same Text? *Isak Dinesen: Critical Views*. Ed. O.-A. Pelensky. Athens: Ohio University Press, 1993. P. 314–321.
- Nabokov V. V. Postscript to the Russian edition. *Lolita*. Moscow: Hudozhestvennaia literatura Publ., 1991. 415 p. (In Russian)
- Rode A. *Den afrikanske farm af Karen Blixen*. Available at: <https://litteratursiden.dk/anmeldelser/den-afrikanske-farm-af-karen-blixen> (accessed: 25.06.2023).
- Steponavičiūtė I. Story as the main dish. On some transcreative mechanisms in Karen Blixen's "Babette's Feast". *Translation — Adaptation, Interpretation, Transformation. Proceedings from the 28th Study Conference of IASS, Lund, 3–7 August 2010*. P. 1–11.
- Sørensen K. Fra Seven Gothic tales til Syv fantastiske fortællinger. *Danske studier*. 1981. Bd. 76. S. 45–72.
- Van de Stadt J. M. Lost and Found in Translation: Dinesen, Andersen, and the Rhetoric of Virginity. *Scandinavian Studies*, 92 (2), 2020. P. 147–166. <https://doi.org/10.5406/scanstud.92.2.0147>

Елена Краснова

Независимый исследователь

**О ВАЖНОСТИ НОВОГО ПЕРЕВОДА РОМАНА КАРЕН БЛИКСЕН
«АФРИКАНСКАЯ ФЕРМА» С ДАТСКОГО ЯЗЫКА**

Для цитирования: *Krasnova E.* The importance of translating Karen Blixen's novel *The African Farm* from Danish // Скандинавская филология. 2023. Т. 21. Вып. 2. С. 282–296. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.206>

Важность нового перевода книги Карен Бликсен «Африканская ферма» обусловлена двумя факторами: книга никогда не переводилась с датского языка (при том, что датская версия отличается от английской), а существующие переводы английской версии содержат целый ряд неточностей. Книга «Африканская ферма» вышла в Великобритании на английском языке в 1937 г. под названием «Из Африки» (*Out of Africa*). В том же году Карен Бликсен опубликовала текст книги на датском языке под названием «Африканская ферма» (*Den afrikanske farm*). Эта книга является не единственным примером собственных переводов К. Бликсен с английского на датский, поскольку она также перевела некото-

рые из своих новелл после первой публикации на английском языке. Вопрос о том, можно ли считать ее переводы «копией» оригинальных произведений, или их следует считать воссозданием на датском языке, до сих пор является спорным. В данной статье приводятся результаты сопоставления английского и датского текстов «Африканской фермы», которые подтверждают, что речь идет о двух вариантах произведения, поскольку при создании датского текста Бликсен использовала целый ряд трансформаций: перестановки, замены, добавления и опущения. Понятие трансформации в данной статье предполагает очень широкий спектр преобразований. Автор вносит значительные изменения в исходный текст. В результате возникает новый текст, имеющий целый ряд отличий от английского, текст, который ждет своего перевода с датского языка. С английского языка на русский роман «Из Африки» переводился дважды. Переводы, выполненные опытными переводчиками, вносят весомый вклад в историю литературных контактов Дании и России, однако в них содержится ряд погрешностей, связанных с непониманием датских и африканских реалий, а также с невниманием к конкретной ситуации. Перевод датской версии «Африканской фермы» необходим не только потому, что датский текст никогда не переводился на русский, но и потому, что он позволит эксплицировать некоторые важные для Карен Бликсен темы, которые «потерялись» в переводах с английского. Настоящее исследование не предполагает рассмотрение литературоведческих аспектов. Речь идет только о различиях в датском и английском вариантах романа, а также об анализе существующих переводов с английского.

Ключевые слова: Карен Бликсен, *Из Африки*, *Африканская ферма*, датская литература, авторский перевод, датский язык, английский язык.

Elena Krasnova

PhD in Philology, Associate Professor,

Independent Researcher,

2A, ul. Lebedinaya, St. Petersburg, 197229, Russian Federation

E-mail: ekrasnova@gmail.com

Краснова Елена Всеволодовна

кандидат филологических наук, доцент,

независимый исследователь,

Российская Федерация, 197229, Санкт-Петербург, ул. Лебединая, 2А

E-mail: ekrasnova@gmail.com

Received: June 17, 2023

Accepted: July 1, 2023

УДК 811.112.5

Никита Темников

Санкт-Петербургский государственный университет

Александра Яковлева

Санкт-Петербургский государственный университет

**ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ПРИ ПЕРЕДАЧЕ
НИДЕРЛАНДСКИХ МЕЖДОМЕТИЙ СРЕДСТВАМИ
РУССКОГО ЯЗЫКА НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДА КОМИКСОВ**

Для цитирования: Темников Н. А., Яковлева А. А. Переводческие стратегии при передаче нидерландских междометий средствами русского языка на примере перевода комиксов // Скандинавская филология. 2023. Т. 21. Вып. 2. С. 297–317. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.207>

Стремительный рост популярности сетевой коммуникации, участники которой все чаще передают свои чувства и эмоции при помощи минимального количества знаков, существенно повысил роль и статус междометий в современном языке. В основу настоящего исследования лег перевод на русский язык комикса фламандского автора Брехта Эвенса *Net Amusement* (на русском языке — «Полуночники», перевод принадлежит Е. Торицыной). В комиксе употребление междометий, наряду с графическими приемами, играет чрезвычайно важную роль. При передаче междометий переводчик опирается в первую очередь на контекст употребления. Переводческое решение в данном случае связано с поиском соответствия, которое позволит сохранить семантическую, стилистическую и функционально-коммуникативную информацию, содержащуюся в оригинале. Язык исследуемого комикса демонстрирует черты южного варианта разговорного нидерландского языка (*tussentaal*, «промежуточный язык»), прежде всего на уровне междометий, которые в южном варианте отличаются от «северных». Результаты исследования заключаются в систематизированном описании способов передачи нидерландских — как «южных», так и «северных» — междометий на русский язык, при этом немалая роль отводится функционально-семантической характеристике данных лексических единиц. Особого внимания при изучении проблемы перевода междометий заслуживают как первообразные, так и непервообразные междометия, что обусловлено несовпадением в ряде случаев внутренней

формы непервообразного междометия оригинала с внутренней формой междометия, выбранного переводчиком. Интерес представляет также прием опущения междометия, когда имеет место перераспределение экспрессивных оттенков исходного междометия между элементами высказывания в тексте перевода. Дальнейшее изучение и описание семантики междометий нидерландоязычного ареала представляет, на наш взгляд, существенный интерес для нидерландистики ввиду растущей частотности употребления междометий как в устной, так и в письменной речи.

Ключевые слова: комикс, перевод комикса, междометие, нидерландский язык, фламандские диалекты, промежуточная разговорная норма.

Проблема перевода комиксов недостаточно изучена и требует выработки методологии описания взаимодействия вербальных и невербальных элементов в текстах подобного типа. Комикс как самостоятельный литературный жанр получил распространение в прошлом веке и, представляя собой текст, вербальная составляющая которого тесно связана с изобразительной, сразу же обратил на себя внимание языковедов.

Комикс — это синтетический жанр, сочетающий черты литературы и изобразительного искусства, средством повествования которого является последовательность изображений, содержащих реплики персонажей (как правило, диалоги), где изобразительная составляющая преобладает над вербальной. Для комиксов характерна диалоговая форма коммуникации, при реализации которой авторы стремятся к имитации особенностей устной речи с помощью различных лексических и графических средств. Одна из особенностей языка комиксов на лексическом уровне — активное употребление междометий. При помощи междометий в комиксе осуществляется репрезентация эмоциональных состояний и реакций.

В основу настоящего исследования лег перевод на русский язык комикса современного фламандского автора Брехта Эвенса *Het Amusement* («Полуночники», пер. Е. Торицыной). Автор родом из Фландрии, где официальной письменной нормой является литературный нидерландский, но в устной речи используется южная разговорная норма *tussentaal* («промежуточная норма» [Яковлева, 2015, с. 274]).

Язык комикса, который по ряду признаков приближается к разговорному, демонстрирует черты южного варианта разговорного нидерландского языка, в первую очередь на уровне междометий,

которые в южном варианте отличаются от «северных». Не обладая номинативной функцией, [Шахматов, 1927; Авилова и др., 1980; Виноградов, 1986], междометия «имеют осознанное коллективом смысловое содержание» [Виноградов, 1986, с. 611], а также «отражают в себе эмоциональную жизнь личности, социальной группы или народа, находящуюся в органической связи с деятельностью интеллекта» [Виноградов, 1986, с. 612]. Сказанное выше ставит перед переводчиком непростую задачу поиска эквивалента, способного передать не только функциональный, но и географический компоненты.

Авторы учебных пособий по переводоведению пишут о возможности учета внутренней формы непервообразного (вторичного) междометия исходного языка при поисках эквивалента в языке перевода [Алексеева, 2004, с. 191; Влахов, Флорин, 1980, с. 248]. Непервообразное междометие исходного языка (далее — ИЯ), скорее всего, будет передаваться непервообразным междометием в языке перевода (далее — ПЯ) (например, *Mein Gott!* ‘Боже мой!’ [Алексеева, 2004, с. 191]). Однако анализ языкового материала показал, что корреляции между происхождением междометия и способом его передачи нет: первообразное междометие может передаваться с помощью непервообразного, а непервообразное с помощью первообразного¹. Нередко междометие в тексте перевода подвергается опущению. Кроме того, значение междометия ИЯ может передаваться в тексте на ПЯ с помощью семантического переразложения.

1. ПЕРВООБРАЗНЫЕ МЕЖДОМЕТИЯ

Самую многочисленную группу междометий в исследуемых комиксах составляют первообразные междометия, которые передаются с помощью русских первообразных аналогов, при этом лексические значения междометий ИЯ и ПЯ могут совпадать как частично, так и полностью. На выбор соответствия влияет контекст ИЯ. Приведем несколько примеров.

---

¹ В настоящем исследовании мы используем термины «первообразное/непервообразное междометие», предложенные авторами «Русской грамматики» [Авилова и др., 1980]. Синонимичными терминами являются «первичное/вторичное междометие», а также «непроизводное/производное междометие».

В исследуемом тексте часто встречается междометие *ah*. Оно может выражать удивление, гнев, нетерпение, печаль [Boon den, Geeraerts, 1999a]. Междометию *ah* соответствует русское *а* [Baar van den, 2000]. Как правило, при передаче нидерландского *ah* переводчик использует именно этот эквивалент. Кроме того, выявлены случаи перевода междометия *ah* русским междометием *о*. Сравним два примера:

- (1) *ah de Baron!*²
'О, Барон!'
- (2) *Ah, de Sultan... Alles goed?*
'А, Султан... Все окей?'

Разница между двумя *ah* не только контекстуальная, но и пунктуационная. В примере (1) междометие передает удивление от неожиданной встречи, и, судя по восклицательному знаку, говорящий эмоционально реагирует на встречу. В примере (2) междометие *ah* выражает скорее узнавание при встрече, а многоточие указывает на то, что говорящий несколько растерян. Кроме того, после *ah* в примере (2) стоит запятая, указывающая на короткую паузу. Выбор переводчика в примере (1) оправдан, поскольку русское междометие *о* лучше передает эмоцию удивления, чем междометие *а*.

Не менее употребительным междометием в комиксах является фламандское *euuh*, которое может выражать заминку в речи, недоумение, растерянность или смущение [Het Vlaams woordenboek]. Русским междометием, способным передать все упомянутые выше значения, является э-э:

- (3) *'t Is een stad euuh...*
'Этот город, э-э...'

«Северное» междометие *eh* выражает заминку в речи [Boon den, Geeraerts, 1999a], по значению приближаясь к «южному» *euuh*. Следует отметить, что в Корпусе разговорного нидерландского языка (далее — Корпус) в 13 из 63 случаев междометие *eh* встречается

---

² Здесь и далее приводятся примеры из книг *Het Amusement* [Evens, 2018] (оригинал) и «Полуночники» [Эвенс, 2021] (пер. Е. Торицыной), страницы в которых не пронумерованы.

либо перед утвердительной частицей *ja*, либо перед отрицательными частицами *nee* и *neen* (употребляется во Фландрии) [Corpus Gesproken Nederlands]. Русское э-э и в данном случае способно передать нужное значение:

- (4) *Eh ja, tagliatelle, perfect.*
'Э-э, да, отлично, тальятелле.'

В примере ниже видим употребление междометия *pf*, которое, согласно толковому словарю, выражает презрение [Boon den, Geeraerts, 1999b]. Анализ контекстов показал, что оно также может выражать равнодушие, сарказм или скепсис. В тексте комикса можно встретить различные варианты написания этого междометия, которые отличаются друг от друга количеством *f*. Чем больше *f*, тем сильнее выражаемая эмоция. В русском языке для междометия *pf* есть фонетически близкий эквивалент *пф*.

- (5) *Pfff het lukt mij zelfs niet...*
'Пффф, у меня даже не получается...'

Нидерландское междометие *oef* обнаруживает и семантическое, и фонетическое сходство с русским *уф*. Это междометие может выражать облегчение, а также усталость и изнеможение [Boon den, Geeraerts, 1999b]. В примере (6) переводчик использует соответствие *уф*, которое к тому же является словарным эквивалентом нидерландского междометия [Baar van den, 2000].

- (6) — *Het lukt mij niet om in groep te zijn. Ik ben bang van mijn eigen vrienden... Niet van jou hé.*
— *Oef.*
'— Совершенно не могу находиться на людях. Боюсь своих собственных друзей... Тебя не боюсь.
— Уф.'

Для междометия *och* словарь Van Dale предлагает несколько значений, среди которых — выражение печали, сожаления, огорчения и пренебрежения [Boon den, Geeraerts, 1999b]. В примере ниже это междометие используется для выражения удивления. В Нидерландско-русском словаре находим следующие вариан-

ты перевода междометия: *oh, ah, ой* [Baar van den, 2000]. Исходя из контекста, переводчик выбирает *oh*, близкое по звучанию и семантике к нидерландскому *och*:

- (7) — *Wat doe je daar dan?*
— *Schrijven, hé? Michaël schrijft een scenario.*
— **Och...**
'— Не, ну честно, чем ты там занимаешься?
— Писательством, вот чем. Михаэль пишет сценарий.
— **Ох...**'

Еще одним нидерландским междометием, для которого существует словарное соответствие, является *oei*. Оно служит для выражения сильной боли, страдания, испуга или удивления [Boon den, Geeraerts, 1999b]. Нидерландско-русский словарь предлагает два варианта перевода этого междометия — *ой* и *ай* [Baar van den, 2000]. Почти во всех случаях *oei* передается с помощью русского *ой*:

- (8) **Oei dan heb je therapie nodig.**
'**Ой**, значит, тебе надо к психологу.'

Нидерландское междометие *ai* служит для выражения либо физически болезненного (*ai! wat stoot ik mijn knie!* 'ай! как больно коленом ударился!'), либо психологически неприятного ощущения (*ai, daar gaat m'n trein* 'о нет, мой поезд ушел'), а также побуждения к действию [Boon den, Geeraerts, 1999a]. Контекст подсказывает, что в примере ниже междометие используется во втором значении. Переводчик выбирает русский эквивалент *ай*, которое может выражать неудовольствие, упрек, порицание и сожаление [Словарь русского языка, 1985, с. 27]:

- (9) — *Je klonk heel slecht aan de telefoon, gaat het al beter?*
— *Nee.*
— **Ai.**
'— По телефону у тебя был очень плохой голос. Сейчас уже лучше?
— Нет.
— **Ай**.'

Интересным с точки зрения семантики является междометие *hola*. В примере (10) оно выражает реакцию говорящего на рассказ собеседника о том, как тот на озере заплыл слишком далеко от берега. В толковом словаре указано, что междометие *hola* используется для привлечения внимания или призыва к сдержанности [Boon den, Geeraerts, 1999a]. В примере ниже, однако, междометие не выражает ни то ни другое. Его значение в данном контексте — удивление, смешанное с испугом. Переводчик передает это значение с помощью русского *ого*.

- (10) **Hola**, *oeioei...*
'**Ого**, ой-ой-ой...'

Особую сложность при переводе комиксов с нидерландского языка составляет передача междометий *hé* /he/ и *hè* /hɛ/.

Междометие *hé* может передаваться с помощью русского *эй*. Данное междометие 1) используется для привлечения внимания, 2) выражает удивление или 3) побуждение к ответу на вопрос [Boon den, Geeraerts, 1999a]. В примере (11) *hé* используется в первом значении. В качестве соответствия данному междометию Нидерландско-русский словарь приводит междометие *эй* [Vaar van den, 2000], это же соответствие устанавливает Русско-нидерландский словарь [Honselaar, 2010]. Именно его использует переводчик:

- (11) **Hé**, *hallo, kennen wij elkaar niet? Jij daar, met je mooi kapsel.*
'**Эй**, привет, мы с тобой нигде не встречались? Да-да, с тобой, мистер классная прическа.'

В примере (12) междометие *hé* демонстрирует значение, которое не указано в толковом словаре. Здесь оно выражает обиду и, что интересно, это значение мы видим в словаре напротив междометия с accent grave — *hè* [Boon den, Geeraerts, 1999a]. Это может говорить о том, что автор не всегда последователен в постановке диакритического знака. Несмотря на несоответствие значений в словаре и в данном контексте, междометие и здесь переводится с помощью русского *эй*:

- (12) 't Is een droom **hé**, *geen quiz.*
'**Эй**, это сон, а не викторина.'

Нидерландские первообразные междометия могут также передаваться с помощью русских непервообразных. В большинстве случаев исходное междометие при переводе подвергается доместикации для создания большей экспрессивности.

Распространенное во Фландрии междометие *amai* выражает удивление или досаду [Boon den, Geeraerts, 1999a]. В примере (13) оно переводится с помощью междометия *блин*, которое в русском языке используется в качестве эвфемизма матерного слова.

- (13) — *Griep? In de zomer!?*
— *Euh ja.*
— *Amai.*
— ‘Грипп? Летом?!’
— Ну да.
— **Блин’**.

Этим же междометием в примере (14) переводится нидерландское *hela* — возглас, которым окликают или призывают к сдержанности [Boon den, Geeraerts, 1999a].

- (14) *Hela, kip, ik ben niet zoals iedereen hè!*
‘**Блин**, мальчик, за кого ты меня принимаешь?’

Междометие *oef* (выражение облегчения, усталости, изнеможения [Boon den, Geeraerts, 1999b]) в примере (6) передается с помощью *уф*, а в примере (15) ниже видим, что переводчик выбирает более экспрессивное *вот блин*. Усиление эмоциональной окраски происходит за счет употребления в сочетании с междометием *блин* частицы *вот*.

- (15) ‘**Oef!**’ *zegt de andere, ‘we waren er bijna ingetrapt’.*
‘А второй говорит: «**Вот блин**. Мы почти попались!»’

Усиление экспрессивности происходит и в примере (16): здесь междометие *oei*, выражающее удивление, передается с помощью устойчивого сочетания *ни фига себе*. Нидерландское междометие является стилистически нейтральным, в то время как русское относится к обценной лексике. Следует признать, что с функционально-коммуникативной точки зрения междометие из ПЯ органично вписывается в контекст.

- (16) *Oei, je staartbeen? Maar je hebt toch geen staart? Na ha.*
‘**Ни фи́га себе**, крестец! Да ты же некрещеный! Ха-ха’.

В примере ниже междометие *hé* употребляется для подтверждения высказывания и усиления экспрессивности, хотя эти значения толковый словарь приводит для междометия *hè* [Boon den, Geeraerts, 1999a] (что еще раз подтверждает наше предположение о произвольной постановке автором диакритических знаков *accent grave* и *accent aigu*). Переводчик использует междометие *ей-богу*, которое в русском языке «употребляется для подтверждения чего-л.» [Словарь русского языка, 1985, с. 465].

- (17) *Dus gij TROUWT en gij laat mij niks weten! Ge wilt mij kwaad maken hé.*
‘Ты, значит, ЖЕНИШЬСЯ, а мне молчок? Разозлить хочешь, **ей-богу!**’

Таким образом, нидерландские первообразные междометия в большинстве случаев передаются русскими первообразными и в отдельных случаях — непервообразными, причем нередко переводчик отдает предпочтение междометиям, которые являются носителями национального колорита, что, в свою очередь, приводит к усилению эмоциональной окраски высказывания в переводе.

2. НЕПЕРВООБРАЗНЫЕ МЕЖДОМЕТИЯ

Помимо «северных» и «южных» междометий, автор комикса употребляет и французские междометия — как правило, в графически неосвоенном виде. С одной стороны, это отражает современную языковую ситуацию во Фландрии, а с другой стороны, можно предположить, что междометия в исследуемом тексте выполняют функцию создания национального колорита. Выбор стратегии перевода заимствованных междометий зависит от того, какую задачу ставит перед собой переводчик — сохранить национальную специфику или адаптировать текст (полностью или частично) под принимающую культуру.

Независимо от выбранной стратегии, главной задачей переводчика при передаче междометий является сохранение в тексте перевода лексического значения междометия ИЯ.

Междометие *kotaan*, образованное путем сложения слов *kot* (повелительное наклонение глагола *komen* ‘приходить’) и *aan* (предлог, который в глаголе *aankomen* выступает отделяемой приставкой), выражает побуждение [Boon den, Geeraerts, 1999b]. В качестве русских соответствий в словаре приводятся междометия *ну* и *давай* [Baar van den, 2000].

В примере (18) междометие *kotaan* выражает призыв говорящего прекратить смеяться над его словами и передается с помощью русского *да ладно*:

- (18) ***Kotaan*** *dat was wel niet grappig hè!*
‘Да ладно, вообще не смешно!’

В предложении ниже *kotaan* используется с целью успокоить собеседника (иными словами, выражает призыв к спокойствию). Переводчик выбирает то же русское междометие, только в сочетании с местоимением *тебе*:

- (19) ***Kotaan*** *Jasmijn, ik denk niet dat...*
‘Да ладно тебе, Ясмина, я не думаю, что...’

В устной речи голландцев довольно часто можно услышать междометие *zeg*, образованное от императива глагола *zeggen* ‘сказать’. Исследователи рассматривают значение этого междометия в зависимости от его места в предложении (препозиции или постпозиции) [Schermer-Vermeer, 2007; Яковлева, 2018]. А. А. Яковлева пишет, что «междометие *zeg* в препозиции в вопросительных предложениях сохраняет связь с императивом материнского глагола и используется для побуждения адресата сообщения к вербальному действию, а именно ответу на вопрос» [Яковлева, 2018, с. 66] (*Zeg... wat is dit voor onzin?* ‘Скажи... это что еще за ерунда?’ [Яковлева, 2018, с. 66]).

Согласно А. А. Яковлевой, связь междометия и императива ослабевает в повествовательных и восклицательных предложениях. Например, в предложении *Zeg, Els neemt vandaag afscheid*. ‘Эй, Элс сегодня прощается’ междометие *zeg* «призвано сообщить собеседнику, что следующая за *zeg* информация, по мнению говорящего, достойна реакции» [Яковлева, 2018, с. 67]. В данном случае, однако,

междометие используется с той же целью, что и императив — «побудить собеседника к некой словесной реакции или физическому действию» [Яковлева, 2018, с. 67].

В примере (20) междометие *zeg* употребляется именно с целью привлечь внимание собеседника. С другой стороны, в конце предложения говорящий задает адресату вопрос, поэтому можно считать, что междометие выполняет здесь также функцию побуждения к ответу, что роднит его по семантике с материнским глаголом *zeggen*. Примечательно, что переводчик передает рассматриваемое междометие с помощью русского *слушай*, материнский глагол которого обозначает пассивное действие (в отличие от глагола *zeggen*).

- (20) *Zeg, ik neem de tagliatelle alla norma, en jij?*
'**Слушай**, я возьму себе тальятелле алла норма, а ты?'

С помощью русского междометия *слушай*, как видим в примере (21), переводится также фламандское междометие *allez* (другой вариант написания — *allee*), которое на самом деле является заимствованием из французского языка (*aller* 'идти' > *allez* 'идите'). Фламандский диалектный словарь в качестве синонима междометия *allee* указывает *komaan* [Claeys, 2001], значение которого мы рассматривали выше. Эти междометия имеют сходную семантику. Следует отметить, что и *allee*, и *komaan*, согласно данным Корпуса, распространены прежде всего в Бельгии, при этом *allee* встречается значительно чаще, чем *komaan* (7861 и 30 примеров употребления соответственно) [Corpus Gesproken Nederlands].

Интересно, что в примере (21) междометие *allez* по значению приближается скорее к междометию *zeg*, чем к *komaan*. Информация, которую собирает сообщить говорящий, по его мнению, заслуживает внимания собеседника. Таким образом, *allez* в данном случае служит именно для привлечения внимания, что объясняет выбор переводчика в пользу междометия *слушайте*. Связь русского междометия с императивом здесь более явная (призыв выслушать), чем у исходного междометия, однако видим, что *слушайте*, как и *allez*, синтаксически обособлено (его можно опустить, при этом общий смысл высказывания не изменится).

(21) *Er is nog een klein stuk... maar ik kan wachten — allez het is de pointe, de sleutel tot de hele droom.*

‘Это еще не все... Но ничего, я подожду. **Слушайте**, сейчас будет самая суть, ключ к пониманию всего сна.’

Еще одним фламандским междометием является *ocharme*, образованное путем сложения слов *och* ‘ох’ и *arm* ‘бедный’. Существуют также варианты написания *ocharm* и *ocharmen*, однако, как показывает Корпус, *ocharm* употребляется значительно реже, а примеры употребления *ocharmen* в корпусе и вовсе отсутствуют [Corpus Gesproken Nederlands].

Несмотря на разницу в частоте употребления этих трех междометий, значение у них одно и то же — выражение сожаления [Boon den, Geeraerts, 1999b]. Вероятно, именно в этом значении междометие употребляется в исходном тексте. В переводе видим междометие *бог мой*, которое, согласно Словарю русского языка, «употребляется для выражения удивления, негодования, радости» [Словарь русского языка, 1985, с. 100]. Хотя междометие в тексте перевода передает скорее эмоцию удивления, чем сожаление, все же можно говорить о наличии оттенка значения исходного междометия, что несложно проверить, если произнести междометие с соответствующей интонацией. Таким образом, определенную роль при выборе междометия может играть также личный опыт употребления междометий в устной речи.

(22) — *Zelfs mijn spijsvertering ziet het niet meer zitten.*

— **Ocharme.**

‘— Даже пищеварение в меня не верит.

— **Бог мой.**’

Нидерландские непервообразные междометия, переданные в исследуемом тексте с помощью русских первообразных, составляют самую маленькую группу собранного языкового материала — 3 % от общего количества примеров. С целью подтвердить гипотезу об отсутствии корреляции между происхождением междометия и способом его перевода приведем примеры, в которых междометие *zeg* успешно передается с помощью первообразных междометий.

Согласно толковому словарю, *zeg* может использоваться для эмоционального усиления высказывания [Boon den, Geeraerts, 1999c]. В примере (23) говорящий выражает свой восторг по поводу красоты платья. Междометие *zeg* в данном случае подчеркивает (усиливает) эмоцию говорящего. В русском тексте эмоцию восторга усиливает междометие *вау*:

- (23) *Zeg, zo'n mooie jurk! Heel speciaal.*
'**Вау**, какое платье красивое! Очень стильное.'

В следующем примере *zeg* употребляется для привлечения внимания собеседника и переводится с помощью междометия *эй*, выполняющего в русском языке ту же функцию.

- (24) *Zeg — wat denkt u dat euh*
'**Эй**, что вы себе позво...'

Анализ материала показал, что внутренняя форма нидерландских непервообразных междометий далеко не всегда определяет то, каким образом они будут переведены на русский язык: в большинстве случаев наблюдается несовпадение внутренней формы, однако при этом выбранные переводчиком междометия передают лексическое значение исходных. Кроме того, в некоторых случаях эта задача решается с помощью первообразных междометий.

3. ОПУЩЕНИЕ МЕЖДОМЕТИЯ

Отдельную группу составляют примеры с нулевым переводом междометий. Опущению при этом подвергаются как первообразные, так и непервообразные междометия.

В примере (25) междометие *hé* используется для усиления экспрессивности (в данной функции, согласно толковому словарю, используется междометие с *accent grave* — *hè* [Boon den, Geeraerts, 1999a]). В тексте перевода междометие опускается, что, вероятнее всего, связано с тем, что вышеупомянутую функцию в предложении, помимо междометия, выполняет также восклицательный знак. Так сохранение оригинальной пунктуации позволяет опустить междометие без потери эмоциональности.

- (25) *Buzz, ik ging echt nog op bezoek komen, hé!*
'Базз, я честно хотел к тебе съездить!'

В следующем примере переводчик опускает междометие *hm*, в данном случае выражающее раздумье и возникшую заминку в речи. Здесь переводческое решение может быть обусловлено наличием многоточия, которое и указывает на состояние раздумья, а также на перерыв в речи. Междометие может быть опущено без потери общего смысла высказывания.

- (26) *Jaja. Hmm, mijn vakantie... We hebben bloemetjes geplooid, van papier.*
'Конечно. В отпуске я... складывала цветы из бумаги.'

Трудно поддается переводу «северное» междометие *hoor*, образованное от императива глагола *horen* 'слышать'. Как правило, это междометие встречается в постпозиции [Яковлева, 2018, с. 65] и используется для эмоционального усиления высказывания [Boon den, Geeraerts, 1999a]. Следует отметить, что оттенков значения у *hoor* гораздо больше, и разнятся они в зависимости от контекста.

В примере (27) *hoor* употребляется после этикетного междометия *sorry* 'извини' и является здесь, как формулирует А. А. Яковлева, маркером вежливости с «успокаивающим» значением [Яковлева, 2018, с. 64]. *Hoor* в конце предложения не выделяется интонационно [Яковлева, 2018, с. 62], в то время как русское междометие с похожей семантикой выделялось бы как интонационно, так и графически. Вероятно, именно по причине отсутствия в ПЯ аналога нидерландского междометия в тексте на русском языке мы наблюдаем нулевой перевод. В данном случае семантическим маркером слова *извини* становится интонация.

- (27) *Sorry hoor, ik moet ook plassen.*
'Извини, мне тоже нужно в туалет.'

Междометие *hoor* может также использоваться как «дополнительное волеизъявление в приказаниях и просьбах» [Яковлева, 2018, с. 62]. Кроме того, авторы «Всеобщей нидерландской грамматики» указывают на употребление *hoor* для смягчения императивности (к примеру, требование *Afblijven, hoor!* 'Не трогать!' зву-

чит мягче, чем аналогичное высказывание, но без междометия) [Haeseryn et al., 1997]. Именно эту функцию междометие выполняет в примере (28). В тексте перевода оно опускается, что может быть связано, с одной стороны, с отсутствием аналога в русском языке, а с другой — с тем, что императив в русском языке не нуждается в смягчении.

(28) *Neem maar op hoor.*
'Возьми трубку.'

Опущение междометий в рассмотренных примерах не повлияло на общий смысл высказываний. Нулевой перевод наблюдается главным образом в тех случаях, когда семантика междометия пересекается с функцией знака препинания и когда междометие не поддается переводу на русский язык.

4. СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПЕРЕРЕЗЛОЖЕНИЕ

Еще одним способом передать значение труднопереводимого междометия является семантическое перерезложение — перевод, при котором междометие в тексте на ПЯ отсутствует, однако экспрессивные оттенки исходного междометия перераспределяются между элементами высказывания. Ниже рассмотрим случаи, в которых переводчик создает «стилистическую структуру текста на языке перевода, интенционально эквивалентную стилистической структуре оригинала» [Трошина, 2008, с. 174].

В примерах (29) и (30) междометия *hé* и *hè* употребляются для усиления экспрессивности высказывания. В примере (29) переводчик с целью передать функционально-стилистическую окраску междометия *hé* меняет синтаксическую структуру высказывания. В оригинале просьба говорящего выражается через изъявительное наклонение (с помощью подлежащего, выраженного местоимением *jullie* 'вы', и сказуемого, выраженного глаголом *zeggen* 'сказать'), в то время как переводчик использует императив. Именно за счет употребления глагола в форме повелительного наклонения в переводе достигается экспрессия, выражаемая междометием.

(29) *Jullie zeggen maar als het saai is, hé!*
'Если неинтересно, так и **скажите**.'

В примере (30) средством достижения экспрессивного эффекта в переводе выступает лексический повтор. В исходном высказывании (*Niet van jou* ‘Не тебя’) составное именное сказуемое, выраженное глаголом-связкой *zijn* (в форме 1-го л. ед. ч.) именной частью *bang*, опускается, в переводе же видим определенно-личное предложение, в котором повторяется глагол из предыдущего предложения.

(30) *Het lukt mij niet om in groep te zijn. Ik ben bang van mijn eigen vrienden... Niet van jou hé.*

‘Совершенно не могу находиться на людях. **Боюсь** своих собственных друзей... Тебя **не боюсь**.’

В примере (31) междометие *hoor* служит для эмоционального усиления утвердительной частицы *ja*. Отметим, что точнее определить функцию этого междометия в устной речи можно по интонации. Что касается комикса, оттенок значения читателю может подсказывать изображение (выражение лица персонажа в момент произнесения реплики).

В рассматриваемом ниже примере происходит диалог между персонажем, который делает заказ в ресторане, и официанткой. При ответе на первый вопрос *ja* переводится с помощью слова *есть*, а при ответе на второй вопрос частица *ja* и междометие *hoor* в постпозиции передаются с помощью повтора сказуемого *есть*, к которому переводчик добавляет дополнение, выраженное местоимением *всё*. Сочетание гиперболы и лексического повтора позволяет сохранить в переводе функционально-стилистическую окраску междометия *hoor*.

(31) — *Hebben jullie Remi Landier?*

— *Ja.*

— *XO, toevallig?*

— *Ja hoor, meneer.*

‘— А «Реми Ландье»?’

— **Есть.**

— И даже XO?

— **Всё есть.**’

Почти все примеры использования приема семантического переразложения содержат междометия *hé*, *hè* и *hoor*, что обусловле-

но разнообразием эмоционально-экспрессивных оттенков данных лексических единиц. Перераспределение экспрессивных оттенков междометия между членами высказывания происходит в переводе, как показал анализ материала, главным образом с помощью преобразования коммуникативной структуры исходного предложения.

Итак, анализ языкового материала позволяет сделать вывод об отсутствии корреляции между происхождением междометия и способом его перевода. При передаче нидерландских непервообразных междометий русскими непервообразными наблюдается несовпадение внутренней формы исходной и переводной единиц. Нулевой перевод междометий встречается прежде всего в тех случаях, когда семантику исходного междометия дублирует знак препинания (многоточие или восклицательный знак). Кроме того, данное переводческое решение может быть связано с отсутствием аналога в языке перевода. Семантическое переразложение также подразумевает опущение междометия, однако при этом происходит перераспределение его экспрессивных оттенков между другими членами высказывания в переводе. Здесь имеют место синтаксические и лексико-семантические трансформации.

ЛИТЕРАТУРА

- Авилова Н. С., Бондарко А. В., Брызгунова Е. А., Шведова Н. Ю. *Русская грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология.* М.: Наука, 1980. 783 с.
- Алексеева И. С. *Введение в переводоведение: учеб. пособие для студентов филол. и лингв. ф-тов. высш. учеб. заведений.* СПб.: Филол. ф-т СПбГУ; М.: Академия, 2004. 352 с.
- Виноградов В. В. *Русский язык (Грамматическое учение о слове): учеб. пособие для вузов. 3-е изд., испр.* М.: Высшая школа, 1986. 640 с.
- Влахос С., Флорин С. *Непереводимое в переводе.* М.: Международные отношения, 1980. 344 с.
- Словарь русского языка. Т. I: А — Й.* Под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стер. М.: Русский язык, 1985. 696 с.
- Трошина Н. Н. *Стилистическая эквивалентность перевода как проблема межкультурной коммуникации. Ментальность. Коммуникация. Перевод: сб. ст. памяти Федора Михайловича Березина.* Отв. ред. и сост. М. Б. Раренко. М.: Ин-т науч. информации по обществ. наукам РАН, 2008. С. 159–179.
- Шахматов А. А. *Синтаксис русского языка. Вып. 2: Учение о частях речи: дополнения.* Л.: Изд-во АН СССР, 1927. 213 с.

- Эвенс Б. *Полуночники*. Пер. с нидерл. Е. Торицкой. СПб.: Бумкнига, 2021. 336 с.
- Яковлева А. А. Разговорная норма современного нидерландского языка. *Скандинавская филология*, 13, 2015. С. 273–282.
- Яковлева А. А. Семантико-прагматические особенности нидерландских междометий *zeg* и *hoor*. *Скандинавская филология*, 16 (1), 2018. С. 61–73.
- Baar van den A. H. *Groot Nederlands-Russisch woordenboek*. Amsterdam: Pegasus, 2000. 1296 p.
- Boon den T., Geeraerts D. *Van Dale: Groot Woordenboek der Nederlandse Taal. Dl. 1: A — I*. (13e dr.). Utrecht: Van Dale Lexicografie, 1999a. 1483 p.
- Boon den T., Geeraerts D. *Van Dale: Groot Woordenboek der Nederlandse Taal. Dl. 2: J — R*. (13e dr.). Utrecht: Van Dale Lexicografie, 1999b. 2912 p.
- Boon den T., Geeraerts D. *Van Dale: Groot Woordenboek der Nederlandse Taal. Dl. 3: S — Z*. (13e dr.). Utrecht: Van Dale Lexicografie, 1999c. 4295 p.
- Claeys H. J. *Vlaams Dialectenwoordenboek*. Antwerpen: Artus, 2001. 623 p. *Corpus Gesproken Nederlands*. Режим доступа: <https://openonar.ivdnt.org> (дата обращения: 06.06.2023).
- Evens B. *Het amusement*. Heverlee: Uitgeverij Oogachtend, 2018. 336 p.
- Haeseryn W., Romijn K., Geerts G., Rooij de J., Toorn van den M. Het tussenwerpsel (de interjectie). *Algemene Nederlandse Spraakkunst*. 1997. Режим доступа: <https://e-ans.ivdnt.org/topics/pid/ans11lingtopic> (дата обращения: 26.05.2023).
- Het Vlaams woordenboek*. Режим доступа: <https://www.vlaamswoordenboek.be> (дата обращения: 21.05.2023).
- Honselaar W. *Groot Russisch-Nederlands Woordenboek*. Amsterdam: Pegasus, 2010. 1700 p.
- Schermer-Vermeer I. Wat doet dat word daar, zeg? Over het tussenwerpsel zeg. *Voortgang*, 25, 2007. P. 373–385.

Статья поступила в редакцию 29 июня 2023 г.;
рекомендована к печати 6 июля 2023 г.

Nikita Temnikov

St. Petersburg State University

Alexandra Yakovleva

St. Petersburg State University

TRANSLATION STRATEGIES FOR RENDERING INTERJECTIONS FROM DUTCH INTO RUSSIAN IN TRANSLATION OF COMICS

For citation: Temnikov N. A., Yakovleva A. A. Translation strategies for rendering interjections from Dutch into Russian in translation of comics. *Scandinavian Philology*, 2023, vol. 21, issue 2, pp. 297–317.

<https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.207> (In Russian)

The growing popularity of online communication, where participants increasingly convey their feelings and emotions using minimal characters, has significantly increased the role of interjections in modern language. This research is based on the translation into Russian of the comic book *Het Amusement* by the Flemish author Brecht Evens (translated by E. Tortsyna). In the comics, the use of interjections, alongside graphic techniques, plays an extremely important role. When rendering interjections, the translator relies primarily on the context. The translation strategy is connected with the search for a word or expression, which will preserve the semantic, stylistic and functional-communicative information contained in the original. The language of the comic book under study demonstrates the features of the southern variant of colloquial Dutch (*tussentaal*, 'intermediate language'), first of all, at the level of interjections, which in the southern variant differ from the "northern" ones. The results of the study consist in a systematised review of the ways of rendering Dutch interjections into Russian, with an important role given to the functional-semantic characteristics of these lexical units. Both primary and secondary interjections are of particular interest when studying the problem of interjection translation, as in some cases, the internal form of a secondary interjection in the original does not coincide with the internal form of an interjection chosen by the translator. The omission of an interjection is also an interesting technique, where there is a redistribution of the expressive nuances of an original interjection among elements of the utterance in the translated text.

Keywords: comics, translation of comics, interjection, Dutch language, Flemish dialects, intermediate spoken norm.

REFERENCES

- Alekseeva I. S. *Introduction to translation studies: Textbook for students of philology and linguistics faculties of higher educational institutions*. St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University Publ.; Moscow: Akademiia Publ., 2004. 352 p. (In Russian)
- Avilova N. S., Bondarko A. V., Bryzgunova E. A., Shvedova N. Yu. *Russian grammar. Vol. 1. Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word formation. Morphology*. Moscow: Nauka Publ., 1980. 783 p. (In Russian)
- Baar van den A. H. *Groot Nederlands-Russisch woordenboek*. Amsterdam: Pegasus, 2000. 1296 p.
- Boon den T., Geeraerts D. *Van Dale: Groot Woordenboek der Nederlandse Taal. Dl. 1: A — I*. (13e dr.). Utrecht: Van Dale Lexicografie, 1999a. 1483 p.
- Boon den T., Geeraerts D. *Van Dale: Groot Woordenboek der Nederlandse Taal. Dl. 2: J — R*. (13e dr.). Utrecht: Van Dale Lexicografie, 1999b. 2912 p.
- Boon den T., Geeraerts D. *Van Dale: Groot Woordenboek der Nederlandse Taal. Dl. 3: S — Z*. (13e dr.). Utrecht: Van Dale Lexicografie, 1999c. 4295 p.
- Claeys H. J. *Vlaams Dialectenwoordenboek*. Antwerpen: Artus, 2001. 623 p.
- Corpus Gesproken Nederlands*. Available at: <https://opensonar.ivdnt.org> (accessed: 06.06.2023).

- Dictionary of the Russian language. Vol. 4: A — Ъ [A–Ĭ].* Eds A. P. Evgen'eva. 3rd ed. Moscow: Russian Language Publ., 1985. 696 p. (In Russian)
- Evens B. *Het amusement*. Heverlee: Uitgeverij Oogachtend, 2018. 336 p.
- Evens B. *Midnighters*. Transl. from the Dutch by E. Toritsyna. St. Petersburg: Bumkniga Publ., 2021. 336 p. (In Russian)
- Haeseryn W., Romijn K., Geerts G., Rooij de J., Toorn van den M. *Het tussenwerpsel (de interjectie). Algemene Nederlandse Spraakkunst*. 1997. Available at: <https://e-ans.ivdnt.org/topics/pid/ans11lingtopic> (accessed: 26.05.2023).
- Het Vlaams woordenboek*. Available at: <https://www.vlaamswoordenboek.be> (accessed: 21.05.2023).
- Honselaar W. *Groot Russisch-Nederlands Woordenboek*. Amsterdam: Pegasus, 2010. 1700 p.
- Schermer-Vermeer I. *Wat doet dat word daar, zeg? Over het tussenwerpsel zeg. Voortgang*, 25, 2007. P. 373–385.
- Shakhmatov A. A. *Syntax of the Russian language. Iss. 2: The doctrine of parts of speech: additions*. Leningrad: Academy of Sciences of USSR Press, 1927. 213 p. (In Russian)
- Troshina N. N. Stylistic equivalence of translation as a problem of intercultural communication. *Mental'nost. Kommunikatsiia. Peregod: Sb. st. pamiati Fedora Mikhailovicha Berezina*. Ed. by M. B. Rarenko. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences of the RAS Press, 2008. P. 159–179. (In Russian)
- Vinogradov V. V. *Russian language (Grammatical doctrine of the word): Textbook for higher education institutions*. 3rd ed., rev. Moscow: Vysshiaia shkola Publ., 1986. 640 p. (In Russian)
- Vlahov S., Florin S. *Untranslatable in translation*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1980. 344 p. (In Russian)
- Yakovleva A. A. Semantic and pragmatic features of Dutch interjections *zeg* and *hoor*. *Scandinavian Philology*, 16 (1), 2018. P. 61–73. (In Russian)
- Yakovleva A. A. The spoken norm in modern Dutch. *Scandinavian Philology*, 13, 2015. P. 273–282. (In Russian)

Темников Никита Андреевич

аспирант,

Санкт-Петербургский государственный университет,

Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

E-mail: imtemnikovna.vlspb@gmail.com

Nikita Temnikov

Postgraduate Student,

St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: imtemnikovna.vlspb@gmail.com

Яковлева Александра Алексеевна

кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
E-mail: yakosasha@gmail.com

Alexandra Yakovleva

PhD in Philology, Associate Professor,
St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation
E-mail: yakosasha@gmail.com

Received: June 29, 2023

Accepted: July 6, 2023

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

UDC 811.113.4+1(091)

Alexandra Ekrogulsкая

St. Petersburg State University

SØREN KIERKEGAARD'S LANGUAGE: SEMANTIC FIELDS OF METAPHORS AND SIMILES IN *THE SICKNESS UNTO DEATH*

For citation: Ekrogulsкая A. Søren Kierkegaard's language: Semantic fields of metaphors and similes in *The Sickness unto Death*. *Scandinavian Philology*, 2023, vol. 21, issue 2, pp. 318–335. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.208>

This article presents a classification of those artistic devices that the Danish philosopher Søren Kierkegaard uses in his work *The Sickness unto Death*. We will talk about such figures of speech as metaphor and simile. This classification arose as a result of the translation and analysis of the treatise since its careful study showed that these stylistic devices are not single and random means of expression designed to decorate or diversify the text, but an integral part of Kierkegaard's philosophical thinking, which is characterized by figurativeness and concreteness. Kierkegaard blames modern philosophers for abstract thinking divorced from reality, and to present his ideas he chooses a figurative language replete with concrete comparisons since he sees it as his task to consider the real problems of human life. This classification is based on the division of artistic devices not according to their type, but according to their semantics. Each group of devices is a “semantic field” from which Kierkegaard drew metaphors and comparisons for a more precise and at the same time more figurative description of his views. The article considers the nine most common semantic fields, while in *The Sickness unto Death*, there are more than twenty of them. Since metaphors and comparisons are an integral part of Kierkegaard's text, a careful study of them is very important both for philosophers who want to penetrate deeper into the concept of the Danish thinker, and for translators who seek to convey the author's original text as accurately as possible. Thus, the main task of the presented classification is to approach the understanding of the concept of “despair” through those figurative characteristics that Kierkegaard endows them with.

Keywords: Søren Kierkegaard, despair, the sickness unto death, semantic fields, metaphor, simile.

Danish philosopher Søren Kierkegaard stands out markedly from other European philosophers of the 19th century. His uncompromising and determined outlook on reality made him a lonely and unaccepted thinker, whose contribution to culture was truly appreciated only in the 20th century. But he can be regarded as an outstanding thinker not only thanks to his revolutionary views, which were ahead of their time, that is, not only thanks to the content of his works, which was undoubtedly an unusual and fresh word in philosophy but also thanks to the forms in which he embodied his thoughts, that is, thanks to the vivid and figurative language of his works.

Indeed, Kierkegaard's language is distinguished by picturesqueness and a large number of rhetorical devices, which are more characteristic of literary works than of philosophical treatises. Kierkegaard's works are, in their style, closest to the works of the Jena romantics, who saw it as their task to combine philosophy and poetry¹. As a philosopher, Kierkegaard opposed the romantic or, as he called it, aesthetic position in life, arguing that it makes a person unhappy. But as a writer, he absorbed the stylistic tendencies of his time, and being undoubtedly talented and gifted with a subtle linguistic sense, he brought these tendencies to a certain perfection. Speaking of the style of his works Søren Kierkegaard can be called an heir of Romanticism, and a very rich one. If the Jena romantics only managed to develop the concepts of irony, fragments, unity of philosophy and poetry, etc., then Kierkegaard brought their ideas to life, creating truly romantic works that combined artistic and philosophical features, and using the method of indirect communication, which was based on the key principle of romantic philosophy, namely irony. As a result, to use the words of the German philosopher Robert Heiss, Kierkegaard created "a masterpiece of romantic poetry" [Heiss, 1963, S. 231].

These words of Robert Heiss refer to the book *Either-Or* (1843), but this characterization can be applied to other works of Kierkegaard as well, namely to *Repetition* (1843) and *Stages on the Way of Life* (1845). These three works best correspond to the romantic idea of the unity of philosophy and poetry. Philosophical reasoning in them is dressed in a

---

¹ As Friedrich Schlegel wrote: "Poesie und Philosophie sind ein untheilbares Ganzes, ewig verbunden, obgleich selten beysammen" ("Poetry and philosophy are an indivisible whole, they are eternally connected, though they are rarely found together") [Schlegel, 1799, S. 21].

literary form, they have characters, a storyline, not to mention truly artistic forms of expression, so it is difficult to attribute these books to any particular genre and say with certainty what exactly they are — novels or philosophical treatises. Their specificity lies in the fact that they undoubtedly are both at the same time.

But what seems to be even more interesting is that those works of Kierkegaard, in relation to which there is no doubt that they are philosophical treatises, also adopt the same artistic style of narration that is characteristic of the above-mentioned “romantic” works. Simplifying, we can say that the philosophical and the poetic in Kierkegaard’s style can be mixed in different proportions, and in different works one of the two ingredients predominate. But in those works where the philosophical ingredient noticeably predominates, we still can see the presence of the poetic, namely a wide variety of stylistic devices, such as metaphor, simile, polysemy, repetition (figures of addition of different types), parallelism (antithesis and antimetabole) and others. This article will consider two types of these devices, viz. metaphors and similes, and show how Kierkegaard uses them in order to express his philosophical ideas in his famous treatise *The Sickness unto Death* (1849).

Text analysis of this treatise shows that the metaphors and similes in it are not just an artistic device designed to decorate or diversify the text. Their purpose is to express the thought as accurately as possible. As Kierkegaard himself assured, the style of the work was the last thing he worried about, the content had always been in the first place. He wrote in one of his journals: “Taking care of style really came later... since anyone with genuine thoughts has form from the start” [Hannay, 2013, p. 391]. These words indicate that artistic devices in Kierkegaard’s texts have a fundamental semantic significance. The fact that he had “form from the start” suggests that some of his thoughts originally existed as images, metaphors, or similes. Therefore, these images are inseparable from the thoughts themselves. Kierkegaard, whose main claim to modern philosophy was its isolation from reality, was a thinker who was concerned not with abstract questions of the being, but with the real problems of human life. Therefore, it can be said that his figurative way of expression, full of metaphors and similes taken from the sphere of real life, was a direct consequence of his concrete thought, which has life and reality as its subject.

Besides, it should be noted that Kierkegaard resorts to metaphors and similes not in rare cases, but regularly. If you write out from *The Sickness unto Death* all the fragments containing at least one of these two devices, then, according to very rough estimates, these fragments will make up at least six percent of the entire text. This seems to be quite a large number, even for a literary work. It is safe to say that none of the argumentations in this book are done without at least one metaphor or simile, and in many cases, it is with the help of them the author gives definitions to his concepts.

Based on the foregoing, it can be concluded that metaphors and similes in Kierkegaard's texts are more than just artistic devices. Their goal is to penetrate deeply into the problem and reflect reality as accurately as possible. Therefore, careful consideration and certain analysis of them will help us to understand better this author's philosophical views.

It should be noted that many authors have written about the important role of metaphor in Kierkegaard's philosophical text. Probably the first one was Theodor Adorno who in his work *Kierkegaard: Construction of the Aesthetic* (1933) distinguished between two types of metaphors in Kierkegaard's writing: the "pure" or "abstract" metaphors, and the "literal metaphors" which are also called "objective images" [Adorno, 1989]. Of the more recent works, one can mention *Kierkegaard's Fear and Trembling: A Metaphorical reading* of Jonathan Hayes [Hayes, 1996], Jamie Lorentzen's *Kierkegaard's Metaphors* [Lorentzen, 2001], and an article *The Metaphor of the Wound in Søren Kierkegaard and Miguel de Unamuno: the Importance of Suffering in Authentic Existence* by Jan E. Evans [Evans, 2010]. Relying on Paul Ricoeur's metaphor theory Hayes investigate metaphors of journey and silence as they are found in *Fear and Trembling*. Lorentzen regards metaphor as a key principle of the whole Kierkegaard's writing and traces how the role of metaphor changes at the three "stages on life's way", the esthetic, the ethical, and the religious. Evans discusses the similarities and differences between Kierkegaard's and Unamuno's understanding of suffering, the metaphor of which is wound. What all these works have in common is that they are philosophical studies, that consider metaphor not so much as an artistic device, but as a method of philosophizing. They understand metaphors rather as philosophical concepts and aim to clarify their meaning. This approach is undoubtedly justified in relation to Kierkegaard's writings. However, it also seems undoubted that a purely linguistic study of

this subject is capable of shedding light on some subtle issues of Søren Kierkegaard's philosophy. The author of this article did not find any linguistic study on metaphors in the texts of Kierkegaard, and this is precisely what is the subject of this article.

In this article, I will present a classification of the metaphors and similes that Kierkegaard uses in order to describe his concept of "despair" in *The Sickness unto Death*. But first, it must be said that these two devices will be combined later in the text under the same concept of metaphor. The point is that in this context the distinction between metaphor and simile is not so important, moreover, this distinction is sometimes difficult to make, since both devices are often used together in the same fragment and perform the same function in the Kierkegaard's treatise.

This classification below divides metaphors into groups that will be called semantic fields since the items of these groups are united by a common semantic context. In this regard, it is appropriate to recall the semantic theory of metaphor, and in particular Eva Kittay's book *Metaphor: Its Cognitive Force and Linguistic Structure* [Kittay, 1989]. In this book author maintains that metaphor effects a transference of meaning, not between two terms, but between two semantic fields. A semantic field is not just a set of terms grouped on a semantic basis, but also the relations between these terms, relations that govern a term's literal use. In a metaphoric use, these relations are projected into another semantic field. Thus, metaphors work not on the similarity of the terms from two semantic fields but on the similarity of the relations between the terms.

Developing this idea, we can say that for a deeper understanding of the literal thought of the author (in our case, this is Kierkegaard), it will be useful to study his metaphors, because, as already mentioned, the metaphor ("transference") is possible because the relationship between the terms of one semantic field is similar to the relationship between the terms of another. To explain how the relations in the first group are arranged, he refers to the relations of the second. For example, Kierkegaard often compares the relationship between God and man to that between father and son. That is, speaking about the spiritual spheres of human life (let's call it an abstract semantic field), he uses metaphors from practical real life (let's call it concrete semantic fields) and thus makes the abstract and spiritual more concrete and accessible for understanding. In general, he uses metaphors for the same purpose as, according to George Lakoff and Mark Johnson, we use them in our everyday life: as a

tool that makes possible to comprehend abstract things with the help of what people know about their physical and social experiences [Johnson, Lakoff, 1980].

So, below I will consider the main types of semantic fields from which Kierkegaard draws metaphors to clarify his concept in *The Sickness unto Death*. In total, more than twenty such fields can be distinguished in this treatise, but I will consider only the most common ones.

1. The first and most common field of metaphors is “**Sickness and death**”. The very title of the treatise is such a metaphor. “The sickness unto death” is a biblical metaphor that means spiritual sickness and spiritual death, that kind of sickness from which the soul dies. This disease is despair. And the whole treatise is built as an unfolding of this thesis. Therefore, comparisons of various mental states of a person with illnesses (and with death, or vice versa, with health) are a common rhetorical device in this work. Kierkegaard explains the difference between the literal and metaphorical meaning of “death”:

I christelig Terminologi[er]Døden Udtrykket for den største aandelige Elendighed, og Helbredelsen dog just at døe².

‘In the Christian terminology **death** is the expression for the greatest spiritual wretchedness, and yet the **cure** is simply to die’³.

That is, physical death is the cure for spiritual death. **Death** “in the Christian terminology” is a metaphor for “spiritual wretchedness”. This metaphor can be called the basic metaphor of the treatises.

Further, Kierkegaard also uses specific names for diseases as well as various painful conditions and symptoms, for instance:

den kolde Brand i Fortvivlelsen
‘the **cold fire** in despair’

The English translation, in this case, does not convey the pun, since “Koldbrand” in Danish means “gangrene”.

---

² All quotations are given with the original spelling and according to the edition of Søren Kierkegaard Forskningscenteret [Kierkegaard, 2006].

³ Here and below English translation of Edna H. Hong and Howard V. Hong [Kierkegaard, 1983].

...som naar Den, der lider af *Svimmel*, ved et *nerveust Bedrag* taler om en Tyngde paa Hovedet, eller om at det er som faldt der Noget ned paa ham o. S. V.

‘...pretty much as when a man who suffers from **vertigo** talks with **nervous self-deception** about a weight upon his head or about its being like something falling upon him, etc.’

*Det er ikke med det ikke at være fortvivlet som med det ikke at være **halt, blind** o. d.*

‘The thing of not being in despair is not like not being **lame, blind**, etc.’

The last two examples are similes, but they are carried out as a continuation of the general metaphor of sickness (which is why I noted above that in this article I will not distinguish between metaphors and similes).

Further, Kierkegaard uses in a metaphorical sense some actions associated with illness:

*Hvert Øieblik han er fortvivlet, **paadrager** han sig det [Sygdommen].*
‘Every instant the man in despair is **contracting** it [the sickness].’

Besides, he uses the metaphorical concept of health — as the opposite of sickness. If despair is sickness, then health is faith, for, according to Kierkegaard, faith is the opposite of despair:

*Dette er Troens **Sundhed**, der løser Modsigelser.*
‘This is the sound **health** of faith which resolves contradictions.’

This semantic field also includes the metaphorical use of the opposition “death-life”, which again means the spiritual state or self-perception of a person:

*Men han kalder sig fortvivlet, han betragter sig selv som **død**, som en Skygge af sig selv. Død er han dog ikke, der er, om man saa vil, endnu **Liv** i Personen. Dersom saaledes Alt pludselig forandredes, alt det Udvortes, og Ønsket opfyldtes, saa **kommer der Liv i ham igjen**, saa reiser Umiddelbarheden sig atter, og han begynder **at leve paa en frisk**.*

‘But he calls himself “in despair”, he regards himself as **dead**, as a **shadow** of himself. But dead he is not; there is, if you will, **life** in the characterization. In case everything suddenly changes, everything in the outward circumstances, and the wish is fulfilled, then **life enters into him again**, immediacy rises again, and he begins **to live as fit as a fiddle**.’

2. The second semantic field of metaphors is “**Body**”, which includes different functions of body such as vision, sleeping, respiration, and even natural bodily functions. As examples can be given the following extracts:

*Instinkt-mæssigt **seer hun iblinde** klarere end den **meest seende** Reflexion, instinkt-mæssigt **seer hun**, hvor det er hun skal beundre, hvad det er, hvori hun skal hengive sig.*

‘Instinctively she **sees blindly** with greater clarity than the most **sharp-sighted** reflection, instinctively she sees where it is she is to admire, what it is she ought to devote herself to.’

The most common function used in the metaphoric sense is breathing:

*At bede er ogsaa at **aande**, og Muligheden er for Selvet hvad Surostoffet er for **Aandedrættet**.*

‘So to pray is to **breathe**, and possibility is for the self what oxygen is for **breathing**.’

*Derimod føler han ikke sjældent Trang til Eensomhed, det er ham en Livsfor-nødenhed, stundom som det **at aande**, til andre Tider som det **at sove**.*

‘On the other hand, he often feels a need of solitude, which for him is a vital necessity — sometimes like **breathing**, at other times like **sleeping**.’

Breathing is a function most closely associated with life. So, Kirkegaard often uses this metaphor together with the metaphor from the first semantic field (such “mixed” metaphors which belong to two or more semantic fields we will see further almost in every group of metaphors):

*Naar En **besvimer**, saa raaber man Vand, Eau de Cologne, Hoffmanns-draaber; men naar En vil fortvivle, saa hedder det: ‘skaf Mulighed, skaf Mulighed’, Mulighed er det eneste Frelsende; en Mulighed, saa **aander** den Fortvivlende igjen, han **lever** atter **op**; thi uden Mulighed kan et Menneske ligesom ikke **faae Veiret**.*

‘When one **swoons** people shout for water, Eau-de-Cologne, Hoffman’s Drops; but when one is about to despair the cry is, “Procure me possibility, procure possibility!” Possibility is the only saving remedy; given a possibility, and with that the desperate man **breathes** once more, he **revives again**; for without possibility a man cannot, as if were, **draw breath**.’

Here we can see that despair is compared to swoon, and saving from despair is compared to regaining of breath and returning to life.

3. The third semantic field is “**Language**”. Kierkegaard often uses as metaphors terms from various branches of linguistics: grammar, phonetics, stylistics, etc., and compares certain spiritual phenomena with the process of writing and book printing. This suggests that language and writing, being the most important part of his life, were also a constant subject of his reflection. I will give only one, but very interesting example:

*Man kan ogsaa ganske in abstracto sige: **paalImperfectum følger Perfectum**. Men dersom i Virkelighedens Verden en Mand deraf vilde slutte, at det fulgte af sig selv og fulgte strax, at et Værk, han ikke fuldendte (**imperfectum**) blev fuldendt: saa var han dog vel gal. Men saaledes ogsaa med Syndens saakaldte Position, naar det **Medium**, hvori den poneres, er den rene Tænkning; det **Medium** er meget for flygtigt til at det kan blive Alvor med Positionen.*

‘One can say also in abstract that **the perfect tense follows the imperfect**. But if in the world of reality a man were to infer that it followed by itself and followed at once, that a work he had not completed (**the imperfect**) became complete (**the perfect**) — he surely would be crazy. But so it is too with the so-called “position” of sin when **the medium** in which it is posited is pure thinking; that **medium** is far too unstable to insure that this assertion that sin is a position can be taken seriously.’

I have taken only two sentences from a long paragraph in which Kierkegaard, by comparison with grammatical tense and the voice of verbs, shows the difference between abstract philosophical thinking and real life. Kierkegaard sneers at the Hegelian way of thinking, in which all processes are regarded as self-actualizing. That is what he means by the metaphorical phrase “the perfect tense follows the imperfect”: it is only in the abstract world that actions are accomplished (perfect tense) on their own. By “medium” Kierkegaard means middle voice, which is the form of verb that means an action that is intermediate between active and passive voices. And again, Kierkegaard uses this term as a metaphor for “pure thinking”, which is “too unstable” to be a real action because it is neither active nor passive.

4. The next semantic field of metaphors we will discuss is “**Children**”. Kierkegaard often compares the immediate person (which includes, for example, an aesthetic and a pagan) to a child:

*Æsthetisk-metaphysisk honoreres det som et Tegn paa en dyb Natur at fortvivle om Syndernes Forladelse, omtrent som hvis man vilde ansee det for Tegn paa en dyb Natur hos et **Barn**, at det er **uartigt**.*

‘Aesthetic-metaphysically it is honored as a sign of a deep nature that one despairs of the forgiveness of sins, pretty much as if one were to regard it as a sign of a deep nature in a **child** that it is **naughty**.’

Quite often this metaphor is used with its opposite — **Adults**.

*Saaledes er Forholdet mellem det naturlige Menneske og den Christne; det er som Forholdet mellem et **Barn** og en **Mand**: hvad **Barnet** gyser for, det anseer **Manden** for Intet at være.*

‘Such is the relation between the natural man and the Christian; it is like the relation between a **child** and a **man**: what the **child** shudders at, the **man** regards as nothing.’

Kierkegaard illustrates the various relationships in the spiritual sphere of human life through the relationship between children and parents:

*Det er med Muligheden som naar man indbyder et **Barn** til en eller anden Glæde; **Barnet** er strax villigt, men nu gjælder det, om Forældrene ville tillade det — og som det er med **Forældrene**, saaledes er det med Nødvendigheden.*

‘A case analogous to possibility is when a **child** is invited to participate in some pleasure or another: the **child** is at once willing, but now it is a question whether the **parents** will permit it — and as with the **parents**, so it is with necessity.’

I would also like to give two interesting examples of “mixed” metaphors. The first one is a mixture of two semantic fields: **language** and **children**. Talking about the immediate man, Kierkegaard compares this man’s self, which lacks subjectivity, with the dative case (in opposition to the subjective case), and with child speech:

*Endog begjerende er dette Selv **et Dativ** som **Barnets** mig.*

‘Even in desiring, the self is in the **dative case**, like the **child** when it says “me” for I.’

Another example is a mixture of three semantic fields: **language**, **body**, and **children**.

*Dersom man vilde sammenligne det at løbe vild i Mulighed med **BarnetsVokaliseringen**, saa er det at mangle Mulighed som det at **være stum**. Det Nødvendige er som lutter **Konsonanter**, men for at **udtale** dem maa der Mulighed til.*

‘If one will compare the tendency to run wild in possibility with the efforts of a **child** to enunciate words, the lack of possibility is like **being dumb**. Necessity is like a sequence of **consonants** only, but to **utter** them there must in addition be possibility.’

Here again, we can see a comparison with child speech: to have only possibilities, and not even one necessity, is like to be a baby, who can utter only vowels (*vokalisere*; English translation ‘enunciate’ is not correct); and to have only necessity is vice versa to use only constant sounds, that is to be dumb. So, there are three semantic fields in this metaphor: speech (physical function), child, and phonetics (linguistics).

5. Another common semantic field in *The Sickness unto Death* is “**Game**”. Game is often used as a metaphor for a frivolous attitude to life, for example, among philosophers:

*Det er ikke christelig Heroisme, at narres med det rene Menneske, eller **lege Forundringsleg** med Verdenshistorien.*

‘It is not Christian heroism to be humbugged by the pure idea of humanity or to **play the game** of marveling at world-history.’

Or, again, among immediate men, who “live with far too little consciousness of themselves”:

*De **lege** saa at sige med i Livet, men de opleve aldrig det at **sætte Alt ind paa Eet**.*

‘They take a hand in the **game** of life as it were, but they never have the experience of **staking all upon one throw**.’

The game immediate men playing in is the opposite of the believer’s game, since the believer:

*...har uendeligt **at tabe**. De umiddelbare, de barnlige eller barnagtige Mennesker have intet Totalt **at tabe**, de **tabe og vinde** bestandigt blot i det Enkelte, eller det Enkelte.*

‘...stands **to lose** infinitely. The immediate men — the childlike or the childish — have no totality **to lose**, they constantly **lose and win** only the particular thing and in the particular instance.’

And in conclusion, I will again give an example of a mixed metaphor. Continuing to reveal the nature of immediacy, Kierkegaard compares it with an error of speech or with a child’s game. Thus, we can see three semantic fields: **children**, **language**, and **game**:

Det er ved en, om man saa vil, uskyldig Misbrug af Sproget, en Leeg med Ord, ligesom naar Børnene lege Soldat, at der i Umiddelbarhedens Sprog forekomme saadanne Ord som: Selvet, Fortvivelse.

‘It is, if I may say so, by an innocent **misuse of language**, a **play upon words**, as when **children play** at being soldiers, that in the language of immediacy such words as the self and despair occur.’

6. The sixth semantic field we will consider is “**Crime and punishment**”, which, apart from crimes such as theft and murder, also includes such metaphors as confinement, lawsuit, and some juridical term. For example, Kierkegaard calls suicide:

Forbrydelse mod Gud
‘**crime against God**’

And more potentiated despair, which is sin, he calls by analogy with a qualified crime:

“**qualificeret**” Fortvivelse
“**qualified**” despair’

Speaking ironically about his time and contemporaries, Kierkegaard compares a person who has spirit with a criminal, since it is customary to punish only criminals with solitude, i.e., imprisonment:

*I vore Tidens Bestandig-Selskabelige gyser man i den Grad for Eensomhed, at man (o, ypperlige Epigram!) ikke veed at bruge den til Andet end til Straf for Forbrydere. Dog det er sandt, det er jo i vore Tider en **Forbrydelse** at have Aand, saa er det jo i sin Orden, at Saadanne, Eensomhedens Elskere, komme i Classe med **Forbrydere**.*

‘In the constant sociability of our age people shudder at solitude to such a degree that they know no other use to put it to but (oh, admirable

epigram!) as a punishment for criminals. But after all it is a fact that in our age it is a **crime** to have spirit, so it is natural that such people, the lovers of solitude, are included in the same class with **criminals**.’

Another interesting metaphor is “the judicial report” that is used in the context of guilt before God and God’s judgment:

*Ved Hjælp af Samvittigheden er det saaledes indrettet, at **Rapporten** strax følger med enhver **Skyld**, og at den **Skyldige** er Den, der selv maa skrive den.*

‘By the aid of conscience things are so arranged that the **judicial report** follows at once upon every **fault**, and that the **guilty** one himself must write it.’

7. The next field of metaphors can be called “**Fighting and revolt**”. It combines various comparisons with struggle or protest, as well as terms of military science. Kierkegaard often uses such verbs as “at kæmpe, at stride, at oprøre” (“to struggle, to fight, to revolt”) and such nouns as “Slag” and “Kamp” (“battle” and “struggle”). For example:

*Men dette er den eneste Maade, paa hvilken Umiddelbarheden veed at **stride**.*

‘But this is the only way immediacy knows how to **fight**.’

*Synden selv er Fortvivlelsens **Kamp**.*

‘Sin itself is the **struggle** of despair.’

A very important metaphor in this semantic field is the metaphor of victory and victor, referring to the believer. Already in *Fear and Trembling*, Kierkegaard calls the true believer “en Troens Ridder” (“a knight of faith”), thus endowing him with such qualities as courage, determination, and strength. A believer fights for his faith like a noble knight fights against his opponents. In *The Sickness unto Death* Kierkegaard continues this metaphor and says that the believer fights not as a defender but as an assailant:

*Men nu det Christelige! Ja Den, der **forsvarer** det, han har aldrig troet paa det. Troer han, saa er Troens Begeistring — ikke et **Forsvar**, nei, den er **Angrebet**, og **Seieren**; en Troende er en **Seierherre**.*

‘But now for Christianity! Yea, he who **defends** it has never believed in it. If he believes, then the enthusiasm of faith is... not **defense**, no, it is **attack** and **victory**. The believer is a **victor**.’

As an example of a mixed metaphor, I'd like to give a fragment where Kierkegaard compares one form of despair with “a slip of the pen” that “revolt against the author”, which is obviously a metaphor from two semantic fields: **language** and **revolt**:

*Det er, for at beskrive det billedligt, som hvis der for en Forfatter indløb en **Skrivfeil**, <...> som hvis nu denne **Skrivfeil** vilde gjøre **Oprør** mod Forfatteren.*

‘It is (to describe it figuratively) as if an author were to make a **slip of the pen**, <...> as if this **clerical error** would **revolt** against the author.’

8. The next semantic field of metaphors we will talk about is “**Politics**”. At some point it is concerned with the previous field, namely with “revolt” (so we can regard this metaphor as belonging to both semantic fields), since Kierkegaard several times in the text of *The Sickness unto Death* refers to the so-called March Revolution of 1848 — a series of events that led to the establishment of a constitutional monarchy in Denmark. Based on the context, it can be concluded that Kierkegaard was not among those who supported the protest and the change of the state system:

*Qualitets-Forskjellen mellem Gud og Menneske pantheistisk (først fornemt speculative, siden **pøbelagtigtpaa Gader og Stræder**) er hævet.*

‘The qualitative distinction between God and man is pantheistically abolished — first speculatively with an air of superiority, then **vulgarly in the streets and alleys**.’

*En **Konge** giver en friere **Forfatning** — og det veed man nok, hvad det betyder, “det var han nok nødt til”.*

‘**Aking** grants a freer **constitution** — and one knows well enough what that means, “He pretty well had to.”’

The political metaphor of “a king” and “revolution” is also found in another context, where Kierkegaard gives characteristics to a despairer:

*Denne absolute **Hersker** er en **Konge uden Land**, han **regjerer** egentligen over Intet; hans Tilstand, hans **Herredom** underligger den Dialektik, at i ethvert Øieblik **Oprøret** er Legitimitet.*

‘This **ruler** is a **king without a country**, he **rules** really over nothing; his condition, his **dominion**, is subjected to the dialectic that every instant **revolution** is legitimate.’

That kind of despairer who wishes despairingly to be himself does not control his own life, and at any moment reality can turn against him, that is, arrange a revolution.

Another simile Kierkegaard uses several times is the comparison of the relationship between God and man with the relationship between the king and the subordinate, for instance:

*Dersom jeg tænkte mig en fattig **Dagleier** og den mægtigste **Keiser**, der nogensinde har levet <...>*

‘If I were to imagine to myself a **day-laborer** and the mightiest **emperor** that ever lived <...>’

9. The last semantic field that I would like to give as an example is “**Building**”. This metaphor seems to be a very important one since Kierkegaard describes with its help the condition in which most people live:

*Dersom man vilde tænke sig et **Huus**, bestaaende af **Kjælder**, **Stue** og **første Sal**, saaledes beboet, eller saaledes indrettet, at der var eller det var beregnet paa en **Stands-Forskjel** mellem Beboerne i hver **Etage** — og dersom man vilde sammenligne det at være Menneske med et saadant **Huus**: saa er desto værre dette **Sørgelige** og **Latterlige** de fleste Menneskers Tilfælde, at de i deres eget **Huus** foretrække at boe i **Kjælder**en.*

‘In case one were to think of a **house**, consisting of **cellar**, **ground-floor** and **premier étage**, so tenanted, or rather so arranged, that it was planned for a distinction of rank between the dwellers on the several **floors**; and in case one were to make a comparison between such a **house** and what it is to be a man — then unfortunately this is the sorry and ludicrous condition of the majority of men, that in their own **house** they prefer to live in the **cellar**.’

By “cellar” Kierkegaard means “determinants of sensuousness”. People forget that they are spiritual beings and, developing Kierkegaard’s metaphor, do not go up from the cellar to the floors, that is, they do not rise from the definitions of feelings to the definitions of spirit. It is noteworthy that practically the same applies to philosophers. They claim to be dealing with spiritual matters, but from Kierkegaard’s point of view, they nevertheless do not live in their own house either, as long as their “building” (a system) has nothing to do with the life:

En Tænker **opfører en uhyre Bygning**, et System, et hele Tilværelsen og Verdenhistorien o. s. v. omfattende System — og betragter man hans personlige Liv, saa opdager man til sin Forbauselse dette Forfærdelige og Latterlige, at han selv ikke personligen beboer dette **uhyre, hoithvælvede Pallads**, men en **Ladebygning** ved Siden af, eller et **Hundehuus**, eller i det Høieste **Portnerleiligheden**.

‘A thinker **erects an immense building**, a system, a system which embraces the whole of existence and world-history etc. — and if we contemplate his personal life, we discover to our astonishment this terrible and ludicrous fact, that he himself personally does not live in this **immense high-vaulted palace**, but in a **barn** alongside of it, or in a **dog kennel**, or at the most in the **porter’s lodge**.’

This article presented a classification of metaphors and comparisons used by the Danish philosopher Søren Kierkegaard in his treatise *Sickness unto Death*. Figures of speech have been classified according to their semantics so that each classification group represented a semantic field from which Kierkegaard drew metaphors and similes. The article considered the nine most common semantic fields which, of course, do not include the entire stylistic diversity of the treatise. Nevertheless, I hope that the examples presented in the article give a sufficient idea of the nature of Kierkegaard’s thoughts and language.

REFERENCES

- Adorno T. W. *Kierkegaard: Construction of the Aesthetic*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1989. 166 p.
- Evans Jan E. *The Metaphor of the Wound in Søren Kierkegaard and Miguel de Unamuno: the Importance of Suffering in Authentic Existence*. Ediciones Universidad de Salamanca, 2010. Available at: https://gredos.usal.es/bitstream/handle/10366/100364/La_metafora_de_la_llaga_en_Søren_Kierkegaard?sequence=1&isAllowed=y (accessed: 05.07.2023).
- Hannay A. Translating Kierkegaard. *The Oxford Handbook of Kierkegaard*. Ed. by J. Lippitt, G. Pattison. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 385–402.
- Hayes J. *Kierkegaard’s Fear and Trembling: A Metaphorical reading*. Montreal: McGill University, 1996. 116 p.
- Heiss R. *Die Großen Dialektiker des XIX Jahrhunderts. Hegel, Kierkegaard, Marx*. Köln, 1963. 437 S.
- Johnson M., Lakoff G. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.

- Kierkegaard S. *Sydommen til Døden*. Søren Kierkegaards Skrifter, Bd. 11. København: Søren Kierkegaard Forskningscenteret, 2006. Available at: <https://tekster.kb.dk/text/sks-sd-txt-root> (accessed: 05.07.2023).
- Kierkegaard S. *The Sickness unto Death*. Princeton: Princeton University Press, 1983. 201 p.
- Kittay E. F. *Metaphor: Its Cognitive Force and Linguistic Structure*. Oxford: Clarendon Press, 1989. 358 p.
- Lorentzen J. *Kierkegaard's Metaphors*. Macon, Georgia: Mercer University Press, 2001. 229 p.
- Schlegel F. Über die Philosophie. An Dorothea. *Athenaeum*. Berlin, 1799. S. 1–38.

Александра Экрогульская

Санкт-Петербургский государственный университет

**ЯЗЫК СЁРЕНА КИРКЕГОРА: СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОЛЯ МЕТАФОР
И СРАВНЕНИЙ В ТРАКТАТЕ «БОЛЕЗНЬ К СМЕРТИ»**

Для цитирования: *Ekrogulskaia A. Søren Kierkegaard's language: Semantic fields of metaphors and similes in The Sickness unto Death // Скандинавская филология. 2023. Т. 21. Вып. 2. С. 318–335.*
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.208>

В данной статье представлена классификация тех художественных приемов, которые использует датский философ Сёрен Киркегор в своей работе «Болезнь к смерти». Речь пойдет о таких фигурах речи, как метафора и сравнение. Данная классификация возникла в результате перевода и анализа этого трактата, поскольку его внимательное изучение показало, что эти стилистические приемы являются не единичными и случайными средствами выражения, призванными украсить или разнообразить текст, а неотъемлемой частью философского мышления Киркегора, для которого свойственны образность и конкретность. Киркегор упрекает современных философов в абстрактном мышлении, оторванном от реальности, и для изложения своих идей избирает образный язык, изобилующий конкретными сравнениями, поскольку видит своей задачей рассмотрение реальных проблем человеческой жизни. Данная классификация построена на разделении художественных приемов не по их типу, а по их семантике. Каждая группа приемов представляет собой «семантическое поле», из которого Киркегор черпал метафоры и сравнения для более точного и одновременно более образного описания своих взглядов. В статье рассмотрены девять наиболее часто встречающихся семантических полей, тогда как в «Болезни к смерти» их насчитывается более двадцати. Поскольку метафоры и сравнения являются неотъемлемой частью текста Киркегора, их внимательное изучение представляется весьма важным как для философов, желающих глубже проникнуть в концепцию датского мыслителя, так и для переводчиков, стремящихся как можно точнее передать оригинальный текст автора. Таким образом, основная задача представленной классификации — приблизиться к пониманию концепции отчаяния через те образные характеристики, которыми их наделяет Киркегор.

Ключевые слова: Сёрен Киркегор, отчаяние, болезнь к смерти, семантические поля, метафора, сравнение.

Alexandra Ekrogulskaia

Postgraduate Student,
St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation
E-mail: ekrogulskaia@gmail.com

Экрогульская Александра Олеговна

аспирант,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
E-mail: ekrogulskaia@gmail.com

Received: May 31, 2023

Accepted: June 30, 2023

UDC 82-1-9

Victoria Peshkova

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

**AT THE ORIGINS OF THE NORWEGIAN DETECTIVE:
MURDER IN MAURITS CHRISTOPHER HANSEN'S PROSE**

For citation: Peshkova V. At the origins of the Norwegian detective: Murder in Maurits Christopher Hansen's prose. *Scandinavian Philology*, 2023, vol. 21, issue 2, pp. 336–349. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.209>

This article discusses the function of the murder motif in M. C. Hansen's prose. It shows that this motif is strongly related to the author's quest for novel ways to represent reality, his ambition to portray the private lives of everyday Norwegians, and his goal to illustrate the moral development — or, on the contrary, the degeneration — of his characters. A crucial plot-forming device, the motif of murder is frequently combined with the motif of insanity as retaliation for the committed crime. It is possible to see how a critical view of modernity gradually replaces the distinct religious pathos of Hansen's early prose (*Den gale Christian* (The Mad Christian), *Keadan, eller Klosterruinen* (Keadan, or the Abbey Ruins), *Novellen* (The Short Story), *Den myrdede brudgom* (The Murdered Groom)), inevitably leading to the emergence of a new kind of hero. The nature of this hero is determined by the surroundings and environment, the narrative becomes more psychologizing, and the interest in daily life takes the place of the theme of the moral revival (*Jutulskoppen* (The Troll Mountain) and *Mordet på Maskinbygger Roolfsen* (The Murder of Engine Maker Roolfsen)). Hansen's writings from this time period are distinguished by a tragic perspective. The notion of a moral revival of man loses its appeal to the author. He feels that profit and vanity have replaced love, and that true feelings are doomed to vanish. The themes of mistrust between close people, the corruption of the ruling class, the oppressed position of the people, and the inability to escape from social oppression take on a new significance. We discover that Hansen's interest in the everyday and private lives of regular people is linked to his search for artistic research tools, whereas the motifs of murder and crime investigation aid the writer in creating a vivid and accurate picture of contemporary Norwegian society while also making his narratives more entertaining.

Keywords: Maurits Christopher Hansen, detective story, murder motif, novella, novel.

Maurits Christopher Hansen (1794–1842) was the first notable Norwegian author of the 19th century who contributed to the development of modern Norwegian prose. Apart from writing fiction, he was actively involved in educational and pedagogical endeavors. In addition to a textbook on epistolary style for young ladies, he authored a variety of school textbooks on Latin school vocabulary, history, geography, and Norwegian, Latin, and French grammar.

Great changes occurred in Norway throughout the first part of the nineteenth century. Norway witnessed a surge in national consciousness after gaining partial sovereignty and a constitution in 1814. Literature had a significant part in Norway's fight for national and cultural independence. This cultural and historical context greatly contributed to Hansen's writing style, which also made it easier to comprehend the rich European cultural experience. His contributions to the development of Norwegian literature cannot be overstated. He became a sort of a bridge builder, enabling 'Norwegian literature to absorb the rich traditions of European literature after 1814' [Tysdahl, 1988, s. 26].

Long creative searches had shaped Hansen's writing style, which over time had produced a variety of authentic forms and themes leading to the establishment of innovative Norwegian prose. The author was able to organically melt contemporary romantic literary trends with the 18th century literary traditions, creating an original Norwegian prose based on European examples.

Hansen's high level of spirituality, curiosity in the private lives of ordinary people, desire to represent the inner world of his heroes, their moral evolution — or, on the contrary, the degeneration — had driven him to seek new ways of expressing reality. The themes of murder and criminal investigations are ideal for use as a “lens to see a divided society in which suspicion immediately falls on the poorer and weaker classes” [Agger, 2014, s. 37].

Thus, Hansen's sphere of interests included European literature related to various real and fictional crimes, such as the works by the German professor and criminal law reformer Paul Johann Anselm Ritter von Feuerbach (1775–1833), August Gottlieb Meissner (1753–1807), Laurids Kruse (1778–1840), as well as “heist novels” popular in France and Germany in the 18th century and the English Gothic novel of the same period. The Scandinavian sources that had a considerable impact on Hansen's development as a writer included *Præsten i Vejlbø*

(The Rector of Veilbye, 1829) by the Danish author Steen Steensen Blicher (1782–1848) and the works of the Swedish writer Carl Jonas Love Almqvist (1793–1866).

The priest Immanuel Christian Grave's 1811 publication of *Nationale fortællinger for den norske bondestand* (National Tales for the Norwegian Peasantry), which was later widely republished, also attests to Norwegians' interest in the topic of crime and punishment. *Snigmordet* (Murder), one of the novellas in this collection, stands out among the rest. It relates the tale of a farmer who employs his worker to assassinate a large farm's heir in order to take possession of the land. *Snigmordet* is regarded by some literary critics as the first Norwegian detective story [Dahl, 1993]. However, it should be emphasized that in this novella, the murder just serves as a backdrop for the narrative; there is no investigation as such, instead, the focus is on the criminal's pangs of conscience and his fear of being found out. In Hansen's writing, the representation of the enigmatic and incomprehensible is paired with a drive to uncover a logical explanation for things that appear mystical. This balance between the supernatural and the rational is the recurring theme in many of the writer's works [Omdal, 2010; Tysdahl, 1988].

Over twenty stories in Hansen's collection of writings center on the mystery surrounding a murder or an alleged murder, with the investigation progressively adding together the events, like pieces of a jigsaw. Actually, such patchiness and intermittence are characteristic of most Hansen's novels: 'His [Hansen's] stories are like Chinese boxes: you have to open one lid after another before you get to the bottom of it' [Elster, 1943, s. 20].

The novella *Den gale Christian* (The Mad Christian, 1821) is a vivid example of Hansen's storytelling style, since it employs various aesthetic methods typical of his work in general.

This is an epistolary novella. Traveling through Norway, Carl Møllmann is forced to spend the night at a stage station. To pass the evening, he invites an old madman living at the hotel to dinner, and accidentally hears the poor man's "confession." Impressed by what he hears, he writes a letter to his friend, telling him about what happened.

One of the major themes of Hansen's works is the formation of moral character. The characters created by Hansen have a deep-seated mental dualism. He believes that the formation of the spiritual and moral nature is filled with blunders, humiliation, and moral fall, so the criminal

in his writings is seldom a true “villain”, like, for instance, the demon Varlun in the novel *Othar av Bretagne* (Othar from Brittany). Criminals are typically weak and desperate personalities or those pushed to their breaking point. And this is also true of the mad Christian who becomes a murderer.

The heart of the conflict is the typical love triangle, and the crime (murder) occurs in the distant past. In Hansen’s prose, crime is frequently brought on by unreturned passion. Christian and his brother Hans battle for a girl’s affection; when the girl favors Hans, Christian murders his rival in a fit of wrath.

The motifs of sin and atonement, often associated with insanity, also take on a significant role. Christian succeeds in concealing his crime, but the guilt he feels makes him mad. He keeps seeing his deceased brother everywhere and, in the end, murders his beloved in a fit of madness. This novella features distinct Gothic elements: the gloomy atmosphere of the hotel at the stage station adds to the thrill, which is also complemented by the madman’s sudden bursts of laughter and his ominous look.

At first glance, the plot of the *Keadan, eller Klosterruinen* (Keadan, or the Abbey Ruins, 1825) resembles *Den gale Christian*. Brothers Wilhelm and Fritz are rivals in the struggle for the heart of young Louise. When Wilhelm travels to study in Copenhagen, Fritz pursues the favor of his sweetheart in the absence of the rival. Things become complicated when his brother unexpectedly arrives home. Shortly before the wedding, Fritz vanishes in the ancient ruins of an abbey, purportedly after slipping into an abandoned mine and dying. A few days later, however, when his body is discovered, it comes out that he was stabbed with a knife. But it is greed, not unreturned love, that drives the crime. A small land dealer and a renowned rascal feels that marrying Louise and receiving her dowry will help him better his financial situation, so he eliminates his opponent.

Unlike *Den gale Christian*, which focuses on the moral torments that cause insanity, *Keadan* features an actual investigation. Louise and Wilhelm suspect each other. Despite the fact that neither of them was involved in Fritz’s murder, they both feel guilty since the news of his death relieves them. They quickly find solace in one other’s arms. The investigation of Fritz’s death is presented as an exposure of immorality, sin, and humiliation as well as the atrocities committed by a specific character who has to be held accountable.

The motif of mystery — as the specifics of what happened remain unknown for a long time — is one of the book's major themes. The investigation, however, is not a plot-forming factor in this case. The murder is shrouded in mystery; one of the characters, a mad woman called Valborg who has spent eight years looking for her dead kid amid the abbey ruins, turns out to be clairvoyant and foretells Fritz's death as well as other significant events in the novel. It is mostly because to her gift that the true murderer is discovered and punished.

This novel introduces a new kind of hero: a narrator identified with the author who remains a passive spectator. The narrator can jump from one scene to another; interrupt the narrative to describe another significant incident; express his personal attitude to events and characters; reproduce peasant conversations that he did not observe; put the story on hold to qualify the characters and expose their feelings, as is the case with Louise in chapter seven; highlight that he did not witness the events, but that the story was restored based on the surviving records.

Maurits Christopher Hansen was a passionate supporter for the rights of women who were oppressed at the time. He thought it was unjust that a woman could only get elementary education, the main goal of which was marriage and her incapacity to decide her own fate autonomously. He believed that a big part of this process was education and literature. Together with his wife, Hansen established a school for girls in Kongsberg, which remained open until his death. He also frequently brought up this subject in his writings. In the *Den myrdede brudgom* (The Murdered Groom, 1828) and the *Novellen* (The Short Story, 1827) both, the perpetrator is a shattered and desperate woman who kills in the hopes of saving herself. The author, however, evaluates heroines' actions differently. In *Novellen*, to improve her financial situation, an impoverished girl agrees to become a mistress of an elderly and wealthy merchant named Rill, in whose house she works. The fear that her moral fall would be exposed drives her to commit a new crime — the murder of her patron. Malene, the heroine of *Den myrdede brudgom*, becomes a victim of her family's social ambitions. She is tricked into abandoning her fiancé and marrying a wealthy farmer. When the girl discovers this, she murders her husband and flees. In the first case, the woman is punished for her crime with insanity; in the second, the author only mentions that the crime weighs Malene down and prevents her from finding happiness in her new marriage.

Novellen's story is built around the reconstruction of the past. The narrator of the story is Maurits Christopher Hansen, who, among his friends, recalls a childhood story that left an indelible effect on him and to which he returns over and over again in his recollections.

A terrible secret is revealed as a result of two young people's investigation of events from the distant past. Froken Sars's imprisonment in the cellar is not a tragic accident, but a cruel punishment for murder and betrayal: the groom avenges his beloved not only for becoming his father's mistress but also for murdering him. Thus, the desire to cover up the moral degradation turns into a motive for murder yet again.

The plot unfolds throughout three time periods:

1) 1827, a nice evening spent with friends at the home of grown-up Maurits Hansen;

2) a childhood experience that leaves an unforgettable imprint on the writer's memories;

3) the events from a very distant past — the tragedy that befalls Froken Sars.

Additionally, it should be highlighted that the first and second time periods both involved nice evenings spent with family and friends. An inexplicable anxiety suddenly bursts into the safe space, compelling the narrator to relive the horrific events of a long time ago over and over again.

The motif of Froken Sars's "terrible secret" of the past becomes the narrative's main driving force, while the desire to uncover this secret forces the narrator and his companions to delve into the past in search of truth.

The motifs typical of Gothic literature, such as burial alive and retribution for sins, are added into the story in this atmosphere of rising terror. This makes such a strong impression on Froken Sars that after singing a verse of an "ugly song," she passes out.

This song combines the motifs of physical confinement and the heroine's narrowed inner world. She makes a comparison: "There's a devil in the corner and a serpent in my heart!" [Hansen, 2012]. This suggests that her physical and her inner confinement have a similar character, and that the terrible occurrences the children have a sneaking suspicion about are the results of her own choices rather than a fatal accident. Having committed the murder in order to free herself from the oppres-

sion of the cruel homeowner, Froken Sars was not only imprisoned in the cellar, but she also endured constant worry that the real cause for her captivity would be revealed. The heroine dies after being unable to overcome skipper Johnsen's intimation that he knows her secret.

The motif of atonement for the crime both in this novella and in *Den gale Christian* is closely related to the main character's insanity. Froken Sars is driven to the point of insanity not only by physical tyranny but also by her moral suffering and her inability to atone for the crime, which forces her to again go through the horrible experience that drove her there. She deliberately prolongs her imprisonment by scarcely ever leaving her house. She finds peace she longs for only in death.

This novella's investigation serves only as a literary exercise and an illustration of how actual life may inspire art (thus the title).

Den myrdede brudgom also features a retrospective composition. The narrator recalls a story from his childhood, when the newspapers reported on the brazen murder of Hans Kopperud, who was stabbed to death by his own wife on the first night of their marriage.

It is known that Malene murdered her husband and fled, therefore the focus is not on the criminal investigation, but on determining what motivated the girl to do it. What happens is that Hans makes a deal with Malene's parents and deceives her into abandoning her sweetheart. When the girl discovers the truth, she stabs the rogue and reunites with her lover. They flee to another country and live there in love and peace.

The narrator sympathizes with Malene and justifies her act: that was *visse den Exemplet paa en Selvhevn, som den evige Dommer billiger vissere end manges Dødsdom, underskrevet af Fyrstehaand* 'self-revenge, which the Eternal Judge approves of more willingly than many a death sentence signed by the hand of a prince' [Hansen, 1969, s. 151].

However, Hansen feels that a crime is still a sin inevitably followed by retribution. Malene's punishment is an ongoing struggle with her conscience. The novella concludes with the narrator's reflections on moral: *Blodpletten, ak, du stakkels Malene! Blodpletten vaskes aldrig af; de ere ikke lykkelige* 'The bloodstain, alas, you poor Malene! The bloodstain never washes off. They are unhappy' [Hansen, 1969, s. 161].

A turning point in Hansen's worldview occurs in the 1830s as a result of the literary developments that take place in Scandinavia at the time [Tysdahl, 1988; Aarseth, 1976]. Folklore, mysticism, and Norway's

fabled past are becoming less popular, while subjects like daily living and social issues are becoming more widespread. The protagonist, who formerly had hypertrophied passions, is replaced by an average person as the author attempts to critically appreciate modernity. The surroundings and circumstances have a significant role in shaping the new hero; investigation comes to the fore. The narrative becomes more psychologizing, which aids the author in revealing the individual traits of his characters, whose conduct is explained not only by moral standards, but also their social rank. This creates a contrasting picture of Norwegian society and makes Hansen's writings more entertaining.

The plot of the epistolary novel *Jutulskoppen* (The Troll Mountain, 1836), which the author calls a crime story, establishes a particular system of characters, including the criminal, victim, false criminal (the person to whom the evidence points), investigator, and assistant.

Interestingly, the investigator in this novel is a woman, Petra Lanter, who works as a governess in the home of the merchant Reesen. Her inquisitive mind aids in the discovery of the body of a child who died six years ago, upsetting the peaceful lives of a faraway mountain community.

The primary suspect in the case is Kristine Skrubstad, the boy's aunt. All of the evidence leads to her, but Petra is skeptical and continues her inquiry. She eventually discovers that the culprit is Kristine's husband's elder brother, Halvard Skrubstad, who murdered his brother Jens Skrubstad and his own son.

Envy and greed drive him to murder his younger brother in order to take over his land, and then his brother's son Ivar. Then a series of unfortunate events leads Halvard to murder his own kid.

As in all the above cases, the murder in this novel dates back to a distant past (eleven years since the murder of Jens Skrubstad, and six years since the murder of Hans Skrubstad). The last letter by Froken Lanter explains the details that remained unclear.

The religious and ethical aspects of the crime recede into the background, but Hansen does not reject them altogether. Halvard Skrubstad is repeatedly compared to Cain (directly and indirectly) and Judas.

The scene of Kristine Skrubstad's trial discusses the circumstances of her husband's and nephew's deaths, presents the testimony of witnesses, and the lawyer and the prosecutor make repeated references to the defendant's moral character.

This work also heavily emphasizes the themes of sin and atonement that are typical of the author overall. Guilt over killing his son torments Halvard and undermines his health; an accusation made in the courtroom results in the character's death from a seizure. Hansen notes that although the murderer escapes the judgment of man, the judgment of God is inevitable.

Therefore, *Jutulskoppen* can be considered Hansen's first detective novel. The mystical aspect is still quite present; it shows itself in natural imagery, a string of unexpected reincarnations, ominous premonitions, and "non-random" accidents.

In *Mordet på Maskinbygger Roolfsen*, the writer completely rejects Gothic traditions and instead uses the motif of domestic homicide as the foundation for illustrating current societal issues. As soon as it was published, the novel became a literary and historical sensation and, according to W. Dahl, it is "one of the front-runners vying to be recognized as the first detective fiction ever written!" [Dahl, 1981, s. 42].

The author deceives the reader by effectively demonstrating that the Haitler family had both the motive and the opportunity to get rid of the engine maker. The innkeeper manages the money that his brother left to his minor daughter Karine. He and his wife mistreat the young girl, but when their son, a harsh and violent debaucher, falls in love with her, they plan to profit from the relationship. By marrying his cousin, Kjell would receive her money and the house where his family has resided for a decade, but the girl could not bring herself to marry. The arrival of Roolfsen, a handsome young man, severely devastates their plan, as Karine quickly becomes his fiancée. A year after the engagement, Roolfsen requests that the Haitlers return Karine's inheritance. This sparks a squabble between Roolfsen and Karine's guardians, and their son openly pledges to assassinate the opponent. However, soon after the argument, the engine maker is graciously asked to a family dinner, following which he disappears. Numerous witnesses claim to have seen Kjell follow his guest out of the house with a rifle in his hands.

The investigation gets complicated when Kjell confesses to the murder, but Judge Barth does not believe he is guilty, as there is reason to suspect the hauptmann of manipulating evidence and murder. He succeeded in having a commission of inquiry set up to investigate the crime. The scene of the trial of the city's head is a "false climax" of the story: the hauptmann offers evidence confirming his innocence. It is a letter from Roolfsen, in

which he says that he broke up with his fiancée and moved to Germany where he had been offered a good position. The letter is in poor condition, indicating that it was misplaced and delivered late. To the great regret of the commission, the first page of the letter is so badly spoiled that it has been rendered unreadable. The second letter, written in Swedish and attached to the first, states that the letter with the hauptmann's address was discovered during the property registration process in the dead innkeeper's residence and Halin's post office. According to the letter, its author, Roofsen, stayed at the late innkeeper's last spring on his way to Germany. He reportedly left a letter for the owner the night before he departed, and the owner agreed to register and send it. However, being quite a careless elderly man, he forgot about the letter, which was found after his death in poor condition and dispatched right away to the designated address. The letter was thus delayed by ten months.

Hauptmann is unanimously found not guilty. Nevertheless, with the help of chemicals, Barth and his friend, pharmacist Lepin, manage to restore the spoiled part of the letter, and it is revealed that the hauptmann, Karine's secret lover, wanted to kill Roofsen, so he beat him up and, considering him dead, threw him down a well. While the hauptmann was giving orders to fill the well, the engine maker, who survived the fall, escaped and hurriedly fled the city out of fear for his life.

This novel lacks the satisfying conclusion typical of detective fiction, though. Judge Barth does not reveal the offender's identity after discovering the truth. Instead, he strikes a deal with him. Contrary to the reader's expectations, the judge is not inspired by the surprise triumph; on the contrary, he is discouraged: "Steel bands appeared to be squeezing his chest" [Hansen, 1996, s. 72]. Barth and the hauptmann are rivals. The author demonstrates this as early as the first scene of the story, while presenting the characters and pitting them against one other. The noble detective is opposed to the wicked murderer, who will inevitably be exposed. This adds to the storyline, making it tenser and more thrilling. However, at a certain point, this confrontation ceases to be significant: although they battle for power in the city and have different views on how to use it, both heroes inhabit the same social niche. They both belong to the upper class and differ only in moral values. Judge Barth is aware that the hauptmann's crime will not be punished. Lepin, a pharmacist and a friend of Barth's, states unequivocally that the law is always loyal to a person of great social standing.

Barth, having solved the crime, does not accuse the offender, but withholds the truth from the commission. This not only enables him to maintain his position and safeguard himself from the hauptmann's retaliation, but also transforms him into a "gray eminence" by giving him the chance to manipulate the mayor and keep him under control using his terrible secret: the adviser attempted to kill Roolfsen, and only a stroke of luck kept the latter alive.

Thus, the judge actually pursues his own selfish goals, and his moral character is far from flawless. Barth's words addressed to the hauptmann: *måtte delta i neste servering* 'I had to take part', demonstrate an extreme rejection of the situation, but he still must correspond to his social group. The author emphasizes that the hero is not happy with the victory — in fact, he becomes an accomplice to the crime that breaks Kjell's life, Roolfsen barely survives, and Karine dies in agony. Judge Barth is fully aware that changing the existing way of life is impossible, but he can nevertheless benefit from this situation. The novel's finale is pessimistic: the criminal does not receive the punishment he deserves, and the seemingly noble hero exhibits character weakness and an unwillingness to defend his beliefs. The writer's tragical worldview becomes central to his perception of reality.

Thus, we have identified four primary criminal motives in Hansen's writings:

- 1) Greed and the desire to improve one's social standing (*Keadan, eller Klosterruinen, Jutulskoppen*).
- 2) Unreturned passion (*Den gale Christian*).
- 3) Need to conceal something, usually a moral decline (*Novellen, Mordet på Maskinbygger Roolfsen*).
- 4) Revenge for oneself (*Den myrdede brudgom*).

But in Hansen's writing, love and passion are frequently inextricably linked to social aspirations. One of the major themes of his works is the formation of moral character. The characters created by Hansen have a deep-seated mental dualism. He believes that the formation of the spiritual and moral nature is filled with blunders, humiliation, and moral fall. Hansen repeatedly demonstrates how crucial it is to consider the implications of your choices and behave responsibly in order to avoid reckoning in the future. The "mistake of youth" is frequently the focal point of the story and has a lasting impact on the protagonist as well as

the fate of their loved ones. The author avoids monotonous portrayal of criminals: Christian and Froken Sars, who are suffering the consequences of their crimes, but are too afraid to confess, go insane; Halvard Skrubstad becomes seriously ill because of remorse, and when he is publicly accused of murder, he cannot bear it and dies; Malene seems fine at first, yet she struggles to feel at ease.

The literary developments occurring in Scandinavia at the time have a considerable impact on Hansen's creative process. His representations of reality shift as a consequence, his interest in folklore and mysticism is replaced by one in current society's everyday lives, as well as severe social, moral, and ethical problems. The distinct religious pathos of his early works is replaced by a critical view of modernity, inevitably leading to the emergence of a new type of hero whose nature is determined by the surroundings and environment, while the narrative becomes more psychologizing. The themes of mistrust between close people, the corruption of the ruling class, the oppressed position of the people, and the inability to escape from social oppression take on a new significance. Hansen's fascination with the ordinary, private lives of common people and his explorations of the new sphere drive him to seek new artistic research tools. The motif of crime investigation aids the writer in creating a vivid and accurate picture of contemporary Norwegian society while also making his narratives more entertaining and highlighting inconsistencies, since crime serves as a lens that allows to clearly see the divided society.

REFERENCES

- Agger G. Den historiske krimi: Dorph/Pasternak, Staalesen og Ekman. "*Literature and law*": *Culture and Literature of the Scandinavian Nations in International and Interdisciplinary Perspective*. Ed. by A. Cimдина, I. Orehovs. Riga: Acta Universitatis Latviensis, 2014. S. 32–42.
- Aarseth A. *Episke strukturer: innføring i anvendt fortellingsteori*. Oslo: Universitetsforlaget, 1976. 241 s.
- Dahl W. *Dødens fortellere. Den norske kriminal- og spenningslitteraturens historie*. Bergen: Eide forlag, 1993. 235 s.
- Dahl W. *Norges litteratur: Tid og tekst 1814–1884*. Oslo: Aschehoug, 1981. 340 s.
- Elster E. Mauritz Hansen, vår første novelist. *Vinterboka*. Red. Herman Wildenvey. Oslo: Filmjournalen, 1943. 176 s.
- Hansen M. C. *Keadan eller Klosterruinen. Maurits Hansen: fortællinger*. Bergen: J. W. Eide forlag, 1969. 167 s.

- Hansen M. C. *Mordet på maskinbygger Roolfsen. kriminalanekdote fra Kongsberg*. Oslo: Gyldendal, 1996. 115 s.
- Omdal G. K. *Grenseerfaringer: Fantastisk litteratur i Norge og omegn*. Bergen: Fagbokforlaget, 2010. 236 s.
- Tysdahl B. *Maurits Hansens fortellerkunst*. Oslo: Aschehoug, 1988. 198 s.

Виктория Пешкова

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

**У ИСТОКОВ НОРВЕЖСКОГО ДЕТЕКТИВА:
МОТИВ УБИЙСТВА В ПРОЗЕ М. К. ХАНСЕНА**

Для цитирования: Peshkova V. At the origins of the Norwegian detective: Murder in Maurits Christopher Hansen's prose // Скандинавская филология. 2023. Т. 21. Вып. 2. С. 336–349. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.209>

В данной статье рассматривается функция мотива убийства в прозе М. К. Хансена. Показано, что он тесно связан с поисками писателем новых средств изображения действительности, с его желанием изобразить частную жизнь простых норвежцев и показать путь нравственного развития или, напротив, деградации героев. Мотив убийства выступает важным сюжетобразующим средством и нередко связан с мотивом безумия как расплаты за совершенное преступление. Прослеживается, как на смену ярко выраженному религиозному пафосу ранней прозы («Безумный Кристиан», «Кеадан, или Монастырские руины», «Новелла», «Убитый жених») приходит критическое осмысление современности, что неизбежно приводит к появлению нового типа героя, характер которого определен средой и окружением, усиливается психологизм повествования, а тема нравственного возрождения человека сменяется интересом к повседневности («Гора троллей» и «Убийство механика Рольфсена»). Для творчества Хансена этого периода характерно трагическое мировосприятие. Писатель больше не верит в возможность нравственного возрождения человека. Любовь, по его мнению, подменяется выгодой и тщеславными интересами, а подлинное чувство обречено на гибель. Новое звучание приобретают темы недоверия между близкими людьми, коррумпированности правящих классов, угнетенного положения народа и невозможности вырваться из-под социального гнета. Выявляется, что интерес к повседневности и частной жизни простого человека связаны у Хансена с поиском инструментов ее художественного исследования, а мотив убийства и расследования преступления помогает писателю создать колоритное и достоверное полотно современного норвежского общества и добавить повествованию занимательности.

Ключевые слова: М. К. Хансен, детектив, мотив убийства, новелла, роман.

Victoria Peshkova

PhD in Philology, Senior Researcher,

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,

25a, Povarskaya ul., Moscow, 121069, Russian Federation

E-mail: stellavictory2106@gmail.com

Пешкова Виктория Вячеславовна

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Российская Федерация, 121069, Москва, ул. Поварская, 25а
E-mail: stellavictory2106@gmail.com

Received: June 1, 2023

Accepted: June 19, 2023

УДК 821.113.6

Любовь Сазонова

Санкт-Петербургский государственный университет

**ЭДИТ СЁДЕРГРАН В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ. ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ
В ЧЕРНОЙ КОЛЕНКОРОВОЙ ОБЛОЖКЕ — СЕМЬ СТИХОТВОРЕНИЙ
ГИМНАЗИСТКИ. IN MEMORIAM ЭДИТ СЁДЕРГРАН (1892–1923)**

Для цитирования: Сазонова Л. Ю. Эдит Сёдергран в Санкт-Петербурге. Из записной книжки в черной коленкоровой обложке — семь стихотворений гимназистки. In memoriam Эдит Сёдергран (1892–1923) // Скандинавская филология. 2023. Т. 21. Вып. 2. С. 350–373.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.210>

В статье рассматривается раннее творчество выдающегося шведского поэта Финляндии, представителя модернизма Эдит Сёдергран, которая родилась и училась в Санкт-Петербурге. В профессиональной деятельности Сёдергран писала на шведском языке и печаталась в Гельсингфорсе, но ее первые стихи созданы на нескольких языках: немецком, шведском, французском и русском — в гимназический период, в 1907–1909 гг., и при жизни напечатаны не были. На примере семи стихотворений из записной книжки гимназического периода — «Коленкоровой тетради», написанных на немецком, французском и шведском языках, показано использование различных поэтических приемов, образность поэтической речи и тонкий лиризм. Стихотворения в предлагаемой подборке написаны в разных системах стихосложения. Высказывается предположение, что часть стихотворений носит тренировочный характер, связанный с программой гимназии. Несмотря на неоднородность первых стихотворных опытов, в них отчетливо проявляется способность Сёдергран передавать яркость и объемность изображений, рисовать в стихах выразительные динамичные картины, давать им эмоциональную окраску. Это убедительно подтверждают стихи, посвященные ее родному городу — Санкт-Петербургу, который способствовал развитию художественного вкуса Сёдергран, а также примеры на шведском языке, который дал свободу ее поэтическому слогу.

Ключевые слова: Эдит Сёдергран, гимназистка, поэт, Главное немецкое училище Св. Петра, Петришule, *Коленкоровая тетрадь*, юношеские стихотворения, Санкт-Петербург конца XIX — начала XX в.

*Ofta, ofta tackade vi Gud tillsammans att vi
icke bodde i H:fors. Nu har jag gjort det och gör
det än.*

‘Часто, часто мы вместе благодарили Бога за то, что живем не в Гельсингфорсе. И сейчас я так делаю и буду делать’¹.

Из письма Елены Сёдергран — матери Эдит Сёдергран — ближайшей подруге дочери литературному критику Хагар Ульсон, 2 февраля 1928 г.

Архив Шведского литературного общества в Финляндии, SLSA774

Pro captu lectoria habent sua fata libelli.

‘Имеют свою судьбу книжечки в зависимости от восприятия.’

Из ”*De litteris, de syllabis, de metris Horatii*”
Теренциана Мавра

Образ Эдит Сёдергран в литературоведении значителен и всесторонне разработан². Как правило, исследователей она привлекает как профессиональный поэт-модернист и новатор. Однако гимназическая лирика Сёдергран петербургского периода, которая составляет более половины всего сохранившегося стихотворного наследия, но автором не была предназначена для печати, основательно изучалась немногими. Здесь следует отметить, что школьники в России часто тренировались в версификации и записывали свои первые поэтические опыты: к примеру, одновременно с Эдит Сёдергран в 1907–1909-х гг. писала «поэтический дневник» ее ровесница Марина Цветаева. В отличие от Сёдергран Марина Ивановна издала свой «Вечерний альбом» не откладывая — в 1910 г.³ Гимназическая лирика Эдит Сёдергран сохранилась лишь благо-

¹ Здесь и далее все переводы сделаны автором статьи.

² На русском языке о Сёдергран писал доктор филологических наук руководитель сектора литературы Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН Эйно Генрихович Карху: «Финская лирика XX века» (Петрозаводск: Карелия, 1984); «История литературы Финляндии, XX век» (Л.: Наука, 1990). Выражаю благодарность коллегам, которые указали мне на работы Э. Карху, и особенно Елене Дорофеевой из издательства «Городец», которая в кратчайший срок снабдила меня книгами.

³ 111 стихотворений, тираж 500 экз. Дебют Эдит Сёдергран в печати состоялся несколько раньше: в сентябре 1909 г. в финском молодежном журна-

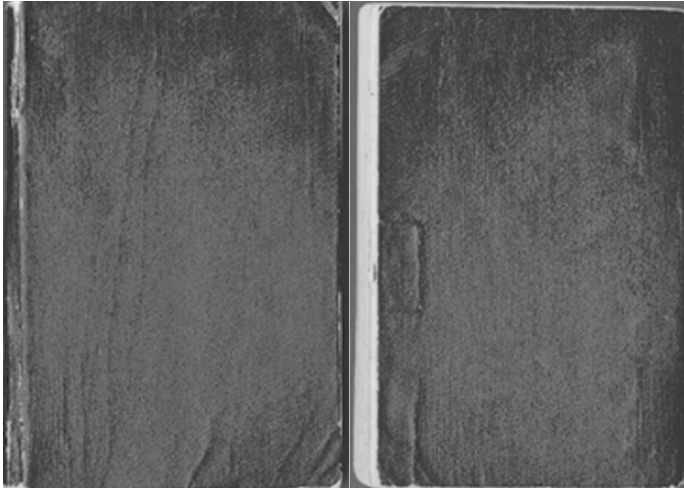

Рис. 1. *Vaxdukshäftet* («Коленкоровая тетрадь») — записная книжка Эдит Сёдергран в черной коленкоровой обложке, лицевая и оборотная сторона. Архив Шведского литературного общества Финляндии, SLSA 566

даря тому, что ее матери — Елене Сёдергран — удалось сберечь записную книжку, в то время как Эдит уничтожила в огне оставшиеся нам неизвестными произведения и письма.

Самый первый материал о записной книжке юной Сёдергран, «Ранняя поэзия Эдит Сёдергран» (*Edith Södergranin inlapsuudenpöytäkirja*), был напечатан на финском языке в журнале «Молодая Финляндия» (*Nuori Suomi*) в 1938 г. Пааво Таласмаа (Дальманом), который готовил его на основе услышанного им лично от ее матери. После него литературоведы Гуннар Тидестрём из Швеции и Улоф Энкель из Финляндии открыли тему ранней лирики Сёдергран в науке, причем последний полностью расшифровал содержание записной книжки и опубликовал ее в 1961 г. в работе *Edith Södergrans dikter 1907–1909. Första och andra häftet* («Стихотворения Эдит Сёдергран 1907–1909-х гг. Первая и вторая тетради») со своими обширными комментариями (рис. 1).

ле *Värbrytning* («Пробуждение весны») было напечатано одно стихотворение *Hoppet* («Надежда»).

Принятое в настоящее время название *vaxdukshäftet* ('клеенчатая/вошенная/коленкоровая тетрадь') этой черной записной книжке дал именно Улоф Энкель [Edith Södergrans dikter 1907–1909..., 1961, s. 15]. В ней, согласно его счету, записано 238 стихотворений и стихотворных отрывков. Ученые отмечают безусловную важность книжки: Гуннар Тидестрём оценивал ее содержание как материал, представляющий значительный интерес, в том числе с точки зрения психоэмоционального состояния и обстоятельств жизни Сёдергран. Улоф Энкель, в свою очередь, отмечал, что гимназическая тетрадка, где есть стихи на четырех языках, при ее внимательном изучении дает понимание того, как рождалось *den finlandssvenska litteraturens mest uppseendeväckande prestation efter Runeberg* ('самое значительное явление в истории шведской литературы Финляндии со времен Рунеберга') [Edith Södergrans dikter 1907–1909..., 1961, s. 14].

Через 36 лет после Улофа Энкеля шведский литературовед профессор Эбба Витт-Браттстрём частично переиздала юношеские стихи Сёдергран, сделав собственную подборку из ее записной книжки с переводами, выполненными несколькими авторами с немецкого, французского и русского языков на шведский [Södergran, 1997]. Витт-Браттстрём обоснованно отмечает, что в гимназической лирике Сёдергран присутствуют темы, которые будут более полно раскрыты в ее зрелом творчестве — поэт и поэзия, жизнь и смерть, поэтическое «я» и др. [Witt-Brattström, 1997, s. 10]. Но и советский литературовед Эйно Карху, затронувший тему юношеской лирики в своей работе, посвященной Эдит Сёдергран, также отмечал в ее первых стихотворных опытах «нечто такое, что потом разрабатывалось ею в характерно экспрессионистском плане» [Карху, 1990, с. 319]. Эва Стрём в предисловии к изданию наследия Сёдергран справедливо подчеркнула, что юная Эдит, живя в Санкт-Петербурге, как художник тонко чувствующий, не могла не улавливать как западноевропейские, так и русские литературно-художественные «импульсы» [Södergran, 2018, s. 1] и могла познакомиться с новыми приемами версификации. Довольно подробно о литературной обстановке в России первого десятилетия XX в., современной для гимназического периода Сёдергран, и возможном круге ее чтения писал Эрнст Бруннер [Brunner, 1985, s. 20f., 53f.]. Ряд ученых уделяли внимание разбору отдельных произведе-

дений юношеского цикла Сёдергран, в том числе исследователей привлекало единственное стихотворение на русском языке «Тихо, тихо, тихо», написанное летом 1907 г. [Crnković, 2018], и приводили параллели с русскими поэтами-символистами Блоком и Брюсовым. Большинство исследователей отмечают подражательность ранней поэзии Сёдергран и выделяют небольшой цикл из двух десятков стихотворений, имеющих, по их мнению, идейную окрашенность, поскольку записи в книжке частично совпадают с революционными 1905–1907 гг.

В статье на примере семи стихотворений сделана попытка показать становление Эдит Сёдергран как самостоятельного поэта в Санкт-Петербурге вне политики. Оригинал записной книжечки в коленкоровой обложке — далее «Коленкоровая тетрадь» — в настоящее время находится в Финляндии в архиве Шведского литературного общества и доступен каждому — исследователь может самостоятельно ее увидеть, прочесть и оценить. Тем не менее некоторые технические данные и стихотворения здесь приводятся на основе вышеупомянутого исследования Улофа Энкеля. В работе использованы материалы, хранящиеся в музее Петришуле, и материалы архива Шведского литературного общества в Финляндии.

В развитии мысли Улофа Энкеля о «рождении явления» следует учитывать, что появление уникального поэта имело начало в Санкт-Петербурге и в петербургской гимназии (рис. 2).

В женской гимназии Главного училища Св. Петра — Петришуле, где с 1902/1903 учебного года училась Эдит, преподавание происходило на немецком языке. Но поскольку Петришуле, оставаясь школой немецкого прихода, была гимназией государственной, в ней преподавали предметы по программе, утвержденной для всех государственных гимназий империи, и в том числе, кроме немецкого, другие новые языки: французский, английский и, конечно, русский. В «Коленкоровой тетради» есть стихи на нескольких языках, из них на русском — только одно (рис. 3).

«*Ich weiss nicht, in wessen Sprache schreiben*» ('Не знаю я, на чьем мне языке писать'), — так размышляла Эдит в стихотворении, записанном 2 сентября 1908 г., и все же для своих первых опытов в «Коленкоровой тетради» в январе 1907 г. предпочла немецкий. Сёдергран считала, что немецкий знает лучше всего: *Tyskan är mitt*

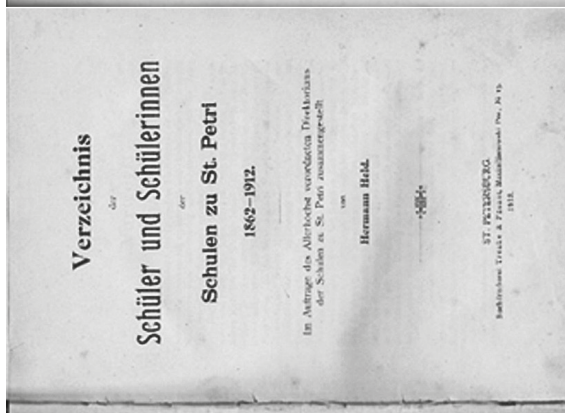

Рис. 2. Слева — брошюра, составленная Германом Гельдом, выпускником Петришуле 1893 г. и преподавателем древних языков там же в 1911–1918-х гг., издана в Санкт-Петербурге в 1913 г.; в центре — списки учеников и учениц, обучавшихся в Петришуле в 1862–1912-х гг., Эдит Сёдергран — на странице 361, левый столбец, строка 13; справа — выпускное кольцо с девизом *diligentiae et probitatis* (усердно и честно). Фотография автора

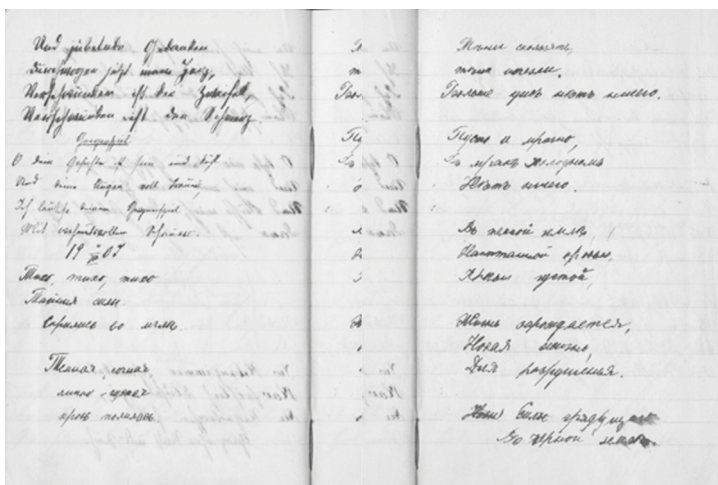

Рис. 3. Две страницы из «Коленкоровой тетради» с единственным стихотворением на русском языке «Тихо, тихо, тихо», записанным 19 июля 1907 г. Архив Шведского литературного общества Финляндии, SLSA 566

bästa språk ('Немецкий — мой лучший язык')⁴. Правда, написано это было позже — после того как она несколько лет прожила в Швейцарии в немецкоязычной среде [Ediths brev..., 1955, s. 123]. Большинство специалистов по творчеству Сёдергран считают, что она не знала языки в совершенстве [Edith Södergrans dikter 1907–1909..., 1961, s. 27], однако интересное замечание в этой связи сделано Эйно Карху: «Все это (количество языков и качество знания. — Л. Ю.) еще не имеет прямого отношения — тем более в решающем смысле — к вопросу о том, насколько художественно значительно или незначительно творчество Сёдергран, как и для любого многоязычного писателя» [Карху, 1990, с. 318].

Далее рассматривается семь стихотворений из «Коленкоровой тетради» — четыре на немецком, одно на французском и два на шведском языке; на этих примерах показано разнообразие поэтических приемов юной Сёдергран, что, возможно, относится к гимназической программе по поэтике, а также индивидуальное умение Эдит (вероятно, связанное с природными способностями)

⁴ В письме Хагар Ульсон 16 апреля 1920 г.

создавать яркие эмоционально окрашенные произведения, которым свойственна необыкновенная образность. Выбранные стихотворения на немецком языке посвящены Петербургу — городу, который всегда вызывал у Сёдергран особые чувства и к которому она обращалась, когда давно в нем уже не жила. Перевод примеров на русский язык дан не буквальным, а эквиметрическим — насколько было возможно сохранить особенности оригинала.

Первое стихотворение из семи не датировано, но, судя по следующему за ним, написано до 19 августа 1907 г., когда Эдит уже вернулась после каникул в город — занятия в гимназии начинались 16 августа (ст. ст.). Первая строфа звучит так:

*Ich liebe die staubigen Strassen
Ich liebe die lärmende Stadt,
Ich weiss, welchen seltsamen Zauber
Ein Garten in Mauerwerk hat.*

[Edith Södergrans dikter 1907–1909..., 1961, s. 166]

‘Люблю эти пыльные улицы,
Люблю этот шумный град,
Я знаю, какие сокровища
Прячет в каменной кладке сад.’

Стихотворение относится к силлабо-тоническому способу версификации — написано амфибрахийем (U–U)⁵ и состоит из двенадцати стихов; в каждом — по три стопы; чередуются незарифмованные женские окончания в нечетных строках *Strassen — zauber* и рифмующиеся мужские — в четных *Stadt — hat*. Рифма неточная — рифмуются разные части речи. Стихотворение проникнуто спокойным лиризмом, хорошо подходит для декламации по форме, и не возникает сомнения, что оно навеяно лирикой немецких романтиков, которых изучали по программе Петришуле, и особенно Генриха Гейне, его *Buch der Lieder* («Книгой песен») 1827 г. Трехсложные размеры: дактиль, амфибрахий, анапест — достаточно нетипичны для немецкой силлаботоники [Гаспаров, 2003, с. 161], но амфибрахийем писал Гейне, например стихотворение *Ein*

---

⁵ ‘U’ — безударный и ‘-’ — ударный слог.

Fichtenbaum steht einsam, известное в переводе М. Ю. Лермонтова как «На Севере диком».

Следующее стихотворение также относится к ранней осени 1907 г. — оно датировано 21 августа 1907 г. и посвящено храму Вознесения Христова — Спасу на Крови, который стоит недалеко от Петришуле, — мимо него пролегал маршрут гимназистки в школу и из нее. Пример последней строфы:

*Die schimmernde, flimmernde Sonne
Erglänzt dann in goldiger Pracht,
Und streift die geschmacklosen Kuppeln
Mit herrlichem Golde und lacht.*

[Edith Södergrans dikter 1907–1909..., 1961, s. 167–168]

‘Пылает, мерцает светило,
Блестит как золото диск,
Скользит по лубочным главам-куполам,
Смеется с высот над людьми’.

В «Коленкоровой тетради» данное стихотворение расположено через одно с предыдущим, относится к «петербургскому циклу» и также написано трехстопным амфибрахией (U–U), что может свидетельствовать о продолжении тренировки по теме в программе. Оно длиннее предыдущего и состоит из шестнадцати стихов — четыре четырехстопника; равное число стоп в строках в целом выдержано. Как и в первом стихотворении, женские окончания использованы в нечетных стихах *Sonne* — *Kuppeln*; мужские — в четных *Pracht* — *lacht*. Как и выше, в каждой строфе зарифмованы только второй и четвертый стих.

Эдит жила достаточно далеко⁶ и каждый школьный день, по дороге в школу и домой, наблюдала и осмысливала панораму широкого Марсова поля и блеск куполов Храма Воскресения Христова, который был на ее пути, что нашло свое отражение в данном стихотворении. Одухотворенная красота Петербурга, его вечно меняющийся в зависимости от времени суток и погодных условий, красивый в своем строгом однообразии и одновременно много-

⁶ Выборгская сторона, Сампсониевский проспект, дом 18 [Edith Södergrans dikter 1907–1909..., 1961, s. 25; *Nordisk Kalender*, 1908, s. 104].

цветный лик не может оставлять равнодушным наблюдательного зрителя и постепенно способствует пробуждению эстетического и эмоционального чувства — Эдит, по всей вероятности, не была в этом исключением.

Следующее неоконченное стихотворение расположено в «Коленкоровой тетради» в той же подгруппе, что и рассмотренное выше, под датой 21 августа 1907 г., и также связано с Петербургом. В данном случае использован четырех- и пятистопный ямб (U–). В стихотворении есть внутренний ритм, соблюдается точное чередование ударений; оно звучит более жестко и динамично, чем предыдущие, написанные плавным мелодичным амфибрахием, в то же время длинные ямбические строки дают стихотворению разговорный характер — автор делится своими мыслями и намерениями. Состоит из восьми стихов — по четыре в двух строфах; окончания мужские в 1–4 стихах *ist — fließt* и женские во 2–3 *stehe — sehe*; рифма богатая, охватная ABBA.

*“Wie kühl und tief und grau die Nawa ist”,
So denk’ ich, wenn ich auf der Brücke stehe
Und lange in das dunkle Wasser sehe
Das unter mir so kühl und ruhig fließt.*

[Edith Södergrans dikter 1907–1909..., 1961, s. 176]

‘Прохладу в серой мути ток несет, —
Я мысли, стоя на мосту, читаю
И сверху долго и тоскливо наблюдаю:
Холодная Нева неспешно вдаль течет.’

Стихотворение заканчивается неожиданным планом: подойти ближе к ограждению и «скользнуть в глубину потока». В стихах Сёдергран образ реки, как правило неприветливой и пугающей, серо-зеленой, несущей мутную взвесь, не имеет ничего общего с величественным образом «державного течения» «под голубыми небесами» золотого века русской поэзии. Личное минорное настроение, возможно связанное с первыми юношескими чувствами, усиленное видом осенней Невы, придает данному стихотворению напряженный, в некоторой степени трагический характер.

Важно отметить, что в Петришеле — как и в других государственных гимназиях — изучали поэзию и основы стихосложения:

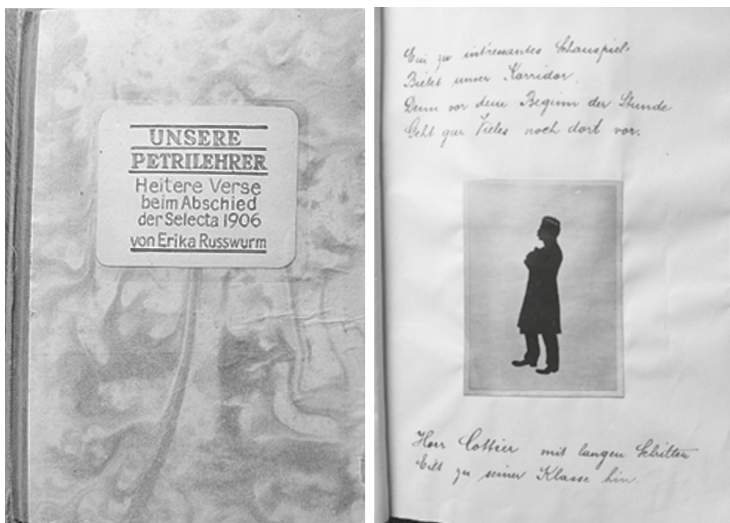

Рис. 4. Слева — рукописный стихотворный выпускной альбом *Unsere Petrilehrer. Heitere Verse beim Abschied der Selecta 1906 von Erika Russwurm* («Нашим Петри-учителям дополнительного класса *Selecta 1906 г.*») с посвящениями преподавателям Петришуле и иллюстрированный их силуэтами; справа — одна из страниц альбома: силуэт учителя французского Генриха Котье со стихотворением, ему адресованным. Музей Петришуле, Санкт-Петербург. Фотография автора

поэтику, метрику, понятие красоты (эстетическое воспитание), язык поэзии (поэтический стиль), тропы и фигуры, поэтические жанры [Edith Södergrans dikter 1907–1909..., 1961, s. 35]. Девочки учились писать стихи, декламировали на школьных вечерах, создавали поэтические альбомы (рис. 4).

Не возникает сомнения, что Эдит усердно тренировала свой урок в «Коленкоровой тетради». Ее упражнения могли быть связаны и с занятиями по стихосложению, и с курсом литературы в Петришуле, где имелась серьезная библиотека⁷ — более 10 000 томов на разных языках, из которых в женской гимназии было доступно 3500: 893 тома на немецком, 862 на русском, 294 на французском, 183 на английском [Edith Södergrans dikter 1907–1909..., 1961, s. 31].

⁷ Частично сохранилась.

Кроме того, дома Сёдерграны имели немецкие антологии [Edith Södergrans dikter 1907–1909..., 1961, s. 38; Brunner, 1985, s. 20f.]. Мы не знаем, насколько хорошо Эдит владела русским языком, но из письма матери⁸, написанного уже после ее смерти, мы узнаем, что Сёдерграны читали и русских авторов: они знали журналы московских издательств «Скорпион» и «Гриф», которые издавали как западноевропейских писателей-модернистов, так и произведения русских символистов. Ямбический метр, как в стихотворении выше, конечно, использовался не только в немецкой поэзии, но и в современной Эдит русской. У русских символистов есть много стихотворений, написанных и четырехстопным ямбом, как у Валерия Брюсова, Константина Бальмонта [Гаспаров, 2012, с. 40], и пятистопным, как у Игоря Северянина. Если говорить о подражательности, то юная Эдит могла подражать не только немецким, но и русским поэтам, знакомым ей по журналам. Живя в столице империи, она имела исключительный доступ к любой литературе — и старой и новой; анализируя образцы построения стихов на разных языках, она проверяла свои способности, экспериментируя в «Коленкоровой тетради». Приведенная в эпитафии реплика матери Эдит вполне обоснована — Петербург давал несравнимые с другими странами Европейского Севера возможности для образования и самообразования.

Следующее стихотворение, также на петербургскую тему и неоконченное, датировано 1 ноября 1907 г. (рис. 5).

И снова амфибрахий (U–U), здесь смешанный: трех- и четырехстопный. Первая строфа:

*Die fluten der Nawa sind düster und grau
Und flüstern kaltes Entsetzen,
Ich sehe vom Kaie, wie sie kriechend und kalt
Die steinernen Stufen benetzen.*

‘Нева подо мной так сера и сурова,
И ужас крадется под кожей,
У берега вижу: в студеной низи
Волны мечутся в каменных ложах’.

---

⁸ Елена Сёдергран — Хагар Ульсон. 7 февраля 1928 г. SLSA 774.

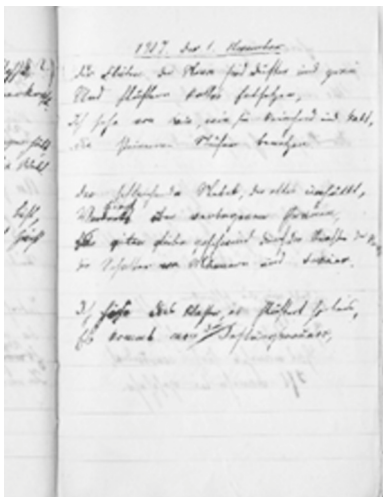

Рис. 5. Стихотворение на немецком языке *Die Fluten der Neva* («Нева»), записанное 1 ноября 1907 г. Архив Шведского литературного общества Финляндии, SLSA 566

Серая мрачная ноябрьская набережная — возможно, начинается обычное в это время года наводнение; река пошла вспять к устью, и волны катятся прочь от серых стен Петропавловской крепости, вызывая беспокойство наблюдателя, вероятнее всего, бушующей неукротимой водой, а не казематами и их обитателями. В двух законченных четверостишиях по четыре стопы амфибрахия в нечетных стихах и по три стопы в четных — движение волн передается попеременно разной длиной строк. И снова чередование мужских и женский окончаний: женские — в четных *Entsetzen* — *benetzen*; мужские — в нечетных строках *grau* — *kalt*.

Рифма богатая, но только в четных стихах. Петербург, прекрасный широтой своих просторов и одновременно грозный, когда Нева «играет в свирепом веселье», не мог не пробуждать чувствительность. Эдит удаётся удивительно точно создавать на бумаге экспрессивные образы, порой живописные, порой тревожные.

Приведенные выше примеры на немецком языке относятся к метрическому стихосложению: очень типичный двухсложный ямб (U-) и трехсложный, более редкий для немецкой поэзии, амфибрахий (U-U) — и могут действительно считаться раздражательными. На полях некоторых страничек «Коленкоровой тетради» Эдит оставила пометы “J” — ямб или “T” — трохей/хорей и цифры (рис. 6). И здесь нельзя не согласиться с Улофом Энкелем: Эдит считает слоги [Edith Södergrans dikter 1907–1909..., 1961, s. 35] и проверяет верность метрической гармонии.

Впоследствии Сёдергран отмечала, что рифмованное стихосложение — не ее предпочтение: «Att min diktning är poesi kan ingen förneka, att det är vers vill jag inte påstå. Jag har försökt bringa vissa mot-

sträviga dikter under en rytm och därvid kommit underfund med att jag besitter ordets och bildens makt endast under full frihet, d. v. s. på ryt-
mens bekostnad. Mina dikter äro att taga som vårdslösa handteckningar» («Что мое стихосложение — поэзия, никто отрицать не станет, что она метрическая — рассуждать не мне. Пытаясь обуздать брыкающиеся строки, укладываю их в размер, я сделала вывод, что владею силой слова и образа лишь при условии полной свободы, а именно: за счет метра. Относитесь к моим стихам, как к беспечным зарисовкам»)⁹.

Следующее стихотворение, написанное на вполне правильном французском языке 29 сентября 1908 г., в начале нового учебного года — к сожалению, последнего для Эдит в Петришуле, — относится к большой группе стихотворений, адресованных преподавателю Петришуле французскому подданному Генриху Котье¹⁰ (рис. 7).

Генриху Людвиговичу, человеку серьезному и хорошему педагогу, посвящали стихи многие ученицы (см. рис. 4), в «Коленкоровой тетради» ему адресовано около трети стихотворных строк. Последние четыре строки данного стихотворения звучат так:

*Elle est sainte la terre qu'à touché son pied
J'y vais lentement, la pensée occupée.*

⁹ Вступительное слово к сборнику *Septemberlyran* («Сентябрьская лира»).

¹⁰ Henri Louis Cottier (1869 (?), Париж — 1930-е, Париж) — в русском варианте Котье Генрих Людвигович и Котье Генрих Федорович. В справочнике «Весь Петербург» указано, что он занят в двух учебных заведениях: в Главном немецком училище св. Петра и в женской гимназии при этом училище. Гимназистки отмечали его своим вниманием. Жил рядом с гимназией в Аптекарском пер., 4 [Весь Петербург, 1907, с. 383].

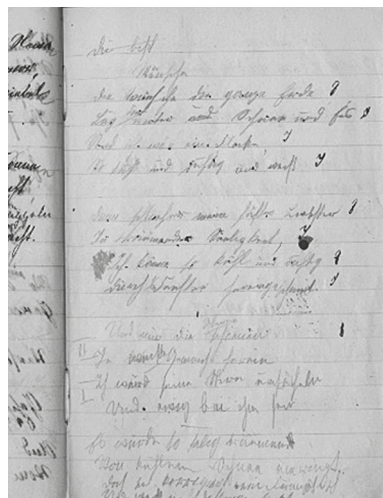

Рис. 6. Пометы J (ямб) и T (трохей-хорей), и цифры, соответствующие количеству слогов в стихе, на странице из «Коленкоровой тетради». Архив Шведского литературного общества Финляндии, SLSA 566

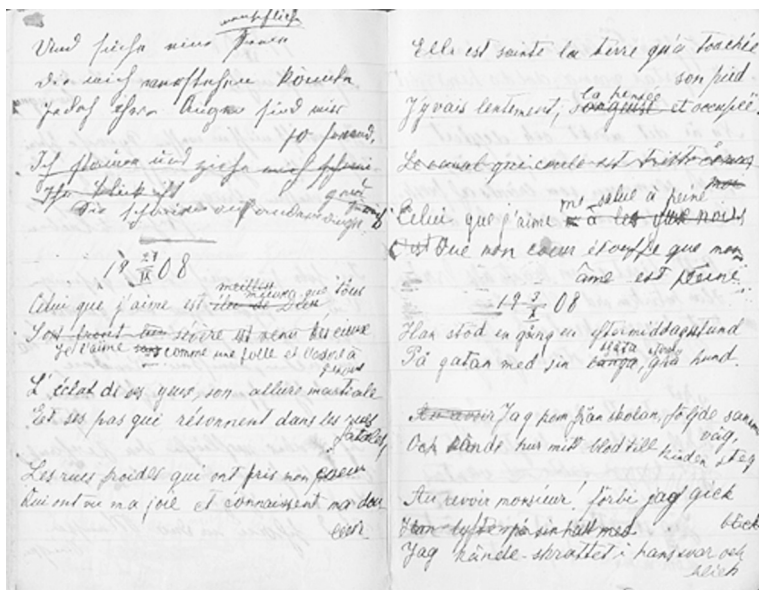

Рис. 7. Стихотворение на французском языке *Celui que j'aime* («Кто мной любим»), записанное 19 сентября 1908 г. Архив Шведского литературного общества Финляндии, SLSA 566

*Celui que j'aime me salue à peine
Que mon coeur étouffé que mon âme est pleine.*

‘По Святой земле, что стопой он касался,
Я иду не спеша, в мыслях потерялась,
Кто мной любим — меня не замечает,
А сердце так трепещет, и душа взлетает.’

Это астрофичное стихотворение, возможно, результат изучения французской изосиллабической, то есть равносложной, метрики на уроках Генриха Котье. В отличие от немецкого языка, в котором, как и в русском, возможны и существуют все пять метрических типов — двусложные ямб и хорей, трехсложные дактиль, амфибрахий, анапест, поскольку словесное ударение в этих языках подвижное, французский язык допускает только ямб и анапест, так как в нем ударение фиксировано строго на последнем слоге. Русский поэт и исследователь стихосложения XIX в. Александр

Христофорович Востоков считал, что силлабическое — по счету слогов — стихосложение и было придумано в Новое время именно в тех языках, где отсутствует неизменяемость ударений и измерение стихов по стопам технически невозможно [Востоков, 1817, с. 65–67, 27–28 (прим.)]. Эдит «пробует перо» в более свободном, не ограниченном стопами *Alexandrin*, широко распространенном во французской поэзии. В традиционном варианте это двенадцатисложный стих с цезурой после шестого, с обязательным попеременным расположением двух мужских и двух женских окончаний, с ударением на шестом и двенадцатом слоге. Веское слово помещается в конце каждого полустушия. Из особенностей этого выразительного стихотворения можно отметить то, что у Эдит длина стихов и полустуший все же разная, но парное расположение поочередно двух мужских и двух женских окончаний соблюдается.

Так, анализируя многочисленные немецкие и немногие французские примеры, можно сделать вывод, что гимназистка в целом справлялась с традиционными метрическими схемами и не выходила за их рамки. Через полтора года поэтических проб Эдит, по всей вероятности, наскучила монотония немецких метров, и она перешла на шведский. Если поразмышлять, почему происходит смена языков, одним из объяснений может быть то, что, возможно, опробованная в тетради силлабо-тоническая метрика программных немецких авторов своим требованием точности стала сдерживать уже заострившееся перо юного автора, которой хотелось большей гибкости. Свободу мог ей дать шведский язык: он не ограничивал своими образцами, поскольку Эдит еще не знала шведских поэтов. Последнее стихотворение на немецком языке записано 2 (14) сентября 1908 г. — после этой даты идет отсчет непрерывного творчества Сёдергран на шведском языке.

Далее — пример стихотворения на шведском языке, записанного 21 октября 1908 г. Его можно трактовать как акцентно-силлабические стихи, когда счет ведется и слогам, и ударениям. Написано четырех- и пятистопным ямбом (U–), где стихи длинные; ударений на ключевых по смыслу словах — три, иногда — четыре; число слогов в междударном интервале колеблется. В стихотворении 40 строк, которые разбиты на 3 неравных смысловых отрывка по 3, 29 и 9 строк. Рифма отсутствует, но есть ассонансы в окончаниях; используются аллитерации, анафора. Намеренно или нет,

тонический рисунок строк производит впечатление быстро сменяющихся кадров на сеансе в кинематографе, вызывающих чувство неожиданности, тревоги, изумления. Акцентный стих с его ослаблением метрической жесткости можно считать уверенным шагом к отказу от схематических рамок. Астрофичность в свою очередь также дает большую выразительность речи и свободу стихам. Часть стихотворения звучит так:

*Det tredje rummet har ej tak och väggar
Och växlar oavbrutet sceneriet.
Än susar granar i en vinternatt
Och månen skiner trolskt i alla grenar,
Än rusa gator fulla av trafik
Förbi, än le de brokigaste molnbilder,
Än kvittrar sparvar vid gästgiveriet
Där hästen faller havran uppå marken.*

[Edith Södergrans dikter 1907–1909..., 1961, s. 114–115]

‘Там в третьей комнате ни крыши нет, ни стенок,
Сменяются в ней постоянно виды.
То ели зашумят морозной ночью,
Луна коварно светится сквозь ветки,
То улицы вдруг явятся в движенье,
То тучи пёстрые смеются с высоты,
То воробьи чирикают в подворье,
Где лошади овес весь разбросали.’

Седьмое и последнее стихотворение, предложенное для рассмотрения, написано на шведском языке между 21 и 24 января 1908 г., на полгода ранее, чем предыдущее. В самый разгар суровой зимы Эдит вдруг вспоминает о лете. Оно также астрофично и имеет акцентно-силлабический характер. Семистрочник написан «повествовательным» пятистопным ямбом с «хвостом» из одного слога, длина стихов одинаковая — 11 слогов, кроме первой и четвертой строк, где их 13. В каждом стихе по три-четыре икта, кроме третьей строки, где их пять. Уникальна в этом контексте первая строка — в ней есть цезура, причем в левом полустушии икт формирует метр из трех ямбов, а веское слово стоит в его конце *sjö* (‘озеро’). Такой прием усиливает эффект «настройки памяти» — Эдит делает паузу-вдох для припо-

минания. Цезура есть также и в последней строке — пауза-выдох в конце длинного перечня. В стихотворении все рифмы созвучны *-er, -ar, -or*; клаузулы женские: в строках 1, 2 и 7 — долгие сонорные [n] и [m] в *stränder* ('берега'), *änder* ('дикие утки'), *hjortronblommor* ('цветы морошки'); в строках 3–6 — долгие гласные [a] в *alar* ('деревья ольхи'), *dalar* ('долы') и [e] в *stenar* ('камни'), *enar* ('кусты можжевельника'). Такие заключительные части стихов с предпоследним долгим слогом интонационно их объединяют, а начиная с третьей строки процесс припоминания набирает скорость, смежные строки с одинаковыми окончаниями переплетаются, создавая сплошной поток стихов. Эффект непрерывности, интонационного континуума, поддерживает анафора: предлог *om* ('о') повторяется в начале шести строк. Анафору, одну из любимых уже в гимназические годы стилистических фигур, Эдит не оставит и в своей зрелой лирике; этим приемом пользовались многие поэты-модернисты. Кроме того, Эдит делает стихотворение «безглагольным», используя единственный глагол *jag drömmer* ('мне снится') только один раз, усиливая таким образом эффект восприятия имени; объемность образов создают внутренние аллитерации и ассонансы. Мажорное стихотворение *Sommarminnen* («Воспоминания о лете») вызывает чувство восхищения от многообразия летних впечатлений; читается, и, возможно, было написано, на одном дыхании — в рукописи есть лишь одно исправление (рис. 8).

*Jag drömmer om en sjö med skogsbeklädda stränder,
Om vass och sand och vattensqualp och änder,
Om näckros, solsken, ormbunk, ljung och alar,
Om vilda orkideér, fukt och mörka dalar,
Om gamla båtar, musselskal och stenar,
Om branta backar, tallar, granar, enar,
Om djupa kärr med vita hjortronblommor.*

‘Мне снится озеро и изумрудный берег,
И заросли ольхи на склоне, вереск,
И шелест волн, песок, камыш, репейник,
И папоротник, сосны, можжевельник, ельник,
И солнце, поле дальше, вербейник,
И камни, утки, лодки, рак-отшельник,
И цвет морошки белый в глубине низинок’.

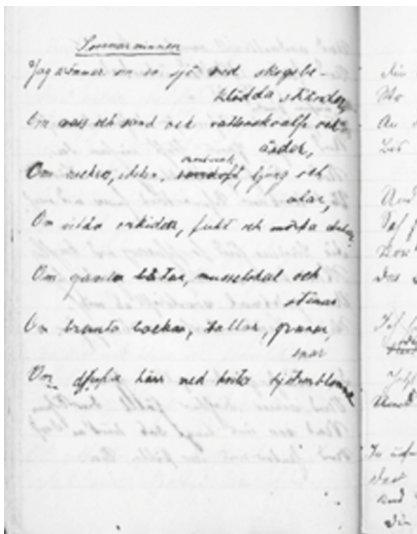

Рис. 8. Стихотворение на шведском языке *Somtarminnen* («Воспоминания о лете»), записанное в январе 1908 г. Архив Шведского литературного общества Финляндии, SLSA 566

В вышеприведенных стихотворениях на шведском, которые назвать подражательными вряд ли возможно, хорошо видно, что Эдит проявляет свою самостоятельность как поэт; видно, что она прекрасно умеет выражать индивидуальные мысли и чувства в стихотворной форме, знает принципы и приемы конвенционального стихосложения, но при этом стремится освободиться от них, изобретая собственные гибкие приемы и средства выразительности. На этой основе сформируется впоследствии ее необыкновенный стих — живость и красочность изображений, эмоциональность лирики будут характерной особенностью

стихотворения Эдит Сёдергран. Примечательно, что именно на шведском языке, во второй половине «Коленкоровой тетради», в 1908 г., Эдит Сёдергран записала свои первые верлибры. Психология творчества — когнитивные процессы и вопросы влияний или их отсутствия — темы чрезвычайно сложные и деликатные, практически неуловимые, и их невозможно корректно регистрировать и описывать, не зная от самого автора — если он знает сам, — как он обдумывал конкретное произведение, как оно к нему «пришло». И тем не менее здесь следует отметить следующее. Первый русский мастер верлибров Михаил Кузмин писал свой дебютный цикл «Александрийские песни» в 1904–1905 гг. В 1906 г. одиннадцать стихотворений этого цикла были изданы в доступном Сёдергран журнале «Весы». Отдельным изданием сборник Михаила Кузмина вышел в 1908 г. под названием «Сети. Первая книга стихов». Появление верлибров Кузмина и возможное знакомство Сёдергран со свободным стихосложением русских поэтов могло расширить

круг известных ей творческих приемов и возможностей. Елена Сёдергран всегда считала, что ее дочь «*kan icke ha influerats av den ryska modernismen — vad de äro sjuka efter ismer... — emedan hon icke kände den alls*» («не могла быть под влиянием русского модернизма — как же они больны этими «измами» — поскольку она его вовсе не знала»). Она также сообщает, что «*icke på skolbänken i den tyska kyrkoskolan... hade hon tillfälle att komma i beröring med dem*» («и на гимназической скамье в школе немецкой церкви... она не имела случая соприкоснуться с ними»)¹¹. Скорее всего, здесь речь идет не о русских печатных изданиях, которые, по словам самой Елены Сёдергран, в семье читали, а о личных встречах с русскими поэтами-современниками, которых действительно, насколько известно из существующих источников, у Эдит-гимназистки не было. Однако очевидно, что время, когда Сёдергран жила в Санкт-Петербурге и вела записи в «Коленкоровой тетради», было временем всеобщего настойчивого поиска новых стихотворных форм и приемов, а юная поэтесса жила и училась в центре этой многоцветной мятежной культурной среды и как человек интересующийся не могла не замечать произведения, отличающиеся от традиционного стихосложения.

В «Коленкоровой тетради» записаны стихи о любви, есть в ней лирические описания природы и воспевающие красоту Райволы, *Meine Heimat* («моего дома»); есть размышления о поэзии и поэтах, стихи, связанные с одноклассниками и обучением; есть рыцарские сюжеты и призраки минувшего, гимназистки-русалки, стихи рифмованные ритмизованные и верлибры. Выбор достаточно большой для того, чтобы представить потенциал будущего большого поэта. Семь стихотворений, проанализированные в статье, позволяют посмотреть глазами Эдит Сёдергран на великий город и одновременно проследить, как она вмещает разнообразные впечатления и наблюдения в традиционную метрику, изучаемую в гимназии, либо ищет новые для себя приемы выражения. Здесь уместно вспомнить цитату из работы «Очерк истории европейского стиха» Михаила Леонтьевича Гаспарова: «Читая стихи, мы никогда не воспринимаем только то, что сказано смыслом их слов, — мы всегда ощущаем также и то, что подсказано формой их метра,

---

¹¹ Елена Сёдергран — Хагар Ульсон. 2 февраля 1928 г. SLSA 774.

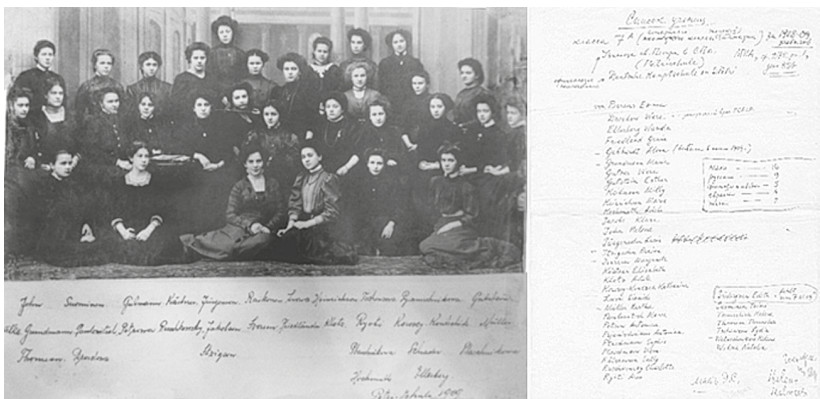

Рис. 9. Слева — выпускной класс Петришуле 1909 г., в котором училась Эдит до 7 января 1909 г. Эдит на фотографии отсутствует; автор неизвестен. Справа — список фамилий и указание на то, что Эдит Седергран выбыла 7 января 1909 г. Музей Петришуле

ритма, рифм, строф» [Гаспаров, 2003, с. 3] — за внешней неопытностью юной Седергран хорошо виден одаренный от природы тонкий и вдумчивый мастер колоритных экспрессивных образов.

Не доучившись в *Septima* — седьмом классе — полгода до выпускных экзаменов и получения аттестата, 7 января 1909 г., как известно из списка учениц, сохранившегося в музее Петришуле (рис. 9, справа), Эдит оставила учебу и вскоре уехала со своей записной книжкой в черном коленкоре из Петербурга и из России на несколько лет.

И тогда она оказалась в другом эпицентре начинающегося переворота, теперь в европейской культуре, и стала свидетелем превращения старого мира в необыкновенный мир новейших «измов» — футуризма, экспрессионизма, дадаизма — и, благодаря своей чуткой поэтической душе и уже состоявшемуся в Петербурге знакомству с многообразием поэтических форм, могла и в новой среде замечать и воспринимать все новое в искусстве. Эдит вернулась в меняющуюся Россию в 1914 г. взрослым человеком и совсем иным поэтом — готовая идти против течения. Вернувшись, она жила и творила в Райволе и в 1916 г. выпустила свой первый лирический сборник «Стихи», который вызвал недоумение, но стал началом нового этапа поэзии на шведском языке,

как написали впоследствии критики¹². С 1918 г. Эдит Сёдергран печатала свои необыкновенные красноречивые верлибры теперь в уже независимой Финляндской Республике и, как заметил Эйно Карху, принесла модернизм не только в шведский, но и в финский язык [Карху, 1990, с. 323], познакомилась с литераторами-модернистами, сотрудничала с журналом модернистов «Ультра», переводила стихотворения Игоря Северянина на шведский. Петербург она никогда не забыла, но долгое время, как и многие другие представители модернизма, была чужой и чуждой и для России, и для города, в котором родилась и открылась себе как поэт.

ЛИТЕРАТУРА

- Весь Петербург: адресная и справочная книга.* Сост., под ред. Н. И. Игнатова. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1907. 936 с.
- Востоков А. Х. *Опыт о русском стихосложении.* СПб.: Морская тип., 1817. 198 с. Режим доступа: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01002987295?page=1&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 19.05.2023).
- Гаспаров М. Л. *Очерк истории европейского стиха.* М.: Фортуна Лимитед, 2003. 272 с.
- Гаспаров М. Л. *Метр и смысл.* М.: Фортуна ЭЛ, 2012. 416 с.
- Карху Э. Г. *История литературы Финляндии, XX век.* Л.: Наука, 1990. 606 с.
- Brunner E. *Till fots genom solsystemen. En studie i Edith Södergrans expressionism.* Stockholm: Bonniers, 1985. 376 s.
- Crnković D. On the contexts of Edith Södergran's Russian poem "Tikho, tikho, tikho". *Scandinavian Philology*, 16 (2), 2018. P.323–339. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2018.209>
- Ediths brev. Brev från Edith Södergran till Hagar Olsson med kommentar av Hagar Olsson.* Stockholm: Albert Bonniers förlag, 1955. 230 s.
- Edith Södergrans dikter 1907–1909. Med en inledande kommentar av Olof Enckell. Första och andra häftet. *Skrifter utgivna av Svenska Litteratursällskapet i Finland*, 385, 1961. 285 s.
- Nordisk Kalender för året 1909 jämte Adresslista m. m. utgiven av Nordiska Föreningen i St. Petersburg.* 2:dra årgången. St. Petersburg: Robert Edgrens förlag, 1908. [4], 110, [10] s.
- Södergran E. *Samlade dikter.* Med förord av Eva Ström. Stockholm: Bonnier Pocket, 2018. 187 s.
- Södergran E. *Vaxdukshäftet: Edith Södergrans ungdomsdiktning i urval av Ebba Witt-Brattström.* Stockholm: Norstedt, 1997. 85 s.

---

¹² Гуннар Кастрён в статье «Современная культура Финляндии», газета *Hufvudstadsbladet*, 105, 19.04.1936. S. 35.

Witt-Brattström E. *Edith's jag. Edith Södergran och modernismens födelse*. Stockholm: Nordstedts, 1997. 348 s.

Статья поступила в редакцию 31 мая 2023 г.;
рекомендована к печати 7 июля 2023 г.

Lubov Sazonova

St. Petersburg State University

EDITH SÖDERGRAN IN ST. PETERSBURG. SEVEN POEMS FROM WAXCLOTH NOTEBOOK. IN MEMORIAM EDITH SÖDERGRAN (1892–1923)

For citation: Sazonova L. Yu. Edith Södergran in St. Petersburg. Seven poems from *Waxcloth Notebook*. In memoriam Edith Södergran (1892–1923). *Scandinavian Philology*, 2023, vol. 21, issue 2, pp. 350–373.

<https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.210> (In Russian)

The article deals with youth lyrics of Edith Södergran — a prominent poet-modernist of Swedish descent who was born and went to school in St. Petersburg. Edith Södergrans' professional oeuvres were written in the Swedish language and published in Finland, her earliest poems being composed in several languages: German, French, Swedish and Russian yet never published in her lifetime. It was at St Peter's School — Sankt-Petri-Schule that Edith Södergran commenced poetic exercises. *Waxcloth Notebook* from 1907–1909 — *Vaxvukshäftet* — where she recorded her first uneven, and heterogeneous in form and metrics, verses is decisive in comprehending her mature modernist lyrics of world value. The article suggests that some of the poems have a character of exercises associated with the curriculum in versification. Poetry chosen is composed in various versification systems. Analysis of seven poems from *Waxcloth Notebook* demonstrates Södergran's natural ease for drawing emphatical images and for discovering inner feelings at the same time. Her quick eye and rooted insight combined with native ability and cleverness to render colors and to bring dynamic movement or slow it down is highly convincing in verses dedicated to her native St. Petersburg in German and in her first poems in Swedish. Her unschooled talent evolved by early poetic experiments and aesthetic sense advanced by St. Petersburg prepared further transformation of Södergran as self-sustained word painter and reformer of versification in the Swedish language.

Keywords: Edith Södergran, youth poetry, poet, St. Peter's School, Sankt-Petri-Schule, *Waxcloth Notebook*, *Vaxdukhäftet*, St. Petersburg in the end of the 19th — the beginning of the 20th century.

REFERENCES

- Brunner E. *Till fots genom solsystemen. En studie i Edith Södergrans expressionism*. Stockholm: Bonniers, 1985. 376 s.
- Crnković D. On the contexts of Edith Södergran's Russian poem "Tikho, tikho, tikho". *Scandinavian Philology*, 16 (2), 2018. P.323–339. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2018.209>

- Ediths brev. Brev från Edith Södergran till Hagar Olsson med kommentar av Hagar Olsson.* Stockholm: Albert Bonniers förlag, 1955. 230 s.
- Edith Södergrans dikter 1907–1909. Med en inledande kommentar av Olof Enckell. Första och andra häftet. *Skrifter utgivna av Svenska Litteratursällskapet i Finland*, 385, 1961. 285 s.
- Gasparov M. L. *A Study on History of European verse.* Moscow: Fortuna Limited Publ., 2003. 272 p. (In Russian)
- Gasparov M. L. *Metre and meaning.* Moscow: Fortuna EL Publ., 2012. 416 p. (In Russian)
- Karhu E. G. *History of Literature of Finland, 20th century.* Leningrad: Nauka Publ., 1990. 606 p. (In Russian)
- Nordisk Kalender för året 1909 jämte Adresslista m.m. utgiven av Nordiska Föreningen i St. Petersburg.* 2:dra årgången. St. Petersburg: Robert Edgrens förlag, 1908. [4], 110, [10] s.
- Södergran E. *Samlade dikter.* Med förord av E. Ström. Stockholm: Bonnier Pocket, 2018. 187 s.
- Södergran E. *Samlade dikter.* Redigerade av Gunnar Tideström. Med inledning av Hagar Olsson. Helsingfors: Holger Schildts Förlag, 1949. 421 s.
- Södergran E. *Vaxdukshäftet: Edith Södergrans ungdomsdiktning i urval av Ebba Witt-Brattström.* Stockholm: Norstedt, 1997. 85 s.
- Vostokov A. Kh. *An Essay on Russian versification.* St. Petersburg: Morskaia tipografia Publ., 1817. 198 p. Available at: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01002987295?page=1&rotate=0&theme=white> (accessed: 19.05.2023). (In Russian)
- Ves' Peterburg. Address Book and Directory.* Ed. by N. I. Ignatov. St. Petersburg: A. S. Suvorin Publ., 1907. 936 p. (In Russian)
- Witt-Brattström E. *Edith's jag. Edith Södergran och modernismens födelse.* Stockholm: Nordstedts, 1997. 348 s.

Сазонова Любовь Юрьевна

член Ассоциации искусствоведов,
соискатель,

Санкт-Петербургский государственный университет,

Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

E-mail: luba.sazonova@gmail.com

Lubov Sazonova

Art Critics and Art Historians Association member,

External PhD Candidate,

St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: luba.sazonova@gmail.com

Received: May 31, 2023

Accepted: July 7, 2023

УДК 821.511.111+821.113.6

Елена Сойни

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН

МОТИВ ПУТИ В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТОВ ФИНЛЯНДИИ XX ВЕКА*

Для цитирования: *Сойни Е. Г.* Мотив пути в творчестве поэтов Финляндии XX века // Скандинавская филология. 2023. Т. 21. Вып. 2. С. 374–394.
<https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.211>

Мотив пути — одна из основных доминант в творчестве видных поэтов Финляндии XX в. как финнов, так и шведов. Понимание жизни как дороги роднит поэзию Эйно Лейно, Ууно Кайласа, Пааво Хаавикко, Ристо Ахти, Хели Лааксонен, Эдит Сёдергран, Эльмера Диктониуса, Ральфа Нурдгрена и др. Их позиция совпадает с творческими концепциями Александра Блока, с идеями паломничества в европейской литературе. Поэзия Финляндии XX в. встраивается в общеевропейскую линию, но в финской поэзии мотив пути существовал еще начиная с эпических песен. Причем у путешественников цели были разные — от высоких, священных, до приземленных, бытовых. В начале XX в. финские неоромантики, интересуясь историей национальной культуры, совершали частые путешествия в финскую и русскую Карелию. Начиная с 1920-х гг. поэты обращаются к образу пути как к «святой дороге призвания» (Ууно Кайлас), с которой певец не имеет права свернуть. В послевоенной поэзии движение по кругу, «туда-сюда» (Ристо Ахти) в любом случае означает движение вперед. Главное, не сесть на мель, не налететь на стену. Доминанта пути оказывается тесно сплетенной с доминантой образа дома, мотив пути — с образом времени, с жизненным циклом, биографией. Путь реальный, географический, биографичный и духовный сливаются в один, и на этом пути высокое сплетается с низким и даже низменным, макрокосм с микрокосмом. В современной финской поэзии тема пути зазвучала по-новому с разнообразными нюансами, которые порой не сочетаются друг с другом, но она по-прежнему остается актуальной и, можно сказать, основной.

Ключевые слова: поэзия Финляндии, мотив пути, жизнь-дорога, духовная биография, возвращение, дом, круг.

---

* Исследование выполнено в рамках госзадания КарНЦ РАН 2023 г. по плановой теме № 121070800089-0 «Фольклор, рукописная книжность и литература Европейского Севера: источниковедение и поэтика».

Чувство пути Александр Блок считал главным признаком таланта писателя [Блок, 1962, с. 369]. И, несомненно, в творчестве самого Блока доминанта пути «выдвигается на первый план» [Максимов, 1972, с. 27]. По словам Д. Е. Максимова, «это был не только путь, стремительное духовное развитие, реализованное прежде всего в эволюции поэтического творчества, — но и мысль пути, порождающая тему пути...» [Максимов, 1972, с. 27].

Но весь вопрос в том, что включать в идеологему пути: количество упоминаний дороги, похода, движения в творчестве или восприятие поэтом себя как скитальца и своей жизни как странничества? С древних времен уподобление человека страннику и гостю остается, по мнению видного специалиста по философии Китая В. В. Малявина, «несомненно, одним из самых глубоких, самых жизненных. Способность человека сознавать себя вечным скитальцем есть его способность вновь и вновь обновляться, искать себя, делать саму свою жизнь творчеством и, следовательно, открывать в ней неуничтожимое качество, делать ее началом новых жизней» [Малявин, 1988, с. 33].

Для финских поэтов XX в., начиная с Эйно Лейно, чувство пути было особенно характерно. В историко-литературном контексте к теме пути в поэзии Финляндии обращались Э. Г. Карху [Карху, 1990], К. Лайтинен [Laitinen, 1981], М.-Л. Невала (Kunnas) [Kunnas, 1981]. Тему паломничества в неоромантизме исследовала Э. Г. Рахимова в монографии «От “калевальских” изустных рун в неоромантической мифопоэтике Эйно Лейно» [Рахимова, 2001, с. 22–38]. Мотив пути как сквозная доминанта в поэзии Финляндии XX в. не был предметом специального анализа исследователей.

Финские неоромантики с их гипертрофированной персонификацией, безусловно, предпочитали символический образ пути как процесса самоутверждения, творческого самовыражения, самореализации. Они вкладывали в эту метафору жизни понятие духовной биографии. Такое понимание жизни как дороги, стези совпадало с творческой позицией Александра Блока. Лирический герой у Эйно Лейно всегда путник, скиталец, паломник. Сама лексика, связанная с темой пути и у Э. Лейно, обращает на себя внимание уже в названиях стихотворений: «Мой путь» (*Minun tieni*), «Иду я тропинкой лесною» (*Mä metsän polkua kuljen*), «Возвращайтесь домой» (*Tulkaa kotiin*) и др.

Д. Е. Максимов считает, что тема пути была достаточно развита в поэзии символизма и «выражалась с различной степенью интенсивности — в одних случаях почти исчезая, в других развиваясь до максимума» [Максимов, 1972, с. 27]. То же можно сказать о концепциях неоромантизма, герои неоромантиков находились в реальном пути и в состоянии перехода от рационального к иррациональному одновременно.

Мотив пути реализуется в разных жанрах, прежде всего при передаче впечатлений от приключений и путешествий. Как и мотив дома, это один из ключевых мотивов в европейской культуре, начиная от национального фольклора (поиски счастья, своей доли), от странствий Одиссея во времени и пространстве, странствий Данте в иномирных пространствах-измерениях. В финской эпической поэзии — это бегство Лемминкяйнена, путешествие фольклорных героев в поисках невесты, в «Калевале» — поход калевальцев за Сампо. Причем у путешественников цели были разные — от священных до приземленных, бытовых.

В поэзии русского символизма к реальному географическому пути и к саморазвитию лирического героя добавляется состояние перехода, связанное с идеей двоемирия. В целом в поэзии начала XX в. речь могла идти больше о странствиях души и духа. По сути, образ пути становится не только образом пространства, но и образом времени, эпохи и отзывающейся на них эхом души художника.

Финская поэзия XX в. встраивается в общеевропейскую линию. Тема пути заявляет о себе в поэзии финского неоромантизма, в творчестве финских экспрессионистов и поэтов практически всех направлений. Эта тема становится излюбленной и одной из основных.

Под темой пути можно понимать: 1) реально-географический путь по земле, воде, воздуху; 2) жизненный путь; 3) духовное развитие лирического героя; 4) состояние перехода в поэтическом сознании. Но строгая классификация вряд ли возможна. Это как любое, двухчастное или многочастное, построение, слишком приблизительное деление. Жизнь скорей склонна связывать, а не разводить полюса. Так, доминанта пути оказывается тесно сплетенной с доминантой образа дома, мотив пути — с образом времени, с жизненным циклом, биографией. Путь реальный, географический, биографичный и духовный путь сливаются в один, и на этом

пути высокое сплетается с низким и даже низменным, макрокосм с микрокосмом.

«У поэта пути биографично каждое слово, жест, поскольку он на себе исследует судьбу мира» [Сузи, 2017, с. 9], — резонно замечает финский исследователь В. Н. Сузи, что подтверждается яркими примерами из сборника *Septemberlyran* («Сентябрьская лира», 1918) Эдит Сёдергран. Именно умение парадоксально соединить в едином синтезе космическую символику и эпизоды собственной биографии вплоть до натуралистических деталей принесло известность шведоязычной финляндской поэтессе. В стихотворении «Фрагмент» Сёдергран описывает дни творения, когда «пустились в путь горы» (*Nu hava bergen stigit upp och börjat vandra*) и «в вечном движении люди соединяются с космосом» (*och bli förenta med Kosmosigen*) [Södergran, 1990, s. 84]. А рядом проносятся поезда в реально существующие города: Берлин, Париж, Лондон. На коже обнаруживаются «бактерии жизни», и возникает образ Петербурга, родного города поэтессы:

*Petersburg, Petersburg,
från dina tinnar fladdrar min
barndoms förtrollade Fana.*
[Södergran, 1990, p. 85]

‘Петербург, Петербург,
на твоих шпилях колышется волшебный
флаг моего детства’¹.

Сквозь лирическую героиню проносятся «вечные ветры» (*eviga vindar*) [Södergran, 1990, p. 85], соединяются «ритмы сердца с космическими ритмами... во время всемирного торжества-странствия» [Карху, 1990, с. 326].

В стихотворении «Пешком прошла я Солнечную систему» (*Till fots fick jag gå genom solsystemen*) из сборника «Алтарь роз» (*Rosenaltaret*, 1919) лирическая героиня, проходя по Солнечной системе, обнаруживает «где-то в космосе свое сердце» (*Någonstädes i rumden hänger mitt hjärta*), искрящееся навстречу «другим безмерным сердцам» (*till andra måttlösa hjärtan*) [Södergran, 1990, p. 101]. Одно из «безмерных сердец», несомненно, принадлежало поэту Эльмеру Диктониусу, другу и единомышленнику Сёдергран, подхватившему ее «космическую» эстафету. Поэтов связывали годы

---

¹ Здесь и далее перевод стихотворений выполнен Е. Г. Соини за исключением случаев, оговоренных особо.

переписки, оба принадлежали к направлению экспрессионизма, сотрудничали с журналом «Ультра». Сёдергран перевела на немецкий язык 12 стихотворений Диктониуса, впервые опубликованных лишь в 1984 г. Гисбертом Янике [Jänicke, 1984, s. 89–121]. Диктониус в 1920 г. откликнулся на стихотворение Сёдергран, написав о скитаниях своего сердца в космосе:

На ладони Вселенной
открытое сердце дрожит —
Это я².

[Диктониус, 1969, с. 11].

В стихотворении «Мой стих» (*Mindikt*, 1921) его герой движется среди планет, рассекая пылающую небесную твердь:

<i>nu svingar jag mig från den ena planeten till den andra genom tonande vågor genom glödande urmassa.</i>	‘...я устремляюсь от одной планеты к другой сквозь грозовые потоки, сквозь светящуюся первоматерию’.
--	---

[Diktonius, 1987, s. 9]

Лирический герой Эйно Лейно цель своего пути осознает, казалось бы, в более реальных категориях. На блоковский вопрос «Во имя?», т. е. во имя чего скитания его лирического героя, Э. Лейно мог бы ответить: «Во имя свободы».

<i>...tie on tehty, määra pantu, Vuon noustava: vapaus</i>	‘...Путь создан, цель поставлена; доберись до вершины горы: Свободы’.
--	--

[Leino, 1926, II, s. 283]

У лирического героя Лейно для достижения свободы хорош любой путь. Он примет любую дорогу: «Я шагаю двумя путями» (*Minä kuljen kuin kahta polkua*). Но все-таки поэт сравнивает дороги, дает характеристику каждой:

<i>Vie toinen se korpien tyynneyteen, Käy toisella tuulien henki. («Kahden herran palvelija»)</i>	‘Эта в дебри ведет, к покою, Та — в просторы, где властвует ветер’. («Слуга двух господ») ³
---	--

[Leino, 1926, I, s. 99]

[Лейно, 1959, с. 76]

² Перевод А. Воловика.

³ Перевод П. Жура.

Простор, где властвует ветер, оставался для Лейно более привлекательным, чем покой. Беспокойная дорога героя Лейно, как и его собственная жизнь, была часто связана с утратой, сомнениями, неожиданными поворотами. В стихотворении «Мой путь» (*Minun tieni*, 1902) свою дорогу Лейно называл дорогой блуждающего, себя — плохим проводником по этой дороге, но цель — священной: «*Henkeni on halpa, // mut pyrintöni ruhin!..*» (Душа моя ничтожна, // Но цель священна!..) [Leino, 1977, s. 166].

У Лейно путники почти всегда одиноки. В самих себе они должны искать опору, силу, знания. В такой ситуации «все зависело от личности, от ее моральной стойкости, от ее сопротивляемости злу, от ее способности внутри себя самой найти возмещение тому, что было утрачено...» [Карху, 1990, с. 124]. По пути даже к священной цели многое теряется путником:

*...mitä kodillaan
hän sai sekä unohti matkallaan.*
[Leino, 1926, II, s. 13]

‘Все то, что получил дома,
растерял по дороге’.

Любая дорога связана с утратами. Но трагедия в том, что по пути утрачивается дом. Потерю дома возместить не может ничто:

*Äsken koito kotimailla
Kuljin taasen surussain,
kun on mennyt...
(«Mennyt koti»)*
[Leino, 1926, I, s. 19]

‘Стороной я шел родною.
О, какой печальный вид:
Отчий дом утрачен мною...’⁴
[Лейно, 1959, с. 30]

У поэта мотив пути неотделим от мотива дома, а мотив бегства — от мотива возвращения. Одно без другого явно немыслимо. Все структурные деления, грани, «борозды и межи» (выражение Вяч. Иванова), «границы», «двери», «ворота» (Ууно Кайлас) скорее присущи нашему сознанию, восприятию, воображению.

Тема пути тесно связана с темой дома, прежде всего потому, что Дом (земной или небесный) — исходная, начальная и конеч-

⁴ Перевод С. Ботвинника.

ная, итоговая точка всех странствий, связанных с испытанием, избавлением от личной или родовой вины, переходом героя в иное состояние, к иному образу жизни и мыслей.

Эйно Лейно практически не имел постоянного дома, желая быть свободным от всего: вещей, общества, семьи. Но пройдя через отрицание, через прославление одинокого сильного героя, поэт особенно остро стал осознавать, что путь может оказаться ложным, обернуться бедой, если он не приведет к дому.

<i>Kaikk' elon etsijät, eksynehetkin, Tulkaa kotiin!</i>	‘Все, кто блуждает, кто ищет напрасно, — К дому, к дому!’ ⁵
«Tulkaa kotiin»	«Возвращайтесь домой!»
[Leino, 1977, s. 460]	[Поэзия Финляндии, 1980, с. 29]

Если есть дом, лучше оставаться дома, призывал поэт и явно не симпатизировал своему герою-певцу из стихотворения «Песнь неприкаянного» (*Löysäläisen laulu*, 1924). Певец-путник «напева-ет, прогуливаясь, / с улыбкой странную песню» (*hän kulkeissan / hyrälee hymysuin...*), он верит «истине, жизни и дороге», но он не хочет знать слов: «*isänmaa, kotipaikka ja Lies // poulue, perhe ja miui, // verot, verka ja ies*» [Leino, 1977, s. 463] («отчизна, очаг и застолье, // семья, сторонники, подать»⁶ [Поэзия Финляндии, 1980, с. 30]). Поэт не осуждает «неприкаянного», но и не поддерживает своего героя, задавая ему вопрос: «Кто ж ты?» (*Maan vai taivahan laps? ‘Дитя земли или неба?’*) [Leino, 1977, s. 464]. Разрушение очага обрекает героя на страдание и в результате на потерю цели и смысла пути вообще.

Уно Кайлас, прославившийся в финской поэзии как поэт-экспрессионист, занимает более четкую позицию в стихотворении «Страна холодной весны» (*Kylmän kevään maa*, 1932):

<i>Jos kansa itse huoneensa hajoittaa sen perustusta kaivaen kahtahalta, niin voiko edes Jumala auttaa sitä!</i>	‘Если народ сам разрушает свой дом, Подрывая с обеих сторон его основания, То может ли ему помочь Бог?’
[Kailas, 1933, s. 71]	

⁵ Перевод Вс. Рождественского.

⁶ Перевод Э. Шустера.

У Ууно Кайласа мотив пути — это сквозная тема всех его поэтических сборников. В стихотворении «Путь» (*Tie*, 1927) Кайлас отождествляет путь человека со стихией, с путем ветра и даже ползанием червя: «...странен путь человека». У Кайласа сам человек — это дорога. Поэт задается вечным вопросом:

<i>Ken olen? Ihminen mikä on? Pyrkimys suotta. Kaipaas lännestä itään.</i>	‘Кто я? Что есть человек? Тщетное стремление. Тоска с запада на восток.’
--	--

[Kailas, 1933, s. 34]

Тот же вопрос звучит в стихотворении Диктониуса «Мой стих» (1921): «Люди — кто мы? // Куда мы идем?» (*Människor, vad ärvi? // vartgårvi?* [Diktonius, 1987, s. 7]).

У Эйно Лейно в стихотворении «Я» (*Minä*, 1908) путь лирического героя — это несомненно путь души: «*Minä on maailman ajatus...*» («Я — это мысль мира...») [Leino, 1926, II, p. 281]. Лирический герой Кайласа мог бы сказать такой идеализированной личности Лейно: «Я — дорога под твоими шагами» [Kailas, 1933, s. 44]. В стихотворении на смерть Лейно «Красная черта» (*Punajuova*, 1926) Кайлас, ассоциируя своего знаменитого предшественника с медведем, «властелином чащи», пишет, что тот не умер в своем овраге, а «ушел родной тропой к синему морю» (*kotipolku avain hän on mennyt päin sini merta*) [Kailas, 1966, s. 106].

Развивая традицию Эйно Лейно и Эдит Сёдергран, лира которой «звучит для людей и овец / на открытой дороге» (*lyra klingarför folk och få // på öppenväg*) [Södergran, 1990, s. 175], Кайлас создает образ певца-путника, певца-паломника и песни-скитания:

<i>se on vaelluslaulu, jossa sinä itse mukana soit, («Kuoro»)</i>	‘Это песня скитания, Ты звучишь в ней сам, («Хор»)
---	--

[Kailas, 1966, s. 239]

Певец поет о дороге, и эту песню каждый считает своей.

В финале стихотворения «Моему брату» (*Veljelleni*, 1926) Кайлас вторит Лейно, что все живое — в тебе. Оба поэта размышляли

над изречением Шопенгауэра, что мир существует только в представлении индивидуума. Но интерпретация у каждого поэта была своя. У Лейно — это идеализация человека в бесчеловечном мире, одинокого человека. У Кайласа человек нуждается в поддержке, помощи, совете, но он не одинок. Каждый путник поет свою песню. И эта песня одна и та же:

*Jonakin päivänä laulat
Laulun tiestäsi, vaelluslaulun...
Toiset vaeltajat vastaavat sinulle:
— Se on meidän laulumme,
meidän tiemme laulu.
Iloitse tielläsi,
sinun on kaikki, mikä elämässä elää.
Minä, sinun polkusi,
minä tulen kaikista ajoista,
minä tulen kaikkien poistuneiden luota.*
[Kailas, 1933, s. 46–47]

‘В какой-нибудь день ты споешь
песнь о своей дороге, песню
странствия...
Другие странники скажут:
— Это наша песня, песня
нашей дороги.
Радуйся своей дороге,
все, что существует в жизни, —
в тебе.
Я твоя тропа,
я приду сквозь все времена,
я приду от всех ушедших.’

У Кайласа дорога персонифицирована. Это и стихия, и некая духовная сила, объединяющая идущих. Это время, соединяющее две бесконечности. Это, наконец, сама жизнь. И человек должен согласиться на этот путь:

*Sillä se ihminen, jota ei väkevä tulvasi
tempaa mukaansa matkalle
ikaiseen mereen,
hän on vain seisovaa vettä
ja mätänee.*
(«Elämän ylistys»)
[Kailas, 1966, s. 31]

‘Ибо тот, кого могучий поток
Не подхватит с собой в путь,
В вечное море,
Подобен стоячей загнивающей
воде.’
(«Прославление жизни»)

А потому в стихотворении «Ода паломнику» (*Vaeltajan oodi*, 1926) поэт призывает путника расправить крылья без раздумий: «*taipaleella saat tuta kaikki tunnot!*» (‘В пути познаешь все чувства!’) [Kailas, 1966, s. 69].

Для Кайласа жизнь — это дорога паломника, паломническая судьба. По мнению М. Нийнистё, Кайласу был близок мир Ветхого Завета, поэт воспринимал его «как паломничество обетован-

ного народа, вечный путь к цели» [Niinistö, 1969, s. 62]. В стихотворении «Караван» (*Karavaani*, 1926) поэт создает образ идущего племени с общим посохом — судьбой. Но цели у путников нет, как нет и конца пути. Есть пределы, вехи — «какой-либо мираж» (*jokin kangastus*). Путники сами создают мираж, чтобы продолжить путь:

<i>Tien lapsia olemme, matkaan syntyneitä,</i>	‘Мы дети дороги, для дороги
<i>karavaani-heimoa ratkellä elämän.</i>	рожденные,
<i>Ja ei tule koskaan loppua matkallemme...</i>	караванное племя в походе
[Kailas, 1966, s. 107]	по жизни
	И никогда не наступит конец
	нашему пути...’

Отсутствие цели характерно и для героев Диктониуса, они идут, «чтобы идти», летят, «чтобы лететь»: «Цель движения нам неведома»⁷ [Диктониус, 1969, с. 58] (*Hellossom går för att gå, // flyger för att flyga — // utan mål* [Diktonius, 1987, s. 426]).

Человек в поэзии Кайласа ведомый. Он направляем, порой он в оковах, кто-то всегда может закрыть на его пути ворота, поэтому помощь может прийти только от таких же, как он:

<i>Yks’, yhteinen meillä on matka ja tie...</i>	‘Одна, общая у нас дорога...
<i>tuhat vahvaa känsäistä kättä</i>	Тысяча крепких мозолистых
<i>tuhatkertainen voima on.</i>	рук —
(«Osuustoimintamarssi»)	Вот сила.’
[Kailas, 1933, s. 131–132]	(«Кооперативный марш»)

Путь лирического героя от я к мы — знак экспрессионистской поэзии, благословлявшей идею братства. Это, несомненно, новаторская черта. Позиция неоромантиков с их антагонизмом человека и общества поэтами 1920–1930-х гг., в том числе и Кайласом, не поддерживалась. Но финским неоромантикам и экспрессионистам была одинаково близка идея труда. Путники не только поют, но и «пашут», а потому путь не приведет в тупик.

В стихотворении «Шествие» (*Kulkue*, 1926) поэт создает образ идущих с завода рабочих, усталых, сгорбленных в поту и копоты. Ли-

⁷ Перевод Л. Тоома.

рический герой испытывает чувство вины, что не разделяет с ними труда, что они идут ему навстречу, а не вместе с ним. Это одно из немногих стихотворений Кайласа, которое было удостоено двух переводов на русский язык: Н. Банниковым [Поэзия Финляндии, 1962, с. 392] и Н. Булгаковой [Поэзия Финляндии, 1980]. Но в обоих случаях переводчики опускают слово «навстречу» (*vastaani*).

В «Шествии» Кайласа заметна параллель с «Фабрикой» (1903) А. Блока. Поэтический сюжет разворачивается на закате дня, когда, как гласит китайская мудрость, небосклон освещен особенно ярко.

Александр Блок. Фабрика

«Подходят люди к воротам».

«Согнуть измученные спины».

«Навалят на спину кули».

[Блок, 1960, I, с. 302]

Уно Кайлас. Шествие (*Kulkue*)

«идут со своих заводов»
(*tulevat tehtaistaan*)

«сгорбленные»
(*Selkä on painunut kumaraan*)

«у всех какой-то невидимый
тяжелый груз»
(*näkymätön raskas ois*)

[Kailas, 1966, s. 85]

Лирический герой и рабочие у Блока противопоставлены, лирический герой находится на вершине: «Я слышу все с моей вершины» [Блок, 1960, I, с. 302]. В стихотворении Кайласа у лирического героя и рабочих общая дорога. Они не проходят мимо друг друга, как неточно переведено в обоих случаях «тащатся мимо меня» [Поэзия Финляндии, 1980, с. 137]. Встреча возможна и неизбежна: «Они идут мне навстречу на вечерней заре» (*He tulevat vastaani iltaruskon aikaan*) [Kailas, 1966, s. 85]. Это встречное движение вписывается в модель от *я* к *мы* и сближает поэта с людьми труда.

Движение по кругу — это уже сюжет стихотворения «Время» (*Aika*, 1922). Круг этот заколдованный, и только через страдание за других, через любовь может быть найден путь освобождения. Ветхозаветный путь в поэзии Кайласа соединяется с христианскими идеями вины, страдания и искупления. Поэтом овладевает чувство страха, погружения в атавистическое беспокойство, известное в экзистенциализме как понятие *ангст*. Лирический герой признается, что боится смотреть на дверь, ведь могут прийти

«те, у кого нет имени» («В дверях», *Ovella*, 1931). Он жаждет выйти в путь, но не знает, где его найти.

Поэт находится у двери, через которую он уходил и приходил. Но «теперь все по-другому» (*Toisin, toisin on kaikki nyt*) [Kailas, 1966, s. 235]. От двери идут все дороги по земле обычной, знакомой, и по земле иной, неизвестной, в новый мир, в мистирию. Дверь становится границей двух миров. Но по какую сторону Спаситель?

<i>Tahdon etsiä vapahtajan...</i>	‘Хочу найти Спасителя...
<i>yli maailman kahden rajan...</i>	Через границу двух миров...
<i>Matkaan, sieluni kohtaloon! ...</i>	В путь, к судьбе души моей!...
<i>tielle, sokea, unta nähden!</i>	В путь, слепец, видящий сны!
<i>Ovi, kiertänyt ripaas oon.</i>	Дверь, я повернул твою ручку’
(« <i>Ovella</i> »)	(«В дверях»)

[Kailas, 1966, s. 237]

Поэт задается вопросом, что ему еще предстоит потерять? Но понимает, что должен преодолеть страх, должен повернуть ручку, что бы ни ожидало его за дверью. В финской критике стихотворение «В дверях», считается одним из лучших в творчестве Кайласа. Это одно из последних его произведений, эпилог. Действительно, оно многозначно и предельно искренне. Поэт останавливается в дверях потому, что отсюда, как пишет Е. Лилья, идут дороги в новый мир: «Путь, в который отправляется поэт, он называет судьбой своей души, а себя — слепцом. Сон о будущем пути очевидно таков, что он обещает состояние без ангста» [Lilja, 1972, s. 63]. Немного ранее в стихотворении «Сын короля» (*Kuninkaapoika*, 1928), посвященном Юхани Силье, Кайлас называет путь творца «святой дорогой призвания» (*Pyhä kutsumuksen-ties*) [Kailas, 1966, s. 160], а с него поэт не имеет права свернуть.

Кайласовская традиция в изображении темы пути была развита в стихотворениях Эвы-Лизы Маннер «Длинные дороги» (*Tiet ovat pitkää*, 1956), Ристо Ахти «Происходящее» (*Tapahtuminen*, 1982), в поэме Пааво Хаавикко «Двадцать и один» (*Kaksikymmentä ja yksi*, 1974) и др.

Поэма создана по модели леннротовской «Калевалы». В основе сюжета — поиски Сампо и возвращение героев домой. *Сампо*

в интерпретации Хаавикко — это монетный двор в Византии. Финны, а их двадцать один, отправившиеся по русским рекам в Византию, похищают печатный станок, но византийские корабли настигают финнов, и Сампо падает на дно Средиземного моря. Возвращение героев, почти как в «Одиссее», бесконечно во времени. Собственно, возвращение на родину — основная коллизия европейской литературы — это и центральная сюжетная линия поэмы. Вечное возвращение. По пути на родину герои рождаются и умирают, ни один из героев не возвращается домой. Сюжет поэмы Хаавикко вырос не только из «Одиссеи» и «Калевалы», но и из стихотворения Ууно Кайласа «Караван», где поэт констатировал, как уже сказано выше, что в пути поколения сменяют друг друга; тех, кто идет, сопровождает любовь к прежним поколениям, «уснувшим в объятиях земли» (*nukkuva syliin maan*) [Kailas, 1966, s. 108].

Феномен вечного возвращения изначально — атрибут дохристианского мышления. Христианство привнесло новое восприятие времени — линейное, эсхатологическое.

У Хаавикко финны путешествуют по воде — эта калевальская реминисценция (погоня за Сампо); постоянно подчеркиваются поэтом, повторяются названия русских рек Нева, Кама, Волга, упоминаются снасти, паруса, корабли. Но если в «Караване» цель пути — это просто мираж, иллюзия, то в поэме «Двадцать и один» цель весьма конкретная — похищение станка, печатающего деньги [Haavikko, 1974, s. 35].

С потерей Сампо путники теряют смысл своего пути и, самое главное, теряют дом. Как и у Кайласа, цель оказалась иллюзией, миражом. Но этот мираж — Сампо — был необходим, чтобы продолжался путь.

Можно сказать, что Хаавикко в своем поэтическом пространстве удачно использует «метод Джойса», переосмыслившего возвращение Улисса в одноименном романе. Также и Хелена Анхава воскрешает мотив гомеровской «Одиссеи».

У Хелены Анхава мужчина, отправляясь завоевывать мир, обещает вечером вернуться. И он возвращается на закате жизни сгорбленным старцем. Прошел один день, но этот день — целая жизнь. Мужчина хочет найти утешение в детях, но они выросли и разъехались, а жены финский Одиссей не замечает:

— *Lapset menivät jo, nainen sanoo.* ‘— Дети покинули дом, говорит жена.
 — *Olisit käskenyt odottamaan,* — Тебе следовало бы их удержать,
nyt on aikaa tutustua. Пришло время познакомиться.
 — *Olenhan minä, tutustu minuun.* — Но я ведь еще здесь, знакомься со
Mies ei vasta, мной.
nukkuu jo, väsynyt matkalainen. Муж не отвечает,
 [Anhava, 1973, s. 28] Он уже спит, усталый странник’.

Новый Одиссей одряб и устал. Здесь мотив пути предстает в негативном аспекте: тот, кто пустился в путешествие, — совсем не тот, кто вернется из него, и в данном случае преобразование происходит со знаком «минус». Но герои не всегда возвращаются.

Пример невозвращенца, открывающего новый мир, мы встречаем в стихотворении Хели Лааксонен *Turku — Geteborg — Halifaks — New York* («Турку — Гётеборг — Галифакс — Нью-Йорк», 2006). Героиня стихотворения Карина на океанском лайнере эмигрирует в Америку, где ее встречает жизнь по инструкции, по жесткому расписанию. Поэтесса спрашивает свою героиню:

Löysiks nime onnel? ‘Ну что, счастье свое нашла?
Viäläk soi sun kannel? Кантеле еще звучит?’
 [Laaksonen, 2006]

И получает ответ, в котором юмор уступает место безрадостному признанию в устах финской беглянки:

Kunnei soi! ‘Кантеле звучит!
Soih tu pala! ... Факел горит...
tämä tuli poltta jo sormi. этот огонь обжигает пальцы’.
 [Laaksonen, 2006]

Еще одно стихотворение, затрагивающее тему пути, принадлежит Кари Аартома «Шутка за углом» (*Nurkan takana kuje*, 2010). Поэт усаживает писателей на корабль, следующий по дороге в Ад. Стихотворение композиционно напоминает поэму шведского нобелевского лауреата Харри Мартинсона «Аниара». Путь героев «Аниары» — это путь без «цели, мысли, надежды... в никуда» [Романовская, Абрамова, 2022, с. 299]. А в стихотворении Аартома важна не цель пути, а то, что находится на корабле.

Поэт пытается придумать наиболее язвительные характеристики тем, кто успел на корабль: выпендрожник Оскар Уайльд, Эрнест Хемингуэй, Марк Твен. Среди финнов на корабле оказывается Мика Валтари, подолгу живший в Америке, писавший сценарии для Голливуда, и Пентти Саарикоски, поэт с несколько скандальной репутацией.

<i>...kumpikin mieltii omiaan matkalla Tuonelan Amerikkaan. Kiveä en näe enkä Leinoa. Cervanteskin puuttuu, huh, meinasin jo hermostua...</i>	‘...каждый думает о дороге в американскую Туонелу. Но только нет Лейно и Киви, И нет Сервантеса. А то я собирался Уже нервничать...’
---	--

[Aartoma, 2010, s. 8]

Трех писателей Аартома не помещает на корабль: Эйно Лейно, Алексиса Киви и Сервантеса. Все остальные, на его взгляд, поехали искать счастье в Америку, но эта дорога оказывается дорогой в Туонелу, в загробный мир, небытие.

У Сёдергран дорога в небытие называется «путем демонов» (*demonernas väg är en annan*) [Södergran, 1990, s.85], и этот путь, на взгляд поэтессы, другой, не тот, по которому лирическая героиня устремляется к бесконечной Вселенной, и это не «дорога в страну, которой нет» (*vägen till landet som icke är*) [Södergran, 1990, s. 186], где «идет ее возлюбленный в искристом венце» (*där går min älskade med gnistrande krona*) [Södergran, 1990, s. 186]⁸. «Путь демонов» не пересекается с дорогой «идущего в искристом венце».

В поэзии Ристо Ахти дорога — это полет. Не тропа, а небесное пространство, но не среди звезд, как у Сёдергран, а среди птиц. В стихотворении «Происходящее» (*Tapahtuminen*, 1982) поэт как бы примеряет на себя символ-образ птицы, на себя, человека, имеющего корни, родной дом, страну. По его мнению, такой человек, уезжая из дома, покупая билет «туда и обратно», подобен птице. Ведь птица, которая летает туда-сюда, всегда имеет дом. Пока она летает, дом будет построен. Как бы и птица строит (вьет гнездо), и дом сам строится, просто потому что у него есть хозяин (отсутствующая, летающая туда-сюда птица). Словом, чтобы

⁸ Перевод И. Бочкаревой.

обрести дом, надо из него уйти, приходит к парадоксальному выводу поэт, подтверждая старую мудрость, выраженную в поговорке: «Из дому не уезжать — жить не научишься»:

<i>Kun lintu lentää edestakaisin, sen pesä valmistuu tai poikanen kasvaa. ...kauempana menee vene jonnekin. Tiedän, että paluukin on jo suunniteltu...</i>	‘Если птица летает туда-сюда, она совет гнездо и её птенец подрастет.’
<i>Ajattelen, että teemme kierroksia itsemme ympärillä lähtemättä koskaan minnekään. Ajattelen tätä vielä asemalla, kun nainen kysyy: «Meno-paluu?» Ja huomaamatta sanon ääneen: «Todellisuudessa ei kuitenkaan koskaan voi palata».</i>	‘...куда-то вдаль уходит судно. Я знаю, что возвращение уже запланировано...’
	‘Я думаю, что мы идем по кругу, отправляясь куда-нибудь в дорогу. Я думаю об этом еще на вокзале, когда кассирша спрашивает: «Туда и обратно?» — и я непроизвольно громко говорю: «В действительности так невозможно».’

[Ahti, 1982, s. 15]

Герой не верит в «туда и обратно», так как это будет движение не назад, но выход на новый виток, на новое возвращение. Поэт как бы примиряет лирического героя с афоризмом Гераклита, что нельзя дважды войти в одну реку, с идеей Вечного возвращения Фридриха Ницше, мифологической парадигмой Томаса Элиота о вечном круговращении созвездий [Eliot, 1963, p. 147] и образами людей-птиц у Диктониуса, «стремящихся домой» (*djërva fåglar... / sökande sig hemåt*) [Diktonius, 1987, s. 426].

Но когда человек в своем спланированном (что важно!) движении туда-сюда, как птица, что строит гнездо, встречает другого человека, он налетает на стену, садится на мель. Здесь другой человек — это камень преткновения, но вряд ли можно рассматривать его в негативном ключе, потому что неизвестно, когда настоящему что-то происходит: когда ты строишь гнездо, двигаясь по привычке, по одному и тому же маршруту, или когда ты натыкаешься на человека.

У Ахти круговращение, движение по кругу, «туда и обратно», «туда-сюда» в любом случае означают движение вперед. Главное, не сесть на мель, не налететь на стену.

«Экологическое» сознание диктует поэтам образы, не встречавшиеся в литературе предшествующих поколений. Подобно ге-

роине Эдит Сёдерган, через которую проносится небесный поток, Ральф Нурдгрэн, пишущий по-шведски, создает образ лирического героя, отождествляющего себя с камнем, через который проходит дорога. Смысл жизни героя-камня осуществлен, герой-камень приносит пользу человечеству, открывая людям дорогу.

<i>Sedan drog de vägen.</i>	‘Потом они проложили дорогу.
<i>Igenom mig...</i>	Через меня...
<i>Nu ligger jag på varsin sida om vägen.</i>	Теперь я лежу по обе стороны
<i>Det är så jag ser mig själv.</i>	дороги.
<i>Jag har gett rum</i>	Вот так я осознаю себя.
<i>för vägen.</i>	Я дал место дороге.’

[Nordgren, 1979, s. 48]

По мнению Нурдгрэна, все движется вокруг камня, и герою, отождествляющему себя с камнем, остается быть созерцателем этого движения.

<i>Det är förbi oss allt rör sig.</i>	‘Все движется мимо нас.
<i>Vi är de fasta punkterna.</i>	Мы — начало координат.
<i>Vi är nästan allt.</i>	Мы — почти всё.’

[Nordgren, 1979, s. 50]

Мотив пути в поэзии Финляндии — тема многозначная и противоречивая. В современной финской поэзии тема пути зазвучала по-новому с разнообразными нюансами, которые порой не сочетаются друг с другом, но она по-прежнему остается актуальной и, можно сказать, основной. Это и тропа под людскими ногами, и духовная эволюция лирического героя. Само движение происходит в разных направлениях: вперед, по кругу, от *я* к *мы*, навстречу друг к другу, внутрь себя, вовне. Это движение и одного героя, и массы. Движение вверх, к божественному, и вниз. Это, пожалуй, самый сложный и многосторонний образ в финской поэзии XX в.

ЛИТЕРАТУРА

Блок А. А. Душа писателя. *Блок А. А. Собр. соч. в 8 т.* Т. 5. М.; Л.: ГИХЛ, 1962. С. 367–371.

Блок А. А. *Собр. соч. в 8 т.* Т. I. М.; Л.: ГИХЛ, 1960. 784 с.

- Диктониус Э. *Колючее пламя*. М.: Прогресс, 1969. 158 с.
- Карху Э. Г. *История литературы Финляндии. XX век*. Л.: Наука, 1990. 608 с.
- Лейно Э. *Избранное*. М.; Л.: ГИХЛ, 1959. 280 с.
- Максимов Д. Е. Идея пути в поэтическом сознании А. А. Блока. *Блоковский сборник*. Вып. II. Отв. ред. З. Г. Минц. Тарту, 1972. С. 25–121.
- Малявин В. В. В поисках традиции. *Восток — Запад. Исследования. Переводы. Публикации*. Ред.-сост. Л. Ш. Рожанский. М.: Наука, 1988. С. 33–36.
- Поэзия Финляндии*: пер. с фин. и швед. Под ред. М. Шехтера. Вст. ст. Е. Долматовского. М.: ГИХЛ, 1962. 560 с.
- Поэзия Финляндии*: пер. с фин. и швед. Сост. и послесл. Э. Г. Карху. М.: Прогресс, 1980. 384 с.
- Рахимова Э. Г. *От «Калевальских» устных рун к неоромантической мифопоэтике Эйно Лейно*. М.: Наследие, 2001. 216 с.
- Романовская И. В., Абрамова О. Г. Антиутопия в творчестве Х. Мартинсона и А. П. Платонова. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*, 19 (2), 2022. С. 291–303. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.205>
- Сузи В. Н. *Личностные начала в текстах русских авторов*. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2017. 112 с.
- Aartoma K. *Nurkan takana kuje*. Turku: Turbator, 2010. 69s.
- Ahti R. *Narkissos talvela*. Porvoo: WSOY, 1982. 54 s.
- Anhava H. *Vuorosanoja*. Helsinki: Otava, 1973. 84 s.
- Diktonius E. *Samlade dikter*. Helsingfors: Schildts, 1987. 470s.
- Eliot T.S. *Choruses from "The Rock"*. New York: Harcourt, Brace & World, 1963. Режим доступа: <https://www.poetrynook.com/poem/choruses-%C3%B4%C3%A7%C2%A3the-rock%C3%B4%C3%A7%C3%B8> (дата обращения: 23.07.2019).
- Jänicke G. *Edith Södergran. Diktare på två språk*. Helsingfors: Svenska Litteratursällskapet i Finland, 1984. 164 s.
- Haavikko P. *Kaksikymmentä ja yksi*. Helsinki: Otava, 1974. 112 s.
- Kailas U. *Punajuova*. Porvoo: WSOY, 1933. 200 s.
- Kailas U. *Runoja*. Porvoo: WSOY, 1966. 260 s.
- Kunnas M.-L. [Nevala]. *Muodon vallankumous / Modernismin tulo suomenkieliseen lyrikkaan*. Pieksämäki: Suomen kirjallisuuden seura, 1981. 218 s.
- Laaksonen H. *Sulavo*. Helsinki: Otava, 2006. 87 s.
- Laitinen K. *Suomen kirjallisuuden historia*. Helsinki: Otava, 1981. 676 s.
- Leino E. *Elämän koreus. Valikoima runoja*. Helsinki: Otava, 1977. 488 s.
- Leino E. *Kootut teokset, I–XVI*. Helsinki: Otava, 1926–30. Osa I, 1926. 416 s.
- Leino E. *Kootut teokset, I–XVI*. Helsinki: Otava, 1926–30. Osa II, 1926. 464 s.
- Lilja J. *Runoilija ja eksistenssi*. (Jyväskylä Studies in the Arts, 5). Jyväskylä: Jyväskylän yliopisto, 1972. 194 s.
- Niinistö M. Uuno Kailas. *Suomi 114, No. 2*. Helsinki: SKS, 1969. S. 50–62.
- Nordgren R. *Stensamling*. Helsingfors: Schildts, 1979. 78 s.

Södergran E. *Dikter och aforismer*. Helsingfors: Svenska Litteratursällskapet i Finland, 1990. 376 p.

Статья поступила в редакцию 28 июня 2023 г.;
рекомендована к печати 13 июля 2023 г.

Helena Soini

*Institute for Language, Literature and History
of Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences*

THE MOTIF OF THE WAY IN THE WORK OF THE POETS OF FINLAND IN THE 20TH CENTURY*

For citation: Soini H. G. The motif of the way in the work of the poets of Finland in the 20th century. *Scandinavian Philology*, 2023, vol. 21, issue 2, pp. 374–394. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.211> (In Russian)

The path motif is one of the major dominants in the works of prominent 20th-century poets of Finland, both Finnish and Swedish native speakers. Understanding life as a road is what Eino Leino shares in common with Uno Kailas, Paavo Haavikko, Risto Ahti, Heli Laaksonen, Edith Södergran, and Ralf Nordgren. Their position coincides with the creative concepts of Alexander Blok and the ideas of pilgrimage in European literature and in Kalevalian poetry. 20th-century Finnish poetry falls into all-European line. But in Finnish poetry, the path motif has existed since the epic songs: Lemminkäinen's escape, folklore heroes' journey in search of a bride, and Kalevalians' quest to recover the Sampo. Furthermore, travelers' purposes ranged from noble and holy to everyday and mundane. In the early 20th century, Finnish neo-Romanticists, referring to the history of national culture, travelled frequently to Finnish and Russian Karelia. Since the 1920s, poets have been referring to the road image as the "holy road of calling" (Uno Kailas) a singer has no right to turn away from. In post-World War II poetry, moving in a circle or "back and forth" (Risto Ahti) is, in any case, moving forward. The important thing is not to get stranded, not to run into a wall. The path dominant becomes deeply intertwined with the image of a home, as the path motif does with the image of time, life cycle, and biography. A real, geographical, biographical, and spiritual path become one, and on that path high is combined with low or even vile. In modern Finnish poetry, the path theme found a new life with different, sometimes not matching nuances, while still remaining relevant and arguably primary.

Keywords: Literature of Finland, the motif of the road, life-road, spiritual biography, return, home.

REFERENCES

- Aartoma K. *Nurkan takana kuje*. Turku: Turbator, 2010. 69 s.
Ahti R. *Narkissos talvela*. Porvoo: WSOY, 1982. 54 s.

---

* The paper was written as part of the state task assigned to the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, no. 121070800089-0 "Folklore, Handwritten Books and Literature of the European North: Source Study and Poetics".

- Anhava H. *Vuorosanoja*. Helsinki: Otava, 1973. 84 s.
- Blok A. A. A writer's Soul. In: A. A. Blok. *Sobranie sochinenii v 8 t.* Vol. 5. Moscow, Leningrad: GIKhL Publ., 1962. P.367–371. (In Russian)
- Blok A. A. *Collected Works in 8 vols.* Vol. 1. Moscow, Leningrad: GIKhL Publ., 1960. 784 p. (In Russian)
- Diktonius E. *The barbed flame*. Moscow: Progress Publ., 1969. 158 p. (In Russian)
- Diktonius E. *Samlade dikter*. Helsingfors: Schildts, 1987. 470 s.
- Eliot T. S. *Choruses from "The Rock"*. New York: Harcourt, Brace & World, 1963. Available at: <https://www.poetrynook.com/poem/choruses-%C3%B4%C3%A7%C2%A3the-rock%C3%B4%C3%A7%C3%B8> (accessed: 23.07.2019).
- Jänicke G. *Edith Södergran. Diktare på två språk*. Helsingfors: Svenska Litteratursällskapet i Finland, 1984. 164s.
- Haavikko P. *Kaksikymmentä ja yksi*. Helsinki: Otava, 1974. 112 s.
- Kailas U. *Punajuova*. Porvoo: WSOY, 1933. 200 s.
- Kailas U. *Runoja*. Porvoo: WSOY, 1966. 260 s.
- Karhu E. G. *The History of the Finnish literature of the 20th century*. Leningrad: Nauka Publ., 1990. 608 p. (In Russian)
- Kunnas M.-L. [Nevala]. *Muodon vallankumous / Modernismin tulo suomenkieliseen lyrikkan*. Pieksämäki: Suomen kirjallisuuden seura, 1981. 218 s.
- Laaksonen H. *Sulavoi*. 2006. 87 s.
- Laitinen K. *Suomen kirjallisuuden historia*. Helsinki: Otava, 1981. 676 s.
- Leino E. *Elämän koreus. Valikoima runoja*. Helsinki: Otava, 1977. 488 s.
- Leino E. *Selected works*. Moscow, Leningrad: GIKhL Publ., 1959. 280 s. (In Russian)
- Leino E. *Kootut teokset, I–XVI*, Helsinki: Otava, 1926–30. Osa I, 1926. 416 s.
- Leino E. *Kootut teokset, I–XVI*, Helsinki: Otava, 1926–30. Osa II, 1926. 464 s.
- Lilja J. *Runoilija ja eksistenssi*. (Jyväskylä Studies in the Art, 5). Jyväskylä: Jyväskylän yliopisto, 1972. 194 s.
- Maksimov D. Ie. The idea of the way in the poetic consciousness of A. A. Blok. *Blokovskii sbornik*. [Collection of Alexander Blok.] Ed. by Z. G. Mints. Tartu, 1972. Iss. II. P.25–121. (In Russian)
- Maljavin V. V. In search of traditions. *East — West. Researches. Translations. Publications*. Ed. L. Sh. Rozhanskii. Moscow: Nauka Publ., 1988. P.33–36. (In Russian)
- Niinistö M. Uuno Kailas. *Suomi*, 114 (2). Helsinki: SKS, 1969. S.50–62.
- Nordgren R. *Stensamling*. Helsingfors: Schildts, 1979. 78s.
- Poetry of Finland*: transl. from Finnish and Swedish. Ed. by M. Shekhter. Foreword by E. Dolmatovskii. Moscow: GIKhL Publ., 1962. 560 p. (In Russian)
- Poetry of Finland*: transl. from Finnish and Swedish. Comp. and afterword by E. G. Karhu. Moscow: Progress Publ., 1980. 384 p. (In Russian)
- Rahimova E. G. *From the Kaleval oral runes to the neo-romantic mythopoetics of Eino Leino*. Moscow: Nasledie Publ., 2001. 216 p. (In Russian)

- Romanovskaya I. V., Abramova O. G. Dystopia in works of Harry Martinson and Andrei Platonov. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 19 (2), 2022. P. 291–303. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.205> (In Russian)
- Suzi V. N. *The personal beginnings in the texts of Russian authors*. Petrozavodsk: Petrozavodsk University Press, 2017. 112 p. (In Russian)
- Södergran E. *Dikter och aforismer*. Helsingfors: Svenska Litteratursällskapet i Finland, 1990. 376 s.

Сойни Елена Григорьевна

доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник,
Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН,
Российская Федерация, 185910, Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11
E-mail: elenasoini@gmail.com

Helena Soini

Dr Sci. in Philology, Professor, Leading Scientist,
Institute of Language, Literature and History
of Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
11, Pushkinskaya ul., Petrozavodsk, 185910, Russian Federation
E-mail: elenasoini@gmail.com

Received: June 28, 2023

Accepted: July 5, 2023

КУЛЬТУРА И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ

УДК 811.113

Борис Жаров

Санкт-Петербургский государственный университет

СКАНДИНАВСКАЯ И НИДЕРЛАНДСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ/ЛЕНИНГРАДСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Для цитирования: Жаров Б. С. Скандинавская и нидерландская филология в Санкт-Петербургском/Ленинградском университете // Скандинавская филология. 2023. Т. 21. Вып. 2. С. 395–415.

<https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.212>

В XIX — начале XX в. в Санкт-Петербургском университете скандинавскую филологию понимали как изучение древнеисландских литературных памятников, большей частью в связи с историей России, преподавания живых языков не было. Преподавать первый скандинавский язык — шведский — и вообще активно изучать скандинавские языки стали впервые в 1935 г., норвежское отделение было открыто в 1945 г., датское — в 1947 г. Огромный вклад в научное изучение различных аспектов скандинавистики внесла научная и организационная деятельность профессора М. И. Стеблин-Каменского, опубликовавшего многочисленные работы по скандинавскому языкознанию, а также по средневековой литературе и мифологии. Именно он в 1958 г. стал инициатором создания в ЛГУ первой в стране кафедры скандинавской филологии, которой он руководил 30 лет. Основателем шведского языкознания стала С. С. Маслова-Лашанская, автор важнейших работ. В. П. Берков создал целую библиотеку своими работами по норвежскому языку, в том числе словарями. Он признан одним из крупнейших мировых лексикографов, специалистом по двуязычным словарям. Работавшие на кафедре в разные годы скандинависты внесли весомый вклад в науку. В 1972 г. было впервые открыто голландское/нидерландское отделение, которое за короткое время проявило большой научный потенциал. Профессор И. М. Михайлова, заведующая кафедрой скандинавской и нидерландской филологии, является автором многочисленных публикаций в области нидерландской лингвистики и литературоведения.

Ключевые слова: датский, шведский, норвежский, исландский, нидерландский, древнескандинавская литература, современная литература Скандинавии, Нидерландов, Бельгии.

Осенью 1935 г. первые студенты пришли на занятия по шведскому языку во «дворец Петра II» на Васильевском острове, прямо напротив Медного всадника, и в тот момент вряд ли кто-нибудь осознавал историческую важность этого события. А между тем это означало создание первого в стране специального отделения, дающего высшее университетское образование в области скандинавистики.

Университеты России ранее не имели систематического курса скандинавских языков, но это не означает, что интерес к скандинавистике полностью отсутствовал. Петербургские университетские филологи изучали историю Скандинавии, литературу и мифологию древней Скандинавии и в первую очередь древнеисландские памятники и древнеисландский язык. Примечательно, что одна из родовых саг, а именно «Эймундова сага», была впервые переведена в 1834 г. непосредственно с исландского оригинала и прокомментирована преподавателем турецкого (!) языка Санкт-Петербургского университета Осипом Ивановичем Сенковским (1800–1858), писавшим также собственные литературные произведения под псевдонимом Барон Брамбеус. Весьма неожиданно для современного читателя выглядят имена героев: Эймунд Рингович, Рагнар Агнарнович [Эймундова сага, 1834]. Позднее Федор Александрович Браун (1862–1942), профессор кафедр романо-германской филологии и истории западноевропейских литератур, а также заведующий кафедрой романо-германской филологии и несколько раз в период 1905–1918 гг. декан историко-филологического факультета Санкт-Петербургского/Петроградского университета, писал о древнескандинавских памятниках [Браун, б. г.; 1905]. Карл Фридрихович Тиандер (1873–1938), приват-доцент кафедр истории западноевропейских литератур и романо-германской филологии, также опубликовал несколько работ по этой тематике [Тиандер, б. г.; 1906]. Публикации были, очевидно, итогом их преподавательской деятельности.

Уже в советское время, в 1927–1928 гг., на филологическом факультете Ленинградского университета работал «лектор скандинавских языков» Эрик Краг (1902–1987), ставший позже профессором Университета Осло и членом Норвежской академии наук [Ливанова, 2005, с. 9–13], а в 1928–1929 гг. преподавал другой лектор скандинавских языков Мартин Петрович Йоргенсен (1883–?)

[Филологический факультет..., 2008, с. 440]. К сожалению, не удалось установить, кому они преподавали.

И вот, наконец, в 1935 г. было открыто первое специальное скандинавское отделение с основным шведским языком — в нашем университете, в нашем здании, в подразделении, которое с 1933 г. именовалось Ленинградским историко-филологско-лингвистическим институтом (ЛИФЛИ), на кафедре романо-германской филологии, которой руководил тогда профессор, позже академик Владимир Федорович Шишмарёв (1874–1957).

Представляют интерес опубликованные в 1994 г. воспоминания человека, который учился в самой первой шведской группе. «Главными для нас предметами (кроме общеобразовательных) были языки: шведский, норвежский, датский, древнеисландский, литература скандинавских стран, а также дополнительно такие языки, как немецкий, английский, латинский» [Александров-Агентов, 1994, с. 8]. Очень интересно свидетельство о большом количестве преподававшихся языков. Впрочем, в этой студенческой группе основным все-таки был шведский язык, который преподавали Вадим Владимирович Рахманов (1900–1940) и Габриэль Тропановна Купинская (1873–?). Теоретические предметы скандинавского цикла преподавал профессор Соломон Давидович Кацнельсон (1907–1985), который позже, в 1948–1950 гг., заведовал кафедрой германской филологии.

В момент преобразования ЛИФЛИ в филологический факультет в 1937 г. была создана аспирантура, в частности по специальности «Скандинавистика». Поскольку выпускников собственно скандинавского отделения еще не могло быть, в аспирантуру были приняты выпускники других отделений, в том числе с немецкого пришла Сарра Семеновна Маслоva-Лашанская (1916–1990), которая в 1941 г. защитила самую первую в стране кандидатскую диссертацию по скандинавским языкам: «Падежи косвенного объекта в скандинавских языках».

В 1940 г. состоялся первый выпуск шведского отделения. Трудно установить точно количество выпускников. Принималось тогда на каждый из трех циклов романо-германского отделения по 20–25 человек; возможно, шведский прием был меньше. Поскольку кафедра скандинавской и нидерландской филологии исчисляет свое существование с момента приема первой шведской группы,

в 1975 г. она отмечала свое 40-летие. Десять выпускников из первой группы приехали в университет из разных городов, они были счастливы увидеться друг с другом, во многих случаях впервые за 35 лет.

Спрос на специалистов по шведскому языку был огромный. Почти все они начали работать в различных учреждениях. «Мне была предложена командировка в качестве референта корреспондентского пункта ТАСС в Стокгольме. «Года на два, — сказали тогда мне, — а потом вы сможете вернуться и заняться научной работой в университете, как собирались» [Александров-Агентов, 1994, с. 12]. Вышло по-другому: автор стал дипломатом, работал под началом А. М. Коллонтай в Стокгольме всю войну, позже в аппарате МИД в Москве и впоследствии был помощником четырех руководителей СССР.

Уникальной была судьба следующей шведской группы. Осенью 1940 г. были приняты новые студенты, на их долю выпали тяжкие испытания. Едва успели они сдать экзамены за первый курс, как началась Великая Отечественная война. Занятия прекратились в ноябре–декабре 1941 г.: мужчины ушли на фронты войны, девушки переквалифицировались в медсестер в осажденном Ленинграде. Университет в феврале 1942 г. был перебазирован в Саратов, где два года существовал объединенный университет во главе с ректором ЛГУ А. А. Вознесенским. Занятия по многим специальностям были продолжены, но среди них не было шведского языка. В октябре 1944 г. университет вернулся в наш город, и сразу начались занятия на шведском отделении. Не все студенты вернулись, появилось несколько новых, но удивительно, что костяк группы сохранился. В 1948 г. состоялся выпуск поступавших в 1940 г.

Во время войны обнаружилась большая потребность страны в специалистах по скандинавским языкам. Оказались чрезвычайно важными связи со Швецией, советские войска освободили Северную Норвегию, а также датский остров Борнхольм, на котором еще около года после окончания войны находился советский гарнизон. Нужны были соответствующие переводчики. Для покрытия этой потребности в 1945 г. в ЛГУ была принята еще одна шведская группа, а также открыто норвежское отделение. В 1946 г. приняты еще одна норвежская и одна шведская. В 1947 г. открылось датское отделение. Этим группам курс истории литератур

Скандинавии (впервые в университетах России) читал профессор Владимир Григорьевич Адмони (1909–1993). А курс истории Скандинавских стран тогда начал вести и более 35 лет преподавал всем студентам-скандинавистам известный историк, профессор Игорь Павлович Шаскольский (1918–1995).

Условия, в которых учились студенты тех лет, совершенно не похожи на современные. Практически не было словарей. Доска и мел — орудия преподавателей, студенты записывали в тетради слова и учили их. Тексты были перепечатанными под копирку на машинке или сфотографированными — маленькими фотографиями, наклеенными на газетную бумагу. Как пример, можно вспомнить занятия по фонетике датского языка, которые в 1950-е гг. проходили по грамофонным записям из Дании, оригинальные пластинки надо было беречь, поэтому делалась перезапись на гибкую пластмассовую пленку, большей частью рентгеновскую с просматриваемыми изображениями костей. Когда появилась факультетская лингафонная лаборатория с первыми огромными магнитофонами с бобинами, это воспринималось как прорыв в далекое будущее.

Важно то, что при этом велась серьезная исследовательская работа преподавательского и студенческого коллектива в области скандинавистики, были опубликованы многочисленные статьи и книги преподавателей. Из обучавшихся в послевоенный период студентов некоторые были оставлены в аспирантуре и защитили кандидатские диссертации, позже часть стала докторами наук.

Кроме ЛГУ, с 1946 г. шведский язык преподавался в 1-м Ленинградском государственном педагогическом институте иностранных языков (1-й ЛГПИИЯ). Однако в 1957 г. он был присоединен к ЛГУ на правах факультета иностранных языков, потом в 1958 г. младшие курсы вошли в состав филологического факультета, а старшие завершили обучение на своем факультете. Институт за все время выпустил 70 специалистов по шведскому языку. Оттуда перешел на факультет работать преподаватель шведского языка Андрей Густавович Густавсон (1899–1990), который позже принял участие в составлении словаря [Русско-шведский словарь, 1976].

Особо следует отметить научную и организационную деятельность Михаила Ивановича Стеблин-Каменского (1903–1981). С 1945 г. он был докторантом на филологическом факультете,

в 1948 г. защитил докторскую диссертацию «Поэзия скальдов» и стал доцентом, затем профессором. В 1950 г. был назначен заведующим кафедрой германской филологии, включавшей немецкое и скандинавское отделение. В 1955 г. в состав кафедры вошло также английское отделение.

Все курсы, которые он читал, были новаторскими и впоследствии были опубликованы в виде книг. Как лектор, он обладал редким даром излагать материал просто и четко, не впадая при этом в упрощения. Человек острейшего ума, он, как мало кто, умел мгновенно пробиться сквозь дебри усложненной терминологии многих ультрасовременных теорий и увидеть их часто тривиальную или просто неверную суть и доходчиво рассказать об этом ученикам.

При всей широте научных интересов можно выделить три основных направления в его исследованиях. Во-первых, это история древнескандинавской литературы, получившая отражение в книгах: «Исландская литература» [Стеблин-Каменский, 1947], «Культура Исландии» [Стеблин-Каменский, 1967], «Мир саги» [Стеблин-Каменский, 1971], «Миф» [Стеблин-Каменский, 1976], «Историческая поэтика» [Стеблин-Каменский, 1978], «Древнескандинавская литература» [Стеблин-Каменский, 1979] и «Мир саги. Становление литературы» [Стеблин-Каменский, 1984]. Во-вторых, это теория грамматики и теория языкознания: «Грамматика норвежского языка» [Стеблин-Каменский, 1957] и «Спорное в языкознании» [Стеблин-Каменский, 1974]. В-третьих, история скандинавских языков и особенно историческая фонология: «История скандинавских языков» [Стеблин-Каменский, 1953], «Древнеисландский язык» [Стеблин-Каменский, 1955], «Очерки по диахронической фонологии скандинавских языков» [Стеблин-Каменский, 1966].

Неоценим его вклад в дело ознакомления российского читателя с миром древнескандинавской литературы. Теперь на русском языке доступны самые значительные родовые саги, королевские саги, обе Эдды, поэзия скальдов. Все переводы вышли по его инициативе, под его редакцией, с его статьями, комментариями, ряд произведений перевел он сам. Выдающийся ученый, блестящий лектор и мудрый наставник начинающих исследователей, неумолимый популяризатор древнескандинавской литературы, он был исключительно яркой и разносторонне талантливой личностью. Будучи

ученым мирового масштаба, он был избран почетным доктором Стокгольмского (1969) и Исландского (1971) университетов.

Именно М. И. Стеблин-Каменский был инициатором того, что из большой кафедры германской филологии выделилась как самостоятельная административная единица кафедра скандинавской филологии — первая кафедра скандинавистики в стране, которую он возглавлял с 1958 по 1978 г. Он собрал сильный коллектив преподавателей, созданные им традиции живы и по сей день. Было написано большое количество работ по скандинавистике, подтвердивших большой научный потенциал и педагогическое мастерство преподавателей.

Шведское отделение является старейшим из отделений кафедры, оно подготовило самое большее количество специалистов. В первые послевоенные годы преподавателями практического шведского языка работали Анна Юхановна Костина (1901–1957) и Елена Николаевна Благовещенская (1885–1961). Теоретические дисциплины наряду с практическим языком вела С. С. Маслова-Лашанская, ставшая основателем отечественного шведского языкознания. Она опубликовала помимо статей книги «Шведский язык» [Маслова-Лашанская, 1953] и «Лексикология шведского языка» [Маслова-Лашанская, 1973; 2011], защитила докторскую диссертацию «Номинация и полисемия в шведском языке». Под ее руководством и при участии нескольких преподавателей кафедры был подготовлен первый большой Русско-шведский словарь (1976). Она была также автором шведской части фразеологического словаря [Русские фразеологизмы..., 1988] и одним из составителей первого тома «Скандинавской хрестоматии» (1962). Большую работу она и еще несколько членов кафедры проделали, чтобы подготовить для московского издательства новый большой Шведско-русский словарь, но после ее кончины авторский коллектив оказался не в силах довести начатое дело до конца.

Доцент Ирина Вячеславовна Каллистова (1927–1971) преподавала практический шведский язык, публиковала статьи и защитила кандидатскую диссертацию о сложных существительных шведского языка. Она была одним из самых активных участников создания «Русско-шведского словаря». Доцент Сергей Григорьевич Халипов (1936–2011), написавший диссертацию о возвратных шведских глаголах, также участвовал в его написании. Выдающий-

ся полиглот, свободно владевший несколькими десятками языков, он, в частности, опубликовал первую книгу о валлийском языке [Халипов, 1995].

Доцент Наталия Никитична Толстая (1943–2010) защитила диссертацию о выражении будущего времени в шведском языке и опубликовала хрестоматию шведского языка [Толстая, 1986]. В соавторстве с С. С. Масловой-Лашанской она подготовила учебник шведского языка [Маслова-Лашанская, Толстая, 1981], широко используемый в вузах страны и выдержавший несколько переизданий [Маслова-Лашанская, Толстая, 1996; 2002; 2008]. В 2005 г. Н. Н. Толстая была награждена шведским Орденом Северной звезды.

Длительное время работой шведского отделения руководила доцент Анна Владимировна Савицкая (1954–2021), которая под руководством С. С. Масловой-Лашанской написала кандидатскую диссертацию по истории падежной системы шведского языка, опубликовала много пособий и статей по вопросам шведского словообразования, выступала с докладами на международных конференциях. В 2018 г. она стала лауреатом Литературной премии Шведской академии (Svenska Akademien) за продвижение шведской культуры за рубежом.

В области литературоведения активно работали и работают доцент Полина Александровна Лисовская, защитившая диссертацию по творчеству Августа Стриндберга, и доцент Наталья Александровна Пресс, написавшая в своей диссертации о произведениях Стига Дагермана. Ольга Валентиновна Костанда в составе большого коллектива работала над составлением Шведско-русского словаря [Norstedts Ryska..., 2007]. В настоящее время шведским отделением руководит историк языка Юлиана Михайловна Григорьева.

На норвежском отделении преподавателем практического языка в первых группах была Эльвира Рагнвальдовна Кнудсен-Полонская (1891–1956), фонетику преподавала Ирина Борисовна Ефремова.

Работу норвежского отделения невозможно представить без профессора Валерия Павловича Беркова (1929–2010), который почти всю жизнь с момента окончания ЛГУ в 1951 г. преподавал здесь, сначала практический норвежский, затем теоретические курсы. Его достижения в области лингвистики ошеломляют. Он

один более 30 лет работал над созданием огромного Русско-норвежского словаря, который был опубликован в трех последовательных вариантах: первом [Берков, 1987, 1998], втором [Berkov, 1994; Берков, 2011b] и самом полном третьем [Berkov, 2011]. Чтобы оценить этот титанический труд, надо знать, что словарь этот не только большой по объему включенного материала, но и во многих отношениях новаторский, указывающий пути для будущих составителей словарей разных языков. Он возглавлял также работу российско-норвежского коллектива, составившего Большой норвежско-русский словарь [Stor Norsk-Russisk..., 2003], который выдержал несколько переизданий [Stor Norsk-Russisk..., 2005, 2011; Большой норвежско-русский...; Новый большой...]. Он является, кроме того, автором «Русско-норвежского словаря крылатых слов» [Берков, 1980] и норвежской части фразеологического словаря [Русские фразеологизмы..., 1988]. Результатом теоретического осмысления процессов, происходящих в лексике, стала книга «Норвежская лексикология» [Берков, 1994, 2009, 2011a; Berkov, 1997]. Вопросам грамматики посвящены его справочник по норвежской грамматике [Берков, 2005] и контрастивная норвежско-русская грамматика, опубликованная на норвежском языке [Berkov, 1999]. Уже после кончины автора вышла его книга по истории норвежского языка [Берков, 2012].

Протекавшая все годы интенсивная научная деятельность включала очень многое. Выпустив Исландско-русский словарь [Берков, 1962], первый в истории словарь для этой пары языков, он заинтересовался областью лексикографии и написал много работ, которые вылились в докторскую диссертацию и книги «Вопросы двуязычной лексикографии (Словник)» и «Слово в двуязычном словаре» [Берков, 1973; 1977]. Позже теоретические основы составления словарей были изложены в учебнике «Двуязычная лексикография» [Берков, 1996] — первом в мировой лингвистике. Он принял участие в составлении многих словарей русского языка, а также был автором норвежской и исландской частей «Скандинавской хрестоматии» (Т. 2, 1965). В. П. Берков избран членом Норвежской академии наук, Фризской академии в Нидерландах, Российской академии естественных наук и награжден орденом «За заслуги» 1-го класса (Норвегия), орденом Дружбы (Россия), орденом Сокола (Исландия). Он стал вторым

в истории заведующим кафедрой скандинавской филологии (1978–1997).

На кафедре работали и работают другие норвегисты. Профессор Галина Васильевна Воронкова (1931–2012), защитившая кандидатскую и докторскую диссертации по норвежской фонетике, опубликовала книгу «Проблемы фонологии» [Воронкова, 1981]. Доцент Ольга Александровна Комарова написала диссертацию по грамматике норвежского языка. Доцент Александра Николаевна Ливанова защитила кандидатскую диссертацию по норвежской лексике, опубликовала несколько учебных пособий [Ливанова, Лавринайтис, 2013; Ливанова, Воробьева, 2022], приняла участие в работе над Большим норвежско-русским словарем [Stor Norsk-Russisk..., 2003]. Ирина Павловна Таратонкина защитила диссертацию о творчестве Акселя Сандемусе. Доцент Ольга Сергеевна Ермакова, защитившая кандидатскую диссертацию по творчеству норвежского писателя Каре Холта, возглавляет в настоящее время норвежское отделение и является редактором журнала «Скандинавская филология».

На датском отделении, открытом в 1947 г., первым преподавателем была Марианна Петровна Ганзен-Кожевникова (1889–1974), дочь знаменитых переводчиков скандинавской литературы А. и П. Ганзенов. Из-за отсутствия словарей и учебных пособий ей самой приходилось по ночам перепечатывать на пишущей машинке фрагменты из книг библиотеки, доставшейся ей от родителей, и только к концу своего преподавания она смогла опубликовать датские тексты в «Скандинавской хрестоматии» (Т. I, 1962). В первые годы ей помогала работавшая на почасовой основе датчанка Эстер Самуиловна Вейф (1911–1977).

Учившаяся в самой первой датской группе Ирина Петровна Куприянова стала вторым преподавателем датского языка, профессором. Она защитила кандидатскую диссертацию по творчеству Х. Понтонпидана и докторскую, посвященную датской драматургии первой половины XX в., которая была опубликована в виде монографии [Куприянова, 1979]. Она читала также курс истории скандинавской литературы всем студентам кафедры на протяжении многих лет, даже тогда, когда перешла работать на кафедру истории зарубежных литератур. Помимо многочисленных статей опубликована ее книга о литературе Скандинавии [Куприянова, 2009].

Борис Сергеевич Жаров прошел путь от ассистента до профессора, заведующего кафедрой (1997–2012), которая в 2011 г. получила новое наименование: кафедра скандинавской и нидерландской филологии. Защитив кандидатскую диссертацию по синтаксису, он опубликовал первую в стране книгу по датской фонетике [Жаров, 1969], книги по грамматике [Жаров, 1984; 2008], принял участие в создании трех словарей [Датско-русский политехнический..., 1987; Русские фразеологизмы..., 1988], причем один из них с его фонетической транскрипцией [Датско-русский словарь, 1975] переиздавался пять раз. Изучает историю датско-русских связей в области культуры [Жаров, 2011]. В последнее время исследует исландский материал [Жаров, 2018].

Доцент Елена Всеволодовна Краснова руководила кафедрой в 2012–2019 гг. Она защитила диссертацию по датской фонетике, потом стала уделять внимание в основном лексике и изучению датской культуры. Она является одним из авторов большого датско-русского словаря [Harrit, Krasnova, 2005]. Доцент Елена Александровна Гурова, защитившая диссертацию по лексикологии, является автором нескольких учебных пособий [Гурова, 2022]. Доцент Анастасия Всеволодовна Ломагина сопоставляла в своей диссертации новеллистику Карен Бликсен с философией С. Киркегора. Она является одним из авторов учебника датского языка [Датский язык, 2014].

Если скандинавистика ранее в университете в каком-то виде существовала, то нидерландистики вообще не было. В 1972 г. по инициативе М.И. Стеблин-Каменского и при активном участии В.П. Беркова на кафедре открылось четвертое отделение — нидерландское (голландское). Известно, что нидерландский язык не входит в группу скандинавских, однако плодотворное научное и педагогическое сотрудничество четырех отделений с тех пор показывает правильность принятого тогда решения. Первым преподавателем практического языка стал Александр Константинович Оглоблин (1939–2020), В.П. Берков читал теоретические курсы. С 1973 г. к преподаванию приступил Игорь Борисович Братусь, профессор, автор многих работ по нидерландистике, в частности хрестоматии «Голландский язык», фонетического пособия и лингвострановедческого словаря «Нидерланды» [Братусь, 1981; 2009; 2011]. Нидерландский язык преподавали также доцент Елена Борисовна Добрынина, за-

зачитавшая диссертацию по грамматике, и доцент С. Г. Халипов. В настоящее время преподает доцент Александра Алексеевна Яковлева, защитившая диссертацию по лексикологии. Профессор Ирина Михайловна Михайлова ранее защитила кандидатскую диссертацию по грамматике нидерландского языка, позже докторскую, опубликованную в виде книги [Михайлова, 2007]. Она опубликовала много работ, является одним из авторов учебника нидерландского языка [Боланд, Михайлова, 1997; 2005] и труда по истории литературы [История нидерландской литературы, I–III, 2013–2015]. С 2019 г. профессор И. М. Михайлова является заведующей кафедрой скандинавской и нидерландской филологии.

Общее количество выпускников кафедры за все годы превышает 650. Они работают в самых разных областях. Среди них есть научные работники, преподаватели вузов и школ, устные и литературные переводчики, переводчики фирм и дипломатических представительств, деятели туристического бизнеса, библиотечные работники, журналисты. Глубокая теоретическая подготовка, полученная на кафедре, позволила некоторым выпускникам достигнуть больших научных высот с защитой докторских диссертаций в таких областях, как лингвистика (Юрий Константинович Кузьменко, Виктор Васильевич Иваницкий), литературоведение (Людмила Юльевна Брауде), история (избранный членом Королевской Датской академии наук Валерий Евгеньевич Возгрин, Юрий Николаевич Беспятых), политология (Лидия Тимофеевна Шинелева) и библиотековедение (Галина Васильевна Михеева). К сожалению, объем статьи не позволяет даже затронуть вопроса перевода произведений современных авторов на русский язык, чему преподаватели уделяют немало времени.

Плодотворная педагогическая и научная деятельность преподавателей кафедры скандинавской и нидерландской филологии Санкт-Петербургского университета заслужила всеобщее признание в стране и за рубежом.

ЛИТЕРАТУРА

- Александров-Агентов А. М. *От Коллонтай до Горбачева*. М.: Международные отношения, 1994. 299 с.
- Берков В. П. *Большой русско-норвежский словарь*. М.: Живой язык, 1998. 936 с.

- Берков В. П. *Вопросы двуязычной лексикографии (Словник)*. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. 202 с.
- Берков В. П. *Двуязычная лексикография*. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1996. 248 с.
- Берков В. П. (при участии А. Бёдварссона). *Исландско-русский словарь*. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1962. 1032 с.
- Берков В. П. *История норвежского языка*. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2012. 152 с.
- Берков В. П. *Новый большой русско-норвежский словарь*. М.: Живой язык, 2011b. 1224 с.
- Берков В. П. *Норвежская лексикология*. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 1994. 185 с.
- Берков В. П. *Норвежская лексикология*. 2-е изд. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2009. 184 с.; СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2011а. 192 с.
- Берков В. П. *Русско-норвежский словарь. Около 51 000 слов*. М.: Русский язык, 1987. 936 с.
- Берков В. П. *Русско-норвежский словарь крылатых слов. 1000 единиц*. М.: Русский язык, 1980. 176 с.
- Берков В. П. *Слово в двуязычном словаре*. Таллин: Валгус, 1977. 140 с.
- Берков В. П. *Справочник по грамматике норвежского языка*. М.: Высшая школа, 2005. 111 с.
- Боланд Х., Михайлова И. *Goed zo! Учебник нидерландского языка*. Т. I. СПб.: Symposium, 1997. 208 с.
- Боланд Х., Михайлова И. *Goed zo! Учебник нидерландского языка*. Т. II. Amsterdam: Pegasus, 2005. 160 p.
- Большой норвежско-русский словарь*. Ред. В. П. Берков. М.: Живой язык, 2006. 1065 с.
- Братусь И. Б. *Вводный фонетический курс нидерландского языка*. СПб.: Ф-т филол. и искусств СПбГУ, 2009. 60 с.
- Братусь И. Б. (ред.-сост.). *Голландский язык: хрестоматия*. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1981. 160 с.
- Братусь И. Б. *Нидерланды: опыт лингвострановедческого словаря*. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2011. 250 с.
- Браун Ф. А. *Исландская литература*. Браун Ф. А. *Лекции по истории всеобщей литературы, читанные на Высших женских курсах. 1897–1898 гг.* СПб., [б. г.]. С. 1–97.
- Браун Ф. А. *Русские князья в исландских сагах: реф. сообщ. Записки отд-я рус. и слав. археологии Имп. Рус. археол. о-ва*. Т. 7, вып. 1. СПб., 1905. С. 179.
- Воронкова Г. В. *Проблемы фонологии*. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1981. 136 с.
- Гурова Е. А. *Датский речевой этикет*. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2022. 50 с.
- Датско-русский политехнический словарь*. В. Ф. Максимов, Л. В. Максимов, Г. В. Максимов, Б. С. Жаров, О. Норлинг-Кристенсен. М: Русский язык; Копенгаген: Гюльдендаль, 1987. 675 с.

- Датско-русский словарь*. Н. И. Крымова, А. Я. Эмзина, А. С. Новакович. М.: Русский язык, 1975. 896 с.
- Жаров Б. С. *Датское произношение*. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1969. 80 с.
- Жаров Б. С. *Датско-русские связи в области культуры*. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2011. 32 с.
- Жаров Б. С. *Замещение как языковое явление*. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. 114 с.
- Жаров Б. С. *Культура и язык Исландии*. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2018. 91 с.
- Жаров Б. С. *Справочник по грамматике датского языка*. М.: Высшая школа, 2008. 115 с.
- История нидерландской литературы*. Т. I. XII — начало XX века. Сост. К. Верхейл, П. Куттенир, И. Михайлова. СПб.: Александрия, 2013. 544 с.
- История нидерландской литературы*. Т. II. XX–XXI века. Сост. К. Верхейл, П. Куттенир, И. Михайлова. СПб.: Александрия, 2013. 528 с.
- История нидерландской литературы*. Т. III. Детская литература. Сост. К. Верхейл, П. Куттенир, И. Михайлова. СПб.: Александрия, 2015. 192 с.
- Канарская М. Е., Ломагина А. В., Остергаард О. *Датский язык: Интенсивный курс*. СПб.: Каро, 2014. 400 с.
- Куприянова И. П. *Датская драматургия первой половины XX века*. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1979. 167 с.
- Куприянова И. П. *Из истории скандинавской литературы*. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2009. 228 с.
- Ливанова А. Н., Воробьева Е. В. *Вводный фонетический курс норвежского языка (букмол)*. М.: МГЛУ, 2022. 124 с.
- Ливанова А. Н. «Лектор скандинавских языков» Эрик Краг. XXXIV Международная филологическая конференция. 14.03.2005–19.03.2005. Вып. 3. Секция истории филологического факультета. СПб., 2005. С. 9–13.
- Ливанова А., Лавринойтис Е. *Поговорим по-норвежски. Повседневная жизнь*. СПб.: Каро, 2013. 240 с.
- Маслова-Лашанская С. С. *Лексикология шведского языка*. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. 208 с.
- Маслова-Лашанская С. С. *Лексикология шведского языка*. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2011. 240 с.
- Маслова-Лашанская С. С., Толстая Н. Н. *Учебник шведского языка*. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1981. 423 с.
- Маслова-Лашанская С. С., Толстая Н. Н. *Учебник шведского языка*. СПб.: Петро-Риф, 1996. 272 с.
- Маслова-Лашанская С. С., Толстая Н. Н. *Учебник шведского языка*. М.: Литера, 2002. 384 с.
- Маслова-Лашанская С. С., Толстая Н. Н. *Учебник шведского языка*. М.: Живой язык, 2008. 384 с.

- Маслова-Лашанская С. С. *Шведский язык. Ч. 1.* Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1953. 319 с.
- Михайлова И. М. *Язык нидерландской поэзии и проблемы поэтического перевода.* СПб. Филол. ф-т СПбГУ, 2007. 216 с.
- Новый большой норвежско-русский словарь.* Ред. В. П. Берков. В 2 т. М.: Живой язык, 2010. Т. 1. С. 1–748; Т. 2. С. 749–1584.
- Русские фразеологизмы (для говорящих на датском, норвежском и шведском языках).* М. И. Дубровин, Б. С. Жаров, В. П. Берков, С. С. Маслова-Лашанская. М.: Русский язык, 1988. 326 с.
- Русско-шведский словарь. Около 50 000 слов.* С. С. Маслова-Лашанская, И. В. Каллистова, А. Г. Густавссон, К. Давидссон, С. Г. Халипов. М.: Русский язык, 1976. 960 с.
- Скандинавская хрестоматия. Т. I. Шведский язык, датский язык.* Ред.-сост. С. С. Маслова-Лашанская, М. П. Ганзен-Кожевникова. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. 332 с.
- Скандинавская хрестоматия. Т. II. Норвежский язык, исландский язык.* Ред.-сост. В. П. Берков. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. 183 с.
- Стеблин-Каменский М. И. *Грамматика норвежского языка.* М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 242 с.
- Стеблин-Каменский М. И. *Древнескандинавская литература.* М.: Высшая школа, 1979. 191 с.
- Стеблин-Каменский М. И. *Древнеисландский язык.* М.: Изд-во лит-ры на ин. яз., 1955. 286 с.
- Стеблин-Каменский М. И. *Исландская литература.* Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1947. 50 с.
- Стеблин-Каменский М. И. *Историческая поэтика.* Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. 174 с.
- Стеблин-Каменский М. И. *История скандинавских языков.* М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 340 с.
- Стеблин-Каменский М. И. *Культура Исландии.* Л.: Наука, 1967. 184 с.
- Стеблин-Каменский М. И. *Мир саги.* Л.: Наука, 1971. 139 с.
- Стеблин-Каменский М. И. *Мир саги. Становление литературы.* Л.: Наука, 1984. 246 с.
- Стеблин-Каменский М. И. *Миф.* Л.: Наука, 1976. 103 с.
- Стеблин-Каменский М. И. *Спорное в языкознании.* Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. 142 с.
- Стеблин-Каменский М. И. *Очерки по диахронической фонологии скандинавских языков.* Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1966. 148 с.
- Тиандер К. Ф. *Поездки скандинавов в Белое море.* СПб.: Тип. Скороходова, 1906. 450 с.
- Тиандер К. Ф. *Скандинавская мифология. Энциклопедический словарь. Гранат. 7-е изд. СПб., [б. г.]. Т. 39. С. 188–191.*

- Толстая Н. Н. (ред.-сост.). *Хрестоматия по шведскому языку*. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. 167 с.
- Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета: материалы к истории факультета. 4-е изд. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2008. 699 с.
- Халипов С. Г. *Краткая грамматика валлийского языка*. СПб.: ДЕАН, 1995. 104 с.
- Эймундова сага. *Библиотека для чтения* (СПб.). 1834. Т. 2, ч. 1. С. 1–46.
- Berkov V. *Aktiv russisk grammatikk*. Oslo: Universitetsforlaget, 1999. 134 s.
- Berkov V. *Norsk ordlære*. Oslo: Universitetsforlaget, 1997. 224 s.
- Berkov V. *Russisk-Norsk Ordbog*. 2. utg. Oslo: Universitetsforlaget, 1994. 1221 s.
- Berkov V. *Russisk-Norsk Ordbog*. 3. utg. Oslo: Kunnskapsforlaget, 2011. 1332 s.
- Harrit J., Krasnova E. *Dansk-Russisk Ordbog*. København: Gyldendal, 2005. 1232 s.
- Stor Norsk-Russisk Ordbog*. Hovedredaktør Valerij Berkov. Oslo: Kunnskapsforlaget, 2003. 1065 s.
- Stor Norsk-Russisk Ordbog*. Hovedredaktør Valerij Berkov. 2. utg. Oslo: Kunnskapsforlaget, 2005. 1065 s.
- Stor Norsk-Russisk Ordbog*. Hovedredaktør Valerij Berkov. 3. utg., Oslo: Kunnskapsforlaget, 2011. 1065 s.

Статья поступила в редакцию 13 апреля 2023 г.;
рекомендована к печати 1 мая 2023 г.

Boris Zharov

St. Petersburg State University

SCANDINAVIAN AND DUTCH PHILOLOGY AT ST. PETERSBURG/LENINGRAD UNIVERSITY

For citation: Zharov B. S. Scandinavian and Dutch philology at St. Petersburg/Leningrad University. *Scandinavian Philology*, 2023, vol. 21, issue 2, pp. 395–415. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2023.212> (In Russian)

In the 19th — early 20th centuries at St. Petersburg University, Scandinavian philology was understood as the study of Old Norse literary works, mostly in connection with the history of Russia, there was no teaching of modern languages. The first Scandinavian language, Swedish, was taught for the first time in 1935 and they began to actively study the Scandinavian languages. The Norwegian department was opened in 1945, the Danish in 1947. A great contribution to the scientific study of various aspects of Scandinavian languages was made by the scientific and organizational activities of professor M. I. Steblin-Kamensky, who published numerous works on Scandinavian linguistics, as well as on medieval literature and mythology. He initiated the creation of the country's first department of Scandinavian philology at Leningrad University in 1958, which he headed for 30 years. The founder of Swedish linguistics was S. S. Maslova-Lashanskaya, author of the most important works. V. P. Berkov created a

whole library with his works on the Norwegian language. He is recognized as one of the world's largest lexicographers, a specialist in bilingual dictionaries. The Scandinavists who worked at the department in different years made a significant contribution to science. In 1972, the Dutch/Netherlands branch was opened, which in a short time showed great scientific potential. Professor I. M. Mikhailova, the author of numerous publications in the field of Dutch linguistics and literary criticism, is the head of the department of Scandinavian and Dutch Philology.

Keywords: Danish, Swedish, Norwegian, Icelandic, Dutch, Old Norse literature, Scandinavian literature, Dutch, Belgian literature.

REFERENCES

- Aleksandrov-Agentov A. M. *From Kollontay to Gorbachev*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 1994. 299 p. (In Russian)
- Berkov V. *Aktiv russisk grammatikk*. Oslo: Universitetsforlaget, 1999. 134 s.
- Berkov V. P. *Bilingual lexicography*. Leningrad: Leningrad University Press, 1996. 248 p. (In Russian)
- Berkov V. *The History of Norwegian*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2012. 152 s. (In Russian)
- Berkov V. P. (with the assistance of A. Bödvarsson). *Icelandic-Russian Dictionary*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei Publ., 1962. 1032 p. (In Russian)
- Berkov V. *New Great Russian-Norwegian Dictionary*. Moscow: Zhivoi iazyk Publ., 2011b. 1224 p. (In Russian)
- Berkov V. *Norsk ordlære*. Oslo: Universitetsforlaget, 1997. 224 s.
- Berkov V. P. *Norwegian grammar: Reference-book*. Moscow: Vysshiaia shkola Publ., 2005. 111 p. (In Russian)
- Berkov V. P. *Norwegian lexicology*. St. Petersburg: St. Peterburg University Press, 1994. 185 p. (In Russian)
- Berkov V. P. *Norwegian lexicology*. 2nd ed. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2009. 184 p.; St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2011a. 192 p. (In Russian)
- Berkov V. P. *Problems of bilingual lexicography (Glossary)*. Leningrad: Leningrad University Press, 1973. 202 p. (In Russian)
- Berkov V. *Russian-Norwegian dictionary. 51 000 words*. Moscow: Russkii iazyk Publ., 1987. 936 p. (In Russian)
- Berkov V. *Great Russian-Norwegian dictionary. 51 000 words*. Moscow: Zhivoi iazyk Publ., 1998. 936 p. (In Russian)
- Berkov V. P. *Russian-Norwegian dictionary of winged words. 1000 units*. Moscow: Russkii iazyk Publ., 1980. 176 p. (In Russian)
- Berkov V. *Russisk-Norsk ordbog*. 2. utg. Oslo: Universitetsforlaget, 1994. 1221 s.
- Berkov V. *Russisk-Norsk ordbog*. 3. utg. Oslo: Kunnskapsforlaget, 2011. 1332 s.
- Berkov V. P. *The word in the bilingual dictionary*. Tallinn: Valgus, 1977. 140 p. (In Russian)

- The Big Norwegian-Russian dictionary*. Ed. V.P.Berkov. Moscow: Zhivoi iazyk Publ., 2006. 1065 p. (In Russian)
- Boland H., Mikhailova I. *Goed zo! Dutch: Textbook*. T.I. St. Petersburg: Symposium, 1997. 208 p. (In Russian)
- Boland H., Mikhailova I. *Goed zo! Dutch: Textbook*. T.II. Amsterdam: Pegasus, 2005. 160 p. (In Russian)
- Bratus' I. B. *Introductory course of Dutch phonetics*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2009. 60 p. (In Russian)
- Bratus' I. B. (ed., comp.). *Dutch: Reading-Book*. Leningrad: Leningrad University Press, 1981. 160 p. (In Russian)
- Bratus' I. B. *Netherlands: Experience of linguistic and cultural dictionary*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2011. 250 p. (In Russian)
- Braun F. A. Icelandic literature. *Braun F. A. Lectures about History of World Literature given at Woman university in 1897–1898*. St. Petersburg, [s. a.] P.1–97. (In Russian)
- Braun F. A. Russian princes in Icelandic sagas: Referat. *Zapiski otdelenia russkoi i slavianskoi arkheologii Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva*. 1905. Vol. 7. Pt 1. P. 179. (In Russian)
- Danish-Russian dictionary*. N. I. Krymova, A. Ia. Emzina, A. S. Novakovich. Moscow: Russkii iazyk Publ, 1975. 896 p. (In Russian)
- Danish-Russian polytechnical dictionary*. V. F. Maksimov, L. V. Maksimov, G. V. Maksimov, B. S. Zharov, O. Norling-Kristensen. Moscow: Russkii iazyk Publ.; Copenhagen: Gyldendal, 1987. 675 p. (In Russian)
- Gurova E. A. *Danish language etiquette*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2022. 50 p. (In Russian)
- Harrit J., Krasnova E. *Dansk-Russisk Ordbog*. København: Gyldendal, 2005. 1232 s. (In Russian)
- History of the Netherlandic literature. Vol. I. 12th — beginning of 20th century*. K. Verheil, P. Kutténier, I. Michajlova. St. Petersburg: Aleksandria Publ., 2013. 544 p. (In Russian)
- History of the Netherlandic literature. Vol. II. 20th — 21st century*. K. Verheil, P. Kutténier, I. Michajlova. St. Petersburg: Aleksandria Publ., 2013. 528 p. (In Russian)
- History of the Netherlandic literature. T. III. Children literature*. K. Verheil, P. Kutténier, I. Michajlova. St. Petersburg: Aleksandria Publ., 2015. 192 p. (In Russian)
- Kanarskaia M. E., Lomagina A. V., Ostergaard O. *Danish: An intensive course*. St. Petersburg: Karo Publ., 2014. 400 p. (In Russian)
- Khalipov S. G. *The short grammar of Welsh*. St. Petersburg: DEAN Publ., 1995. 104 p. (In Russian)
- Kupriianova I. P. *Danish dramaturgy in the first half of 20th century*. Leningrad: Leningrad University Press, 1979. 167 p. (In Russian)
- Kupriianova I. P. *From history of Scandinavian literature*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2009. 228 p. (In Russian)

- Livanova A. N., Vorobjova E. V. *Introductory course of Norwegian phonetics (Bok-maal)*. Moscow: Moscow Linguistic University Press, 2022. 124 p. (In Russian)
- Livanova A. N. "Lector of Scandinavian Languages" Erik Krag. *XXXIV Mezhdunarodnaia filologicheskaja konferentsia. 14.03.2005–19.03.2005. Iss. 3. Sektsia istorii filologicheskogo fakul'teta*. St. Petersburg, 2005. 124 p. (In Russian)
- Livanova A., Lavrinaitis E. *Let's talk Norwegian. Everyday life*. St. Petersburg: KARO Publ., 240 p. (In Russian)
- Maslova-Lashanskaia S. S. *Swedish. Pt 1*. Leningrad: Leningrad University Press, 1953. 319 p. (In Russian)
- Maslova-Lashanskaia S. S. *Swedish lexicology*. Leningrad: Leningrad University Press, 1973. 208 p. (In Russian)
- Maslova-Lashanskaia S. S. *Swedish lexicology*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2011, 2014. 240 p. (In Russian)
- Maslova-Lashanskaia S. S., Tolstaia N. N. *Swedish: textbook*. Leningrad: Leningrad University Press, 1981. 423 p. (In Russian)
- Maslova-Lashanskaia S. S., Tolstaia N. N. *Swedish: textbook*. St. Petersburg: Petro-Rif Publ., 1996, 272 p. (In Russian)
- Maslova-Lashanskaia S. S., Tolstaia N. N. *Swedish: textbook*. Moscow: Litera Publ., 2002. 384 p. (In Russian)
- Maslova-Lashanskaia S. S., Tolstaia N. N. *Swedish: textbook*. Moscow: Zhivoi iazyk Publ., 2008. 384 p. (In Russian)
- Mikhailova I. M. *The language of Netherlandic poetry and problems of poetic translation*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2007. 216 p. (In Russian)
- The New Big Norwegian-Russian dictionary*. Ed. V. P. Berkov. Moscow: Zhivoi iazyk Publ., 2010. T. 1. P. 1–748. T. 2. P. 749–1584. (In Russian)
- Norsteds ryska ordbok: Rysk-Svensk, Svensk-Rysk*. Stockholm: Norsteds Akademiska Förlag, 2007. 928 s.
- Philological faculty of St. Petersburg State University: Materials to history of the faculty*. 4th ed. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2008. 699 p. (In Russian)
- Russian idioms (translated to Danish, Norwegian, Swedish)*. M. I. Dubrovin, B. S. Zharov, V. P. Berkov, S. S. Maslova-Lashanskaia. Moscow: Russkii iazyk Publ., 1988. 326 p. (In Russian)
- Russian-Swedish dictionary*. S. S. Maslova-Lashanskaia, I. V. Kallistova, A. G. Gustavsson, K. Davidsson, S. G. Khalipov. Moscow: Russkii iazyk Publ., 1976. 960 p. (In Russian)
- Saga about Eimund. *Biblioteka dlia chteniia* (St Petersburg), 1834, vol. 2. P. 1–46. (In Russian)
- Scandinavian Text-book. T. I. Swedish, Danish*. S. S. Maslova-Lashanskaia, M. P. Ganzen-Kozhevnikova (eds, comp.). Leningrad: Leningrad University Press, 1962. 332 p. (In Russian)
- Scandinavian Text-book. T. II. Norwegian, Icelandic*. V. P. Berkov (ed., comp.). Leningrad: Leningrad University Press, 1965. 183 p. (In Russian)

- Steblyn-Kamenskii M. I. *Culture of Iceland*. Leningrad: Nauka Publ., 1967. 184 p. (In Russian)
- Steblyn-Kamenskii M. I. *Debatable questions in Linguistics*. Leningrad: Leningrad University Press, 1974. 142 p. (In Russian)
- Steblyn-Kamenskii M. I. *Historic poetics*. Leningrad: Leningrad University Press, 1978. 174 p. (In Russian)
- Steblyn-Kamenskii M. I. *The History of the Scandinavian languages*. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Press, 1953. 340 p. (In Russian)
- Steblyn-Kamenskii M. I. *Icelandic literature*. Leningrad: Leningrad University Press, 1947. 50 p. (In Russian)
- Steblyn-Kamenskii M. I. *Myth*. Leningrad: Nauka Publ., 1976. 104 p. (In Russian)
- Steblyn-Kamenskii M. I. *Norwegian grammar*. Moscow, Leningrad: AN SSSR Publ., 1957. 242 p. (In Russian)
- Steblyn-Kamenskii M. I. *Old Norse language*. Moscow: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh iazykakh Publ., 1955. 286 p. (In Russian)
- Steblyn-Kamenskii M. I. *Old Norse literature*. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1979. 191 p. (In Russian)
- Steblyn-Kamenskii M. I. *Essays about diachronic phonology of Scandinavian languages*. Leningrad: LGU Publ., 1966. 148 p. (In Russian)
- Steblyn-Kamenskii M. I. *The Saga mind*. Leningrad: Nauka Publ., 1971. 139 p. (In Russian)
- Steblyn-Kamenskii M. I. *The Saga mind; The formation of literature*. Leningrad: Nauka Publ., 1984. 246 p. (In Russian)
- Stor Norsk-Russisk Ordbog*. Hovedredaktør Valerij Berkov. Oslo: Kunnskapsforlaget, 2003. 1065 s.
- Stor Norsk-Russisk Ordbog*. Hovedredaktør Valerij Berkov. 2. utg. Oslo: Kunnskapsforlaget, 2005. 1065 s.
- Stor Norsk-Russisk Ordbog*. Hovedredaktør Valerij Berkov. 3. utg. Oslo: Kunnskapsforlaget, 2011. 1065 s.
- Tiander K. F. *The Journays of vikings to White sea*. St. Petersburg: Tip. Skorokhodov Publ., 1906. 450 p. (In Russian)
- Tiander K. F. Scandinavian Mythology. *Entsiklopedicheskii slovar' tovarishchestva Granat*. 7th ed. [L. a.] T. 39. P. 188–191. (In Russian)
- Tolstaia N. (ed., comp.). *Swedish: Reading-book*. Leningrad: Leningrad University Press, 1986. 167 p. (In Russian)
- Voronkova G. V. *Problems of phonology*. Leningrad: Leningrad University Press, 1981. 136 p. (In Russian)
- Zharov B. S. *The culture and language of Iceland*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2018. 91 p. (In Russian)
- Zharov B. S. *Danish grammar: Reference-book*. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 2008. 115 p. (In Russian)
- Zharov B. S. *Danish phonetics*. Leningrad: Leningrad University Press, 1969. 80 p. (In Russian)

Zharov B.S. *Danish-Russian culture connections*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2011. 32 p. (In Russian)

Zharov B.S. *Substitution as a language problem*. Leningrad: Leningrad University Press, 1984. 114 p. (In Russian)

Жаров Борис Сергеевич

кандидат филологических наук, доцент,

Санкт-Петербургский государственный университет,

Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

E-mail: b.zharov@spbu.ru

Boris Zharov

PhD in Philology, Associate Professor,

St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federaion

E-mail: b.zharov@spbu.ru

Received: April 13, 2023

Accepted: May 1, 2023

Учредитель: Санкт-Петербургский государственный университет

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73019 от 6 июня 2018 г. (Роскомнадзор)

Главный редактор *О. С. Ермакова*, канд. филол. наук, доц.
Редактор русского текста *В. С. Щеглова*
Корректоры *Ю. А. Стржельбицкая*, *И. П. Журова*
Компьютерная верстка *Е. М. Воронковой*

Дата выхода в свет 15.02.2024. Формат 60 × 84 1/16. Усл. печ. л. 12,9.

Тираж 35 экз. Заказ № . Цена свободная.

Адрес редакции: 199034, С.-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

Издательство Санкт-Петербургского университета

199004, С.-Петербург, 6-я линия В.О., д. 11

Тел. (812)328-96-17; факс (812)328-44-22

publishing@spbu.ru

publishing.spbu.ru

Типография Издательства СПбГУ

199034, С.-Петербург, Менделеевская линия, д. 5

Позиция редакции может не совпадать с позицией авторов.